

Н.А. ЛЕЙКИН

НАШИ
ЗАГРАНИЦЕЙ

LES EDITEURS REUNIS PARIS

Н. А. Лейкинъ.

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЕЗДКИ СУПРУГОВЪ,

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны
ИВАНОВЫХЪ

ВЪ ПАРИЖЪ И ОБРАТНО.

33-ье ИЗДАНИЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕССЪ“.
Рига, 1928.

Н. А. Лейкинъ.

НАШИ ЗАГРАНИЦЕЙ.

ЮМОРИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПОЕЗДКИ СУПРУГОВЪ,

Николая Ивановича и Глафиры Семеновны
ИВАНОВЫХЪ

ВЪ ПАРИЖЪ И ОБРАТНО.

34-ое изданіе

LES ÉDITEURS RÉUNIS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
F. 75005 PARIS

Les Éditeurs Réunis, 1977

I.

Переѣхали русскую границу. Показался прусскій орель, изображенный на щитѣ, прибитомъ къ столбу. Поѣздъ подѣхалъ къ станціонному зданію. Русскіе кондуктора въ послѣдній разъ отворили двери вагоновъ. Послышалась нѣмецкая рѣчъ. Стояли два откормленные нѣмца въ черныхъ военныхъ плащахъ съ множествомъ пуговицъ по правую и по лѣвую сторону груди и въ каскахъ со штыками. „Ейдкуненъ“! возгласилъ кто-то, проглатывая слова. Виднѣлись вывѣски со стрѣлами и съ надписями „Herrn“, „Damen“. Пассажиры стали снимать съ полокъ ручной багажъ и начали выходить изъ вагоновъ. Въ числѣ ихъ былъ и молодой купецъ съ женой, купеческое происхожденіе котораго сказывалось въ каждой складкѣ, въ каждомъ движеніи, хотя онъ и былъ одѣтъ по послѣдней модѣ. Прежде всего онъ ударилъ себя ладонью по дну шляпы котелкомъ и сказалъ женѣ:

— Ну-съ, Глафира Семеновна, прїѣхали въ заграницу. Теперь слѣдуетъ намъ свое образованіе доказывать. Сажайте иностранныя слова! Сажайте безъ всякихъ стѣсненіевъ. Жарьте во всю.

Молодая супруга, одѣтая тоже по послѣдней модѣ, смущилась и покраснѣла.

— А какая это земля? — спросила она.

— Знамо дѣло — Нѣметчина. Нѣмецъ всегда на границѣ стоитъ. Помимо нѣмца ни въ какую чужую

землю не проѣдешь. Забирайте свою подушку-то. Мне три не протащить сквозь двери. А насчетъ саквояжей мы носильщика крикнемъ. Какъ носильщикъ-то на нѣмецкій манеръ?

— Я, Николай Ивановичъ, не знаю. Насъ этимъ словамъ въ пансіонѣ не обучали.

— Какъ-же это такъ... А говорили, что обучались.

— Я и обучалась, а только комнатныя слова знаю.

— Странно... самъ-же я слышалъ, какъ вы стихи читали на иностранномъ діалектѣ.

— То по-французски. Вотъ ежели по-французски придется, то я больше знаю.

— Какъ тутъ въ нѣмецкой землѣ по-французски! Нѣмецъ страхъ какъ француза не любить. Ему французъ—что тараканъ во щахъ. Эй носильщикъ! — кричить купецъ. — Гутъ моргенъ... Какъ васъ? Коммензи... Наши чемоданы. Брингензи... Саквояжи...

— Вотъ видишь, ты и самъ нѣмецкія слова знаешь.

— Десять-то словъ! На этомъ не много уѣдешь. Хмельного я самъ попрошу по-нѣмецки, потому хмельные слова я знаю, а остальные ни въ зубъ. Эй, херъ носильщикъ! Херъ это по-ихнему господинъ. Поучтивѣ, такъ, можетъ, лучше... Херъ носильщикъ! Нейдеть, подлецъ! Въ другой вагонъ проперъ. Неужто самому придется переть?.. Вытаскивай подушки, а я саквояжи... Тащи? Чего-же стала?

— Да видишь, главная подушка не пролѣзаетъ. Надо по одной штукѣ...

— И къ чemu только ты три подушки съ собой забрала!

— Да я не могу на одной спать. Голова затекаетъ. И наконецъ, вѣдь, не знаешь, куда ѿдешь. Можетъ быть, тамъ и вовсе безъ подушекъ...

— Брось подушки. Давай, я ихъ вытащу... Ну, пропихивай сзади, пропихивай... Вотъ такъ... Вѣдь таможня здѣсь. Не стали-бы нѣмцы подушки распарывать и искать въ нихъ? Вѣдь цѣлые перины мы притащили. Не сочли-бы за мѣшки съ товаромъ. Хоть сказать имъ, что это подушки. Какъ подушки-то по-нѣмецки?

— Не знаю.

— Здравствуйте! А сейчас хвасталась, что въ комнатныя слова знаешь. Вѣдь подушка—комнатное слово.

— Знала, да забыла. И чего вы на меня сердитесь? Вѣдь вы и сами не знаете!

— Я другое дѣло. Я спеціалистъ по хмельнымъ словамъ. Вотъ въ буфетѣ я въ лучшемъ видѣ... „Бирь—тринкенъ... Шнапсъ—тринкенъ... Зейдель... фляше... бутербродъ“... и, наконецъ, я въ пансіонѣ не обучался. Нѣмецкимъ словамъ я выучился у нѣмцевъ—колонистовъ, которые прѣѣзжаютъ къ намъ въ лавку веревки, парусину и гвозди покупать. „Ейнъ, цвей, дрей, фиръ, фиръ рубль, цванцигъ копекенъ“. Считать по-нѣмецки тебѣ что угодно выскитаю, а другихъ я словъ не знаю. Ну, постой тутъ около подушекъ, а я саквояжи вытащу. Эй, херь носильщикъ! Нумеръ ейнъ ундъ цванцигъ! Коммензи! — снова началъ кричать купецъ и манить носильщика.

Носильщикъ, наконецъ, подошелъ, взялъ вещи и понесъ ихъ. Купецъ и его супруга тащили сзади подушки, зонтики, пледъ и ватное стеганое одѣяло.

— Zollamt... jetzt ist Zollamt... Koffer haben Sie, mein Herr? — спрашивалъ носильщикъ куяца.

— Чортъ его знаетъ, что онъ бормочетъ! — воскликнулъ купецъ. — Глафира Семеновна, понимаешь? — обратился онъ къ женѣ.

— Да должно быть на чай просить. Дай ему, — отвѣчала та.

— Ну, народъ! Даже двугривенного не хотятъ повѣрить и впередъ деньги требуютъ. Бери, бери... Вотъ три гривенника. Не надувать сюда прѣѣхали. Мы въ Петербургѣ въ полномъ довѣріи. У меня по банкамъ на полтораста тысячъ векселей гуляетъ...

Носильщикъ денегъ не бралъ и говорилъ:

— Nacher, nacher werden Sie zahlen...

— Глаша! Не беретъ. Неужто двухъ пятиалтынныхъ мало? — недоумѣвалъ купецъ. — Иль, можетъ быть, ему нѣмецкія деньги надо?

— Да, конечно-же, онъ нѣмецкія деньги требуетъ,

— Дейчъ гельдъ хочешь? Дейчъ надо размѣнять. Гдѣ тутъ мѣняльная лавка? Надо размѣнять. Понимаешь? Ничего не понимаетъ. Глаша! Да скажи ему по-нѣмецки, какъ васъ учили. Чего ты стыдишься-то! Ну, какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка? Сади!

— Ахъ, Боже мой! Ну, что ты ко мнѣ пристаешь-то!

— Ничего не знаетъ! А еще у мадамы учились.

— Мѣняльную лавку вы найдете на вокзалѣ. Тамъ еврей вамъ и размѣняетъ, — послышалось сзади по-русски.

Говорилъ какой-то господинъ въ войлочной дорожной шапочкѣ. Купецъ обернулся и сказалъ:

— Мерси васъ... Удивительно какъ трудно безъ нѣмецкаго языка... Ничего не понимаютъ. Будьте добры сказать этой колбасѣ, что онъ на чай въ лучшемъ видѣ получить, какъ только я размѣняю русскія деньги. Ну, вотъ... Еще мерси васъ... Извините... А какъ по-нѣмецки мѣняльная лавка, чтобы я могъ спросить?

— Вексельбуде... Но еврей, который будетъ мѣнять вамъ деньги, говорить по-русски.

— Анкоръ мерси васъ... Вексельбуде, вексельбуде, — твердилъ купецъ. — Запомни, Глаша, какъ мѣняльная лавка называется, а то я впопыхахъ-то могу забыть. Вексельбуде, вексельбуде.

У дверей вокзала стояли прусскіе жандармы и таможенные чиновники, отбирали паспорта и пропускали пассажировъ по очереди.

— Эхъ, слѣдовало-бы захватить съ собой въ дорогу Карла Адамыча для нѣмецкаго языка, — говорилъ купецъ. — Онъ хоть пропойный человѣкъ, а все-таки съ языкомъ.

— Такъ отчего-же не взялъ? — сказала жена.

— А не сама-ли ты говорила, что я съ нимъ съ круга сбиться могу? Я на твое образованіе надѣялся.

— Фу, какъ ты мнѣ надоѣлъ! Вотъ возьму да на зло тебѣ и заплачу.

— Да плачь. Чортъ съ тобой!

Жена слезливо заморгала глазами. Купецъ проталкивалъ ее впередъ.

— Пассъ! — возгласилъ жандармъ и загородилъ ей дорогу.

— Глаша! Что онъ говорить? Чего ему нужно? — спрашивалъ у жены купецъ.

— Отстань. Ничего не знаю.

— Пассъ! — повторилъ жандармъ и протянулъ руку.

— Ну, вотъ извольте видѣть, словно онъ будто въ винтъ играетъ: пассъ да пассъ.

— Отдайте свой паспортъ. Онъ паспортъ требуетъ, — сказалъ кто-то по-русски.

— Паспортъ? Ну, такъ-бы и говорилъ, а то пассъ да пассъ... Вотъ паспортъ.

Купецъ отдалъ паспортъ и проскользнулъ сквозь двери. Жену задержали и тоже требовали паспортъ.

— Глаша! Чего-же ты?.. Иди сюда... Глафира Семеновна! Чего ты стала? — кричалъ купецъ.

— Да не пускаютъ. Вонъ онъ руки распространяеть, — отвѣчала та. — Пустите же меня! — раздраженно рванулась она.

— Пассъ! — возвысилъ голосъ жандармъ.

— Да вѣдь я отдалъ ейный паспортъ. Жена при мужѣ... Жена въ моемъ паспортѣ... Паспортъ у насъ общій... Это жена моя... Послушайте, херь... Такъ не дѣлается... Это безобразіе... Ейнъ паспортъ. Ейнъ паспортъ на цвей, — возмущался купецъ.

— Я жена его... Я фрау, фрау... А онъ мужъ... Это мой мари... монъ мари... — бормотала жена.

Наконецъ ее пропустили.

— Ну, народъ! — восклицалъ купецъ. — Ни одного слова по-русски... А еще, говорять, образованные нѣмцы! Говорятъ, куда ни плюнь, вездѣ университетъ или академія наукъ. Гдѣ-же тутъ образованіе, спрашивается?! Тыфу, чтобы вамъ сдохнуть!

Купецъ плюнулъ.

II.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, запыхавшіеся и раскраснѣвшіеся, сидѣли уже въ прусскомъ вагонѣ. Передъ ними стоялъ нѣмецъ-носильщикъ и

ждаль подачки за принесенные въ вагонъ мѣшки и подушки. Николай Ивановичъ держаль на ладони горсть прусскихъ серебряныхъ монетъ, перебиралъ ихъ другой рукой и рѣшительно недоумѣвалъ, какую монету дать носильщику за услугу.

— Разбери, что это за деньги! — бормоталъ онъ.— Однѣ будто-бы полтинники, а другія, которыя побольше, такъ тоже до нашего рубля не хватають! Потомъ мелочь!. На однѣхъ монетахъ помѣчено, что пять, на другихъ стоитъ цифирь пятьдесятъ, а обѣ монетки одной величины.

Онъ взяль три монетки по десяти пфениговъ и подаль носильщику. Тотъ скривилъ лицо и подбросилъ монетки на ладони.

— Неужто мало? Вѣдь я три гривенника даю! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и далъ еще десять пфениговъ.

Носильщикъ плюнулъ, отвернулся и, не приподнявъ шапки, отошелъ отъ вагона.

— Вотъ такъ нѣмецкая морда! Сорокъ ихнихъ копѣекъ даю, а онъ и этимъ недоволенъ. Да у нась-то за сорокъ копѣекъ носильщики въ поясъ кланяются! — продолжалъ Николай Ивановичъ, обращаясь къ женѣ.

— А почемъ ты знаешь, можетъ быть, ихнія копѣйки-то меньше? — сказала та и прибавила: — Ну, да что обѣ этомъ толковать! Хорошо, что ужъ въ вагоны-то усѣлись. Только, въ тѣ ли мы вагоны сѣли? Не уѣхать бы куда въ другое мѣсто вмѣсто Берлина-то!

— Песь ихъ знаетъ! Каждому встрѣчному и попеченному только и твердилъ, что Берлинъ, Берлинъ и Берлинъ. Всѣ тыкали перстами въ этотъ вагонъ.

Николай Ивановичъ высунулся изъ окна вагона и крикнулъ:

— Эй! херъ кондукторъ! Берлинъ здѣсь?

— О, ja, mein Herr, Berlin.

— Слышишь? Около русской границы и то по-нѣмецки. Хотя бы одна каналья сказала какое-нибудь слово по-русски, кромѣ жида-мѣнялы.

— Ну, вотъ съ жидами и будемъ разговаривать. Вѣдь ужъ жиды навѣрное вездѣ есть.

— Да неужто, ты, Глашенька, окромя комнатныхъ словъ, никакого разговора не знаешь?

— Про ъду знаю.

— Ну, слава Богу, хоть про ъду-то. По крайней мѣрѣ, голодомъ не насидимся. Ты про ъду, я про хмельное и всякое питейное. Ты, по крайней мѣрѣ, поняла ли, что нѣмецъ въ таможнѣ при допросѣ-то спрашивалъ?

— Да онъ только про чай да про табакъ съ папиросами и спрашивалъ. Тѣ, табакъ папироcъ...

— Ну, это-то и я понялъ. А онъ еще что-то спрашивалъ.

— Ничего не спрашивалъ. Спрашивалъ про чай и про папиросы, а я молчу и вся дрожу, — продолжала жена. — Думала, ну какъ полѣзеть въ платьѣ щупать.

— А гдѣ у тебя чай съ папиросами?

— Въ турнюрѣ. Два фунта чаю и пятьсотъ штукъ папироcъ для тебя.

— Вотъ за это спасибо. Теперь, по крайности, мы и съ чаемъ, и съ папиросами. А то Федоръ Кирилычъ вернулся изъ заграницы, такъ сказывалъ, что папиросы ихнія на манеръ какъ бы изъ капустнаго листа, а чай такъ брандахлыстъ какой-то. Вотъ пиво здѣсь—уму помраченье. Я сейчасъ пару кружекъ опрокинула—прелесть. Бутерброды съ колбасой тоже должны быть хороши. Страна колбасная.

— Колбасная-то колбасная, да кто ихъ знаетъ, изъ чего они свои колбасы дѣлаютъ. Можетъ быть, изъ кошечъ да изъ собакъ. Нѣть, я ихъ бутербродовъ ѿстъ не стану. Я своихъ булокъ захватила и у меня сыръ есть, икра.

— Нельзя же, душечка, совсѣмъ не ѿстъ.

— Колбасу? Ни за что на свѣтѣ! Да и вообще не стану ѿстъ ничего, кроме котлеты или бифштекса. У нихъ, говорять, супъ изъ рыбьей чешуи, изъ яичной скорлупы и изъ сельдяныхъ головъ варится.

— Ну?!

— Я отъ многихъ слышала. Даже въ газетахъ читала. А нашъ жилецъ-нѣмецъ настройщикъ, что въ па-

пенькиномъ домъ живетъ... Образованный нѣмецъ, а что онъ Ѳсть вмѣсто супа? Разболтаетъ въ пивѣ корки чернаго хлѣба, положить туда яйцо, сварить, вотъ и супъ. Намъ ихняя кухарка рассказывала. „Они, говорить, за обѣ щеки Ѳдятъ, а мнѣ въ глотку не идетъ. Я, говорить, кофейными переварками съ ситнымъ въ тѣ дни питаюсь“. Я и рыбу у нихъ въ Нѣметчинѣ Ѳсть не буду.

— Рыбу-то отчего? Вѣдь ужъ рыба все рыба.

— Боюсь, какъ-бы вмѣсто рыбы змѣи не подали. Они и змѣй Ѳдятъ и лягушекъ.

— Это французы.

— И французы, и нѣмцы. Нѣмцы еще хуже. Я сама видѣла, какъ настройщицкая нѣмка въ корзинѣ угря на обѣдъ съ рынка тащила.

— Такъ угря-же, а не змѣю.

— Та же змѣя, только водяная. Нѣтъ, я у нихъ ни рыбы, ни колбасы, ни супу—ни за что на свѣтѣ... Бифштексъ, котлета, булки. Пироги буду Ѳсть, и то только съ капустой. Яйца буду Ѳсть. Тутъ ужъ, по крайней мѣрѣ, видишь, что Ѳьши настоящее.

— У нихъ и яйца поддѣльные есть.

— Да что ты! Какъ же это такъ яйца поддѣлать?

— Въ искусственной алебастровой скорлупѣ, а внутри всякая химическая дрянь. Я недавно еще читалъ, что поддѣлываютъ.

— Тыфу, тыфу! Кофе буду пить съ булками.

— И кофе поддѣльный. Тутъ и жареный горохъ, и рожь, и цикорий.

— Ну, это все-таки не поганое.

— А масла у нихъ настоящаго и нѣтъ. Все маргаринъ. Вѣдь мы съ нихъ примѣръ-то взяли. Да еще изъ чего маргаринъ-то...

— Не рассказывай, не рассказывай!.. — замахала руками жена. — А то я ничего жаренаго Ѳсть не стану. Поѣздъ тихо тронулся.

— По нѣмецкой землѣ Ѳдемъ. Въ царство пива и колбасы нась везутъ,—сказалъ Николай Ивановичъ.

III.

Поездъ стрѣлой мчался отъ Эйдкунена по направлению къ Берлину, минуя не только полустанки, но даже и незначительные станціи, останавливаясь только на одну или двѣ минуты передъ главными станціями. Передъ окнами вагоновъ мелькали, какъ въ калейдоскопѣ, каменные деревеньки съ черепичными крышами на домахъ, съ маленькими огородиками между домовъ, обнесенными живой изгородью, аккуратно подстриженной, а въ этихъ огородахъ—женщины въ соломенныхъ шляпкахъ съ лентами, копающіяся въ грядахъ.

— Смотри-ка, смотри-ка: въ шляпкахъ и на огородахъ работаютъ!—удивлялась Глафира Семеновна. — Да неужели это нѣмецкія деревенскія бабы?

— Должно быть, что бабы. Карль Адамычъ сказывалъ, что у нихъ деревенскія бабы въ деревняхъ даже на фортепіанахъ играютъ, а по праздникамъ себѣ мороженое стряпаютъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Мороженое? Да что ты! А какъ-же у насъ рассказываютъ, что нѣмцы и нѣмки съ голоду къ намъ въ Россію їдуть? Вѣдь ужъ ежели мороженое...

— Положимъ, что отъ мороженаго въ брюхѣ еще больше заурчить, ежели его одного нажраться. Да нѣть, не можетъ быть, чтобы съ голоду... Какой тутъ голодъ, ежели въ деревняхъ вотъ уже сколько времени їдемъ—ни одной развалившейся избы не видать. Даже соломенныхъ крышъ не видать. Просто-напросто нѣмецъ къ намъ їдетъ на легкую работу. Здѣсь онъ гряды копаетъ, а у насъ пріїдетъ—сейчасъ ему мѣсто управляющаго въ имѣніи... Здѣсь бандуристъ какой-нибудь и по трактирамъ за пятаки да за гривенники играетъ, а къ намъ пріїдетъ—настройщикъ и сейчасъ ему по полтора рубля за настройку фортепіанъ платятъ.

Не мало удивлялись они и нѣмкѣ-пассажиркѣ, вязавшей чулокъ, которая, какъ вошла въ вагонъ, вынула начатый чулокъ, да такъ и не переставала его вязать въ теченіе двухъ часовъ.

— Неужто дома-то у ней не хватаетъ времени, чтобы связать чулки? — сказала жена.

— И хватаетъ, можетъ статься, да ужъ такая извадка, — отвѣчалъ мужъ. — Нѣмки ужъ такой народъ... Нѣмка не только что въ вагонъ, а и въ гробъ ляжетъ, такъ и то чулокъ вязать будетъ.

А поѣздъ такъ и мчался. Супруги наѣлись булокъ съ сыромъ и икрой. Жажда такъ и томила ихъ послѣ соленаго, а напиться было нечего. Во время минутныхъ остановокъ на станціяхъ они не выходили изъ вагоновъ, чтобы сбѣгать въ буфетъ, опасаясь, что поѣздъ уйдетъ безъ нихъ.

— Чортъ бы побралъ эту нѣмецкую ъзду съ минутными остановками! Помилуйте, даже въ буфетъ сбѣгать нельзя! — горячился Николай Ивановичъ. — Поѣздъ останавливается, пятьдесятъ человѣкъ выпускаютъ, пятьдесятъ пассажировъ принимаютъ — и опять пошелъ. Ни предупредительныхъ звонковъ — ничего. Одинъ звонокъ — и катай-валяй. Говорять, это для цивилизациі... Какая тутъ къ чорту цивилизациі, ежели человѣку во время остановки поѣзда даже кружки пива выпить нельзя?

— Да дай кондуктору на чай и попроси, чтобы онъ намъ въ вагонъ пива принесъ, — посовѣтовала ему жена... — За стекло-то заплатимъ.

— Попроси... Легко сказать — попроси... А какъ тутъ попросишь, коли безъ языка? На тебя понадѣялся, какъ на ученую, а ты ни въ зуѣ толкнуть по-нѣмецки...

— Комнатныя слова я знаю, а тутъ хмельныя слова. Это по твоей части. Самъ-же ты хвастался, что хмельныя слова выучилъ въ лучшую, — ну, вотъ и попроси у кондуктора, чтобы онъ принесъ пива.

— А и то попросить.

Николай Ивановичъ вынуль изъ кармана серебряную марку и, показывая ее пробѣгавшему кондуктору, крикнулъ:

— Эй, херъ!.. Херъ кондукторъ! Коммензи... Вотъ вамъ нѣмецкая полтина... Дейчъ полтина... Биръ тринкенъ можно? Брингензи биръ... Боюсь выйти изъ вагона, чтобы онъ не уѣхалъ... Два биръ... Цвей биръ... Для меня и для мадамъ... Цвей биръ, а остальное — немензи на чай...

Все это сопровождалось жестами. Кондукторъ понялъ—и явилось пиво. Кельнеръ принесъ его изъ буфета. Мужъ и жена жадно выпили по кружкѣ.

Поѣздъ опять помчался.

IV.

Выпитая кружка пива раздражила еще больше жажду Николая Ивановича и Глафиры Семеновны.

— Господи! Хоть-бы чайку гдѣ-нибудь напиться въ охотку, — говорила Глафира Семеновна мужу. — Неужто поѣздъ такъ все и будетъ мчаться до Берлина безъ остановки? Гдѣ-же мы пообѣдаемъ? Гдѣ-же мы поужинаемъ? Хоть бифштексъ какой-нибудь съѣсть и супцу похлебать. Вѣдь нельзя-же всю дорогу сыромъ и икрой питаться. Да и хлѣба у меня мало. Всего только три маленькия булочки остались. Что это за житье, не пивши, не ъвиши, помилуйте!

— Ага! жалуешься! — поддразнилъ ее мужъ. — А зачѣмъ просилась заграницу? Сидѣла бы у себя дома на Лиговкѣ.

— Я просилась на Эйфелеву башню, я просилась къ французамъ на выставку.

— Да вѣдь и тамъ не слаще. Погоди, на Эйфелевой-то башнѣ, можетъ быть, взвоешь.

— Николай Иванычъ, да попроси-же ты у кондуктора еще пива.

— Погоди, дай до станціи-то доѣхать.

Но на станціяхъ, какъ на грѣхъ, останавливались на одну минуту.

Поѣздъ мчался съ неимовѣрной быстротой. Мимо оконъ вагоновъ безпрерывно мелькали домики, поля, засѣянныя озимью, выравненные, скошенные луга, фабричныя трубы или сады и огороды. Вездѣ воздѣланная земля и строенія.

— Да гдѣ же у нихъ пустырь-то? Гдѣ же болота? — дивился Николай Ивановичъ.

Въ вагонъ пришелъ кондукторъ ревизовать билеты.

— Биръ трикенъ... Гдѣ можно биръ трикенъ и

поѣсть что-нибудь? — приставалъ къ нему Николай Ивановичъ.

— Эссенъ, эссенъ... — пояснила Глафира Семеновна и покраснѣла, что заговорила по-нѣмецки. — Бирь тринкенъ, тѣ тринкенъ, кафе тринкенъ и эссенъ? — продолжалъ она.

Кондукторъ понялъ, что у него спрашиваютъ, и отвѣчалъ:

— Königsberg... Königsberg werden Sie zwölf Minuten stehen...

— Поняли, поняли. Зерь гуть. Въ Кенигсбергѣ двѣнадцать минутъ. Ну, вотъ это я понимаю! Это какъ слѣдуетъ. Это по-человѣчески! — обрадовался Николай Ивановичъ.

Смеркалось. Супруги съ нетерпѣніемъ ждали Кенигсберга. Но вотъ поѣздъ сталъ останавливаться. Показался большой вокзалъ, ярко освѣщенный.

— Königsberg! — возгласилъ кондукторъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то!

Пассажиры высыпали изъ вагоновъ. Выскочили и Николай Ивановичъ съ Глафирай Семеновной. У станціи стояли сразу три поѣзда. Толпился народъ. Одни входили въ вагоны, другіе выходили. Носильщики несли и везли сундуки и саквояжи. Шумъ, говоръ, свистки, звонки, постукиваніе молотковъ о колеса.

— Вотъ адъ-то! — невольно вырвалось у Николая Ивановича. — Да тутъ живымъ манеромъ растеряешься. Постой, Глаша, надо замѣтить, изъ котораго поѣзда мы вышли, а то потомъ какъ-бы не попасть въ чужой поѣздъ. Видишь, нашъ поѣздъ посрединѣ стоитъ, а на боковыхъ рельсахъ — это чужіе поѣзда. Ну, пойдемъ скорѣй въ буфетъ.

Они бѣгутъ, натыкаются на носильщиковъ. Вотъ и буфетъ. Разставлены столы. На столахъ въ тарелкахъ супъ. „Табельдотъ по три марки съ персоны“, читаетъ Глафира Семеновна нѣмецкую надпись надъ столомъ.

— Полный обѣдъ есть здѣсь за три марки. Занимай скорѣй мѣста, — говоритъ она мужу.

Тотъ быстро отодвигаетъ стулья отъ стола и хочетъ

състь, но лакей отстраняетъ его отъ стола и что-то бормочеть по-нѣмецки. Николай Ивановичъ выпучиваетъ на него глаза.

— Ви? Васъ? Мы ъсть хотимъ... Эссенъ... митагъ эссенъ, — говоритъ Глафира Семеновна.

Лакей упоминаетъ слово „телеграмма“. Подходяты двоє мужчинъ, говорять лакею свою фамилію и занимаютъ мѣста за столомъ, на которыя разсчитывалъ Николай Ивановичъ.

— Что-жъ это такое! — негодуетъ Николай Ивановичъ. — Ждали, ждали ъды, пріѣхали на станцію и ъсть не даютъ, не позволяютъ садиться! Однимъ можно за столъ садиться, а другимъ нельзя! Я такія-же деньги за проѣздъ плачу!

Лакей опять возражаетъ ему, упоминая про телеграмму. За столомъ, наконецъ, находится какой-то русскій. Видя, что двоє его соотечественниковъ не могутъ понять, что отъ нихъ требуютъ, онъ старается разъяснить имъ.

— Здѣсь табльдотъ по заказу... Нужно было обѣдъ заранѣе телеграммой заказать, — говоритъ онъ. — Вы изволили прислать сюда телеграмму съ дороги?

— Какъ телеграмму? Обѣдъ-то по телеграммѣ? Ну, порядки! Глаша! Слышишь? — обращается Николай Ивановичъ къ женѣ. — Очень вамъ благодаренъ, что объяснили, — говоритъ онъ русскому. — Но мы ъсть и пить хотимъ. Неужели-же здѣсь безъ телеграммы ничего ни съѣсть, ни выпить нельзя?

— Вы по картѣ можете заказать. По картѣ что угодно...

— Эй! Прислуживающій! Человѣкъ! Эссенъ! Чтонибудь эссенъ скорѣй и биръ тринкенъ! — вопить Николай Ивановичъ. — Цвей порціи.

Появляется лакей, ведеть его и супругу къ другому столу, отодвигаетъ для нихъ стулья и подаетъ карту.

— Гдѣ тутъ карту разсматривать, братецъ ты мой! Давай двѣ котлеты или два бифштекса.

— Zwei Koteletten? О, ja... — отвѣчаетъ лакей и бѣжитъ за требуемымъ, но въ это время входитъ

железнодорожный сторожъ и произносить что-то понимающими, упоминая Берлинъ.

Пассажиры вскакиваютъ изъ-за стола и принимаются разсчитываться.

— Что-же это такое, Господи! Неужто-же поѣздъ отправляется? Вѣдь эдакъ не пивши, ни ъѣши уѣзжать надо. Берлинъ? — спрашиваетъ онъ сторожа.

— Берлинъ, — отвѣчаетъ тотъ.

— Глаша! Бѣжимъ! А то опоздаемъ!

Мужъ и жена вскакиваютъ изъ-за стола. Появляется лакей съ двумя котлетами.

— Некогда, некогда! — кричитъ ему Николай Ивановичъ. — Давай скорѣй эти двѣ котлеты. Мы съ собою возьмемъ... Клади въ носовой платокъ... Вотъ такъ... Глаша! Тащи со стола хлѣба.. Въ вагонѣ поѣдимъ. Человѣкъ! Меншъ! Получай... Вотъ двѣ полтины... Мало? Вотъ еще третья. Глаша! Скорѣй, а то опоздаемъ. Ну, порядки!..

Мужъ и жена бѣгутъ изъ буфета.

— Николай Ивановичъ! Николай Ивановичъ! У меня юбка сваливается! — говоритъ на бѣгу жена.

— Не до юбокъ тутъ, матушка. Бѣги!

Они выбѣжали изъ буфета, бросились къ поѣзду и вскочили въ вагонъ.

V.

Глаша! Гдѣ-же наши подушки, гдѣ-же наши саквояжи? — воскликнулъ Николай Ивановичъ, очутившись вмѣстѣ съ женой въ вагонѣ.

— Боже мой, укради!.. Неужто укради? — всплеснула руками Глафира Семеновна. — Или укради, или мы мы не въ тотъ вагонъ сѣли. Такъ и есть, не въ тотъ вагонъ. Тотъ вагонъ былъ съ сѣрой, а этотъ съ какой-то рыжей обивкой. Выходи скорѣй, выскакивай!

Николай Ивановичъ бросился къ запертымъ снаружи дверямъ купѣ, быстро отворилъ окно и закричалъ:

— Эй, херъ... херъ кондукторъ... Отворите... Мы не въ тотъ вагонъ попали!

Но поѣздъ уже тронулся и быстро ускорялъ свой ходъ. На крикъ никто не обратилъ вниманія.

Какой-то нѣмецъ въ войлочной шапкѣ, сидѣвшій съ ними въ купѣ, видя ихъ беспокойство, спросилъ ихъ что-то по-нѣмецки, но они не поняли и только вытаращили глаза. Нѣмецъ повторилъ вопросъ и прибавилъ слово „Гамбургъ“.

— Постой... Мы даже, кажется, не въ тотъ поѣздъ сѣли. Нѣмецъ что-то про Гамбургъ толкуетъ,— испуганно проговорила Глафира Семеновна, обращаясь къ мужу.

— Да что ты... Вотъ уха-то! Спроси-же его, куда мы Ѹдемъ. Вѣдь можешь-же ты хоть про это-то спросить?! Вѣдь ты все-таки чему-же нибудь училась въ пансіонѣ.

Испугъ придалъ Глафирѣ Семеновнѣ энергіи. Она подумала, сложила кой-какъ въ умѣ нѣмецкую фразу и задала вопросъ нѣмцу:

— Инъ Берлинъ виръ фаренъ? Берлинъ этотъ вагонъ?

— Nein, Madame, wir fahren nach Hamburg.

— Какъ нахъ Гамбургъ? А Берлинъ?

Нѣмецъ отрицательно покачалъ головой и опять что-то пробормоталъ по-нѣмецки.

— Да, конечно-же, не въ томъ поѣздѣ Ѹдемъ,— чуть не сквозь слезы сказала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ досадливо почесалъ затылокъ.

— Ну, переплеть! Бѣда безъ языка! — вырвалось у Николая Ивановича.

— Въ Гамбургъ, въ Гамбургъ Ѹдемъ... въ Гамбургъ,—твердила Глафира Семеновна.

— Да спроси ты у нѣмца-то поосновательнѣе. Можетъ быть, поѣздъ-то гамбургскій, а Берлинъ по дорогѣ будетъ.

— Какъ я спрошу, ежели я не умѣю! Спрашивай самъ.

— Чему-же ты училась въ пансіонѣ?

— А ты чему учился у своихъ нѣмцевъ-колонистовъ и чухонцевъ?

— Я учился въ лавкѣ, продавая парусину, желѣзо

и веревки. За меня въ пансіонъ разнымъ мадамъ деньги не платили. Я счетъ по-нѣмецки знаю, хмельные слова знаю.

— Ты хмельные, а я комнатныя. Про поѣзда нась ничего не учили.

Супруги уже начали ссориться, размахивая руками, но, наконецъ, Николай Ивановичъ плонулъ, оттолкнуль отъ себя жену, подсѣль къ нѣмцу и показалъ ему свои проѣздные билеты. Нѣмецъ посмотрѣлъ ихъ и опять отрицательно покачалъ головой.

— Nein. Das ist nicht das. Die Fuhrkarten sind nach Berlin, aber wir fahren nach Gamburg.

— Да Берлинъ-то будетъ по дорогѣ, или нѣтъ? Вотъ что я васъ спрашиваю! — раздраженно крикнулъ Николай Ивановичъ. Ну, можетъ быть, такъ, что сначала Берлинъ, а нахерь Гамбургъ или сначала Гамбургъ, а нахерь Берлинъ. Нихъ ферштейнъ.

— O, ja... ich versteche... Berlin ist dort und Gamburg ist dort. Von Dirschau sind zwei Zweigen.

Нѣмецъ показалъ жестами въ двѣ противоположные стороны.

— Здравствуйте! Даже и не въ ту сторону и ѣдемъ-то,—отскочилъ отъ нѣмца Николай Ивановичъ, понявъ, что по дорогѣ не будетъ Берлина. А гдѣ этотъ самый Гамбургъ? Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ! Можетъ быть, на краю свѣта!

Глафира Семеновна сидѣла, держа въ рукѣ котлеты, завернутыя въ носовой платокъ, и плакала.

— Зачѣмъ же намъ въ Гамбургъ-то ѣхать? Мы выйдемъ вонъ изъ вагона на первой-же станціи,—говорила она.

— А чортъ ихъ знаетъ, будетъ-ли еще по дорогѣ станція-то, да и выпустятъ-ли нась изъ этого вагона. Видишь какіе у нихъ вездѣ дурацкіе порядки. Можетъ быть, изъ вагона-то вплоть до Гамбурга и не выпустятъ. А заплати деньги сполна, да и поѣзжай.

— Попросимся, чтобы выпустили. Скажемъ, что по ошибкѣ не въ тотъ поѣздъ попали.

— Попросимся, скажемъ... А кто будетъ говорить, ежели по-нѣмецки ты ни аза въ глаза, а я еще меньше? Въ Гамбургъ! На кой песь, спрашивается, намъ этотъ Гамбургъ,—горячился Николай Ивановичъ, но, увидавъ уже рыдающую жену, понизилъ голосъ и прибавилъ: — Не реви... Утри глаза платкомъ и сиди безъ слезъ.

— Какъ-же я могу утереться платкомъ, ежели у меня въ носовомъ платкѣ котлеты! Вѣдь весь платокъ у меня въ подливкѣ. Самъ-же ты въ Кенигсбергѣ на станціи въ мой носовой платокъ котлеты съ двухъ тарелокъ вываливалъ,—отвѣчала жена.

— Вынь изъ саквояжа чистый платокъ. Нехорошо въ слезахъ. Вонъ нѣмецъ смотрить.

— Да, вѣдь, саквояжи въ томъ поѣздѣ остались.

— Тыфу!.. И то... Совсѣмъ спутался. Вотъ наказаніе-то! Ну, возьми мой платокъ и вытири моимъ платкомъ.

— Лучше-же я кончикомъ отъ своего платка... Кончикъ не замаранъ.

Вошелъ кондукторъ визировать билеты, увидаль у супруговъ не тѣ билеты, заговорилъ что-то по-нѣмецки и, наконецъ, возвыся голосъ, раскричался.

— Weg, weg! Sie mûssen bald umsteigen und die Strafe zahlen, — кричаль онъ.

— Про штрафъ говорить. Штрафъ возьмуть, — пробормоталъ Николай Ивановичъ женѣ и, обратясь къ кондуктору, спросилъ: — Да геенъ-то все-таки можно? Изъ вагона-то можно геенъ?... Выпустятъ нась на станції?

— Какъ манъ на станціи веггейнъ? — поправила мужа жена.

— О, ja... ja... Bald wird die Station und Sie mûssen fort.

— Что онъ говоритъ? — интересовался Николай Ивановичъ.

— Говорить, что сейчасъ будетъ станція и нась высадятъ.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!

Поездъ уменьшилъ ходъ и, наконецъ, остановился. Супруги не вышли, а выскочили изъ вагона, словно изъ тюрьмы. Кондукторъ сдалъ ихъ начальнику станціи, свистнулъ, вскочилъ на подножку вагона, и поездъ опять помчался.

VI.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна стояли передъ начальникомъ станціи, совали ему свои билеты и ждали надъ собой суда.

Начальникъ станціи, длинный и тощій, какъ хлыстъ, въ красной фуражкѣ и съ сигарой въ зубахъ, глубоко-мысленно сталъ разматривать сунутую ему книжку билетовъ прямого сообщенія до Парижа.

— Бите, загензи, васть махенъ? Васть махенъ? — спрашивала въ свою очередь Глафира Семеновна.

— Ага! заговорила по-нѣмецки! Заставила нужда калачи ъсты! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, съ какимъ-то злорадствомъ подмигивая женѣ.

— Заговорила потому, что обыкновенныя комнатныя слова потребовались. Комнатныя слова я отлично знаю. Васть махенъ? Васть махенъ? — повторяла она передъ начальникомъ станціи.

Тотъ понялъ вопросъ, важно поднялъ голову и заговорилъ по-нѣмецки. Говорилъ онъ съ толкомъ, съ разстановкой, наставительно, часто упоминалъ Кенигсбергъ, Берлинъ, Диршуа, слово „Schnellzug“ и сопровождалъ все это пояснительными жестами. Глафира Семеновна, морщась отъ табачнаго дыма, который онъ пускалъ ей прямо въ лицо, внимательно слушала, стараясь не проронить ни слова.

— Поняла? — спросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Да, конечно-же, поняла. Слова самыя обыкновенныя. Штрафъ, купить билеты и ъхать обратно въ этотъ проклятый Кенигсбергъ.

— А когда, когда поездъ-то въ Кенигсбергъ пойдетъ? Спроси его по-нѣмецки. Вѣдь, можешь.

— Ви філь уръ поездъ инъ Кенигсбергъ?

— Nach zwei Stunden, Madame.

— Что онъ говорить?

— Не понимаю. Ви филь уръ? Уръ, уръ? —
твердила она и показывала на часы.

— Um zehn Uhr, nach zwei Stunden.

Начальникъ станціи вынулъ свои карманные часы
и показалъ на цифру десять.

— Черезъ два часа можно ъхать? Отлично. Бери,
мусью, штрафъ и отпусти скорѣй душу на покаяніе! —
воскликнулъ радостно Николай Ивановичъ, опустилъ
руку въ карманъ, вытащилъ оттуда нѣсколько золотыхъ
монетъ и серебряныхъ марокъ и протянулъ ихъ на
ладони начальнику станціи. — Бери, бери... Отбирай
самъ, сколько слѣдуетъ, и давай намъ билеты до
Кенигсберга. Сколько нѣмецкихъ полтинъ надо, столько
и бери.

— Немензи, немензи штрафъ ундъ фюръ билеть,
фюръ цвей билеть, — подтвердила жена. — Виръ
висенъ нихътъ вашъ гельдъ. Немензи...

Начальникъ станціи осклабилъ свое серьезное лицо
въ улыбку и, отсчитавъ себѣ нѣсколько марокъ, при-
бавилъ:

— Hier ist Wartenzimmer mit Speisesaal, wo Sie
K  ppen essen und trinken...

— Тринкенъ? — еще радостнѣе воскликнулъ Нико-
лай Ивановичъ и схватилъ начальника станціи подъ
руку. — Мосье! Пойдемъ вмѣстѣ тринкенъ. Биръ
тринкенъ, шнапсъ тринкенъ. Коммензи тринкенъ...
Биръ тринкенъ... Хоть вы и нѣмецъ, а все-таки
выпьемъ вмѣстѣ. Съ радости выпьемъ. Давно я трин-
кенъ дожидаюсь. Пойдемъ, пойдемъ. Нечего упи-
раться-то... Комензи, — ташилъ онъ его въ буфетъ.

Черезъ пять минутъ начальникъ станціи и супруги
сидѣли за столомъ въ буфетѣ.

— Шнапсъ! Биръ... Живо! — командовалъ Нико-
лай Ивановичъ кельнеру.

— Бифштексъ! Котлету! — приказывала Глафира
Семеновна. — Тэ... кафе... бутерброды... Да по-
больше бутербродовъ. Филь бутербродовъ...

Столъ установился яствами и питіями. Появился

кюмель, появилось пиво, появились бутерброды съ сыромъ и ветчиной, кофе со сливками. Начальникъ станціи сидѣлъ, какъ аршинъ проглотивши, не измѣняя серьезнаго выраженія лица, и, выпивъ кюмелю, потягивалъ изъ кружки пиво.

— Водка-то у васъ, херъ, очень сладкая—кюмель,— говорилъ Николай Ивановичъ, чокаясь съ начальникомъ станціи своей кружкой. — Вѣдь такой водки рюмку выпьешь, да и претить она начнетъ. Неужто у васъ здѣсь въ Нѣметчинѣ нѣть простой русской водки? Руссишь водка? Нейнъ? Нейнъ? Руссишь водка?

Нѣмецъ пробормоталъ что-то по-нѣмецки и залпомъ докончилъ кружку.

— Анкоръ! Человѣкъ! Анкоръ... Меншъ... Еще цвей биръ!.. — кричалъ Николай Ивановичъ.

Появились новые кружки. Николай Ивановичъ выпилъ залпомъ.

Нѣмецъ улыбнулся и выпилъ тоже залпомъ.

— Люблю, люблю за это! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и лѣзъ обнимать нѣмца. — Еще биръ трикенъ. Цвей биръ трикенъ.

Нѣмецъ не возражалъ, пожалъ руку Николая Ивановича и предложилъ ему сигару изъ своего портсигара.

— Постой, я его спрошу, какъ намъ съ нашими подушками и саквояжами быть, что въ поѣздѣ уѣхали. Вѣдь не пропадать-же имъ, — сказала Глафира Семеновна.

— А можешь?

— Да вотъ попробую. Слова-то тутъ не мудреныя.

— Понатужься, Глаша, понатужься...

— Загензи бите, во есть наши саквояжъ и подушки? Мы саквояжъ и подушки ферлоренъ. То-есть не ферлоренъ, никакъ ферлоренъ, а нашъ багажъ, нашъ саквояжъ въ поѣздѣ остался... Багажъ въ цугъ остался, — обратилась она къ нѣмцу. — Нихъ ферштейнъ?

И дивное дѣло —нѣмецъ понялъ.

— O, ja ich verstehe, Madame. Вы говорите про багажъ, который поѣхалъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ? Багажъ вашъ вы получите въ Берлинѣ, — заговорилъ

онъ по-нѣмецки. — Нужно только телеграфировать. Nein, nein, das wird nicht verloren werden.

Поняла нѣмца и Глафира Семеновна, услыхавъ слова: „wird nicht verloren werden, telegrafiren“.

— Багажъ нашъ не пропадетъ, ежели мы будемъ телеграфировать, — сказала она мужу. — Намъ въ Берлинѣ его выдадутъ.

— Такъ пусть онъ телеграфируетъ, а мы съ нимъ за это бутылку мадеры выпьемъ.. Херъ... Телеграфирензи, а я скажу данке и, мы будемъ тринкенъ, мадера тринкенъ.

— O, ja, mit Feignigen, — проговорилъ нѣмецъ, взялъ деньги и, поднявшись съ мѣста, пошелъ на телеграфъ.

Черезъ пять минутъ онъ вернулся и принесъ квитанцію.

— Hier jetzt seien Sie nicht bange, — сказалъ онъ и потрепалъ Николая Ивановича по плечу.

— Вотъ за это данке, такъ данке! Человѣкъ! Меншъ! Эйне фляше мадера! — крикнулъ тотъ и, обратясь къ нѣмцу, спросилъ: — Тринкенъ мадера?

— O, ja, Kellner, bringen Sie...

— Кельнеръ! Кельнеръ! А я и забылъ, какъ по-нѣмецки прислуживающій-то называется. Кельнеръ! Мадера!

Появилась мадера и была выпита. Лица у начальника станціи и у Николая Ивановича раскраснѣлись. Оба были уже на второмъ взводѣ, оба говорили одинъ по-нѣмецки, другой по-русски, и оба не понимали другъ друга.

Передъ прибытіемъ поѣзда, отправляющагося въ Кенигсбергъ, они вышли на платформу и дружественно похлопывали другъ друга по плечу. Николай Ивановичъ лѣзъ обниматься и цѣловаться, но начальникъ станціи пятился. Когда поѣздъ подѣхалъ къ платформѣ, начальникъ станціи рас простился съ Николаемъ Ивановичемъ и на этотъ разъ поцѣловался съ нимъ, посадилъ его въ вагонъ и крикнулъ:

— Glückliche Reise!

Поѣздъ помчался.

VII.

Поѣздъ мчался къ Кенигсбергу, куда начальникъ станціи неизвѣстно для чего отправилъ обратно супруговъ, такъ какъ и на той станціи, гдѣ они пили съ нимъ пиво и мадеру, можно-бы было дожидаться прямого берлинскаго поѣзда, который не миновалъ бы станціи. Очевидно, тутъ было какое-то недоразумѣніе, и начальникъ станціи и супруги не поняли другъ друга.

Николай Ивановичъ сидѣлъ съ женой въ купѣ и твердилъ:

— Кенигсбергъ, Кенигсбергъ... Надѣлалъ онъ намъ переполоху! Въ гробъ лягу, а не забуду этого города, чтобы ему ни дна, ни покрышки! И навѣрное, жидовскій городъ.

— Почему ты такъ думаешь? — спросила жена.

— Да вотъ, собственно, изъ-за „берга“. Всѣ жиды — „берги“: Розенберги, Тутенберги, Ейзенберги, Таненберги. Удивительно, что я прежде про этотъ заграничный городъ ничего не слыхалъ. Новый, какой, что-ли?

— Нѣтъ, мы про него въ пансіонѣ даже въ географіи учили.

— Отчего-же ты мнѣ про него раньше ничего не сказала? Я бы и остерегся.

— Да что-же я тебѣ скажу?

— А вотъ то, что въ немъ обычай, что по телеграфу обѣдъ заказывать надо. Навѣрное, ужъ про это въ географіи сказано... Иначе на что-же тогда географія? Вѣдь географію-то для путешествія учать.

— Ничего въ нашей географіи ни про обѣдъ, ни про телеграммы сказано не было. Я очень чудесно помню.

Николай Ивановичъ скорчилъ гримасу и проворчалъ.

— Хорошъ, значитъ, пансіонъ былъ! Изъ нѣмецкаго языка только комнатныемъ словамъ обучали, а изъ географіи ничего про обѣды не учили. Самаго-то главнаго и не учили.

— Кенигсбергъ! — крикнулъ кондукторъ, заглянувъ въ купѣ, и отобралъ билеты до Кенигсберга.

Черезъ минуту поѣздъ остановился. Опять освѣ-

щенный вокзалъ, опять столовая съ сиующими отъ стола къ столу кельнерами, разносящими кружки пива. Первымъ дѣломъ пришлось справляться, когда идетъ поѣздъ въ Берлинъ. Для вѣрности супруги обращались къ каждому желѣзнодорожному сторожу, къ каждому кельнеру, показывали свои билеты и спрашивали:

— Берлинъ? Ви филь уръ? Берлинъ?

Оказалось, что поѣздъ въ Берлинъ пойдетъ че-резъ два часа. Всѣ говорили въ одинъ голосъ. Неслово-охотливымъ или спѣшащимъ куда-нибудь Николай Ивановичъ совалъ въ руку по „гривеннику“, какъ онъ вы-ражался, то-есть по десяти пфениговъ—и уста ихъ от-верзались. Нѣкоторые, однако, не совѣтовали ъхать съ этимъ поѣздомъ, такъ какъ этотъ поѣздъ идетъ не прямо въ Берлинъ — придется пересаживаться изъ вагона въ вагонъ, и указывали на слѣдующій поѣздъ, который пойдетъ черезъ пять часовъ, но супруги, ра-зумѣются, ничего этого не поняли.

Das ist Bummelzug und bis Berlin müsssen Sie zwei Mal umsteigen,—твердилъ Николаю Ивановичу какой-то желѣзнодорожный сторожъ, получившій на кружку пива.—Bummelzug. Haben Sie verstanden?

— Данке, данке... Цвей уръ ждать? Ну подо-ждемъ цвей уръ. Это наплевать. Тѣмъ временемъ пивца можно выпить,—и отъ полноты чувствъ Николай Ивановичъ потрясъ сторожа за руку. — Какъ я, Глаша, по-нѣмецки-то говорить научился! — отнесся онъ къ женѣ. — Ну, теперь можно и пивца выпить. Надѣюсь, что ужъ хоть пиво-то можно безъ телеграммы пить. Пиво не ъда.

Супруги усѣлись къ столу.

— Кельнеръ! Цвей биръ! — крикнулъ Николай Ивановичъ.

Подали пиво.

— Безъ телеграммы,—крикнулъ онъ женѣ. — По-пробовать развѣ и по бутерброду съѣсть. Можетъ быть, тоже безъ телеграммы.

— Да по телеграммѣ только обѣды — табльдотъ, а что по картѣ, то безъ телеграммы,—отвѣчала жена.—

Вѣдь русскій-то, прошлый разъ сидѣвшій за столомъ, явственно тебѣ объяснилъ.

— Ну?! Въ такомъ разѣ я закажу себѣ селянку на сковородкѣ. Бѣть смерть хочется. Какъ по-нѣмецки селянка на сковородкѣ?

— Да почемъ-же я-то знаю!

— Постой, я самъ спрошу. Кельнеръ! Хабензи селянка на сковородкѣ? — обратился Николай Ивановичъ къ кельнеру.

Тотъ выпучилъ на него глаза.

— Селянка, — повторилъ Николай Ивановичъ. — Сборная селянка... Капуста, ветчина, почки, дичина тамъ всякая. Нихть ферштейнъ? Ничего не понимаетъ. Глаша! Ну, какъ отварной поросенокъ подъ хрѣномъ? Спрошу хотя поросенка.

Жена задумалась.

— Неужто и этого не знаешь?

— Постой... Знаю... Свинья — швейнъ. А вотъ поросенокъ-то...

— Ребеночка отъ швейнъ хабензи? — спрашивалъ Николай Ивановичъ кельнера.

— Швейнбратенъ? О! я... — отвѣчалъ кельнеръ.

— Да не брата намъ надо, а дитю отъ швейнъ.

— Дитя—по-нѣмецки—киндъ,—вмѣшалась жена.— Постой я спрошу. Швейнкиндъ хабензи? — задала она вопросъ кельнеру.

— Постой, постой... Только швейнкиндъ отварной, холодный...

— Кальть,—прибавила жена.

— Да съ сметаной и съ хрѣномъ. Хабензи?

— Nein, mein Herr,—отвѣчалъ кельнеръ, еле удерживая смѣхъ.

— Ну, вотъ видишь, стало-быть и по картѣ ничего нельзя потребовать безъ телеграммы. Говорятъ—нейнъ,—подмигнулъ женѣ Николай Ивановичъ. — Ну, порядки!

— А ты дай ему на чай, такъ, можетъ быть, будеть и можно,—совѣтовала жена.—Сунь ему въ руку. За двугривенный все сдѣлаетъ.

— А въ самомъ дѣлѣ попробовать?! Кельнеръ,

немензи вотъ на тэ и брингензи швейнкиндъ. Бери, бери... Чего ты? Никто не увидитъ. Будто по телеграммѣ,—соваль Николай Ивановичъ кельнеру двѣ десяти-пфениговыя монеты.

Кельнеръ не взялъ.

— Nein, mein Herr, Ich habe schon gesagt, dasz wir haben nicht.

— Не берегъ... Значить, у нихъ строго и нельзя.

— Такъ спроси хоть бутербродовъ съ сыромъ. Можетъ быть, бутерброды можно, — сказала жена.—И мнѣ что-то Ѳсть хочется.

— А бутерброды можно безъ телеграммы?—снова обратился Николай Ивановичъ къ кельнеру.

— Бутербродъ мить кезе и мить флейшъ, — привѣтила жена.

— O, ja, Madame.

— Ну, слава Богу!—воскликнулъ Николай Ивановичъ и принялъ за пиво.—То-есть, скажи у насъ въ рынкѣ кому угодно, что есть въ Нѣметчинѣ такой городъ, гдѣ прѣѣзжающимъ на станціи сбѣдатъ и ужинать только по телеграммамъ даютъ—рѣшительно никто не повѣрить,—разсуждалъ онъ, разводя отъ удивленія руками.

VIII.

Поѣздъ, котораго ожидали Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, чтобы Ѳхать въ Берлинъ, долженъ былъ прийти въ Кенигсбергъ въ часъ ночи. Лишь только часовая стрѣлка на часахъ въ буфетѣ показала половину первого, какъ уже супруги встрепенулись и стали собираться выходить на платформу.

— Скорѣй, Глаша, скорѣй, а то какъ бы не опоздать. Чортъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ тутъ порядки! Можетъ быть, и раньше поѣздъ придетъ. А ужъ на платформѣ будемъ стоять, такъ не опоздаемъ, — торопилъ Николай Ивановичъ жену. — Какъ подойдетъ поѣздъ, такъ и вскочимъ. Ну, живо!

Ровно въ часъ къ платформѣ подошелъ поѣздъ

и выпустилъ пассажировъ. Супруги ринулись къ вагонамъ и вскочили въ первое попавшееся купэ. Тамъ уже сидѣли два нѣмца—одинъ тощій, другой—толстый.

— Херъ... Бите...—обратился къ нимъ Николай Ивановичъ.—Васъ есть дась? Берлинъ?

— O, ja. Man kann auch nach Berlin fahren,—далъ отвѣтъ толстякъ.

— Берлинъ? Слава Тебѣ, Господи!

Заглянуль въ окно кондукторъ и спросилъ билеты. Посмотрѣвъ на билеты супруговъ, онъ сказалъ:

— In Dirschau müsssen Sie umsteigen.

— Глаша! Что онъ сказалъ?

— Песь его знаетъ, что,—отвѣчала жена и задала вопросъ кондуктору: — Берлинъ?

— Ja, ja...—Aber in Dirschau werden Sie umsteigen,—повторилъ кондукторъ. — Этотъ вагонъ отъ Диршуа пойдетъ на Данцигъ, а въ Диршуа вы сядете въ другой поѣздъ, который пойдетъ въ Берлинъ,—прибавилъ онъ также по-нѣмецки, но супруги изъ всего этого поняли только слово „Берлинъ“.

— Не ошиблись: Берлинъ, — кивнулъ женъ Николай Ивановичъ.

Свистокъ, отклики на паровозъ — и поѣздъ помчался.

— Любопытно-бы было знать, въ которомъ часу мы будемъ завтра въ Берлинѣ?—говорила Глафира Семеновна мужу.

— А ты понатужься да и спроси вотъ у этого толстенькаго нѣмца. У него лицо основательное.

Глафира Семеновна сообразила, беззвучно пошевелила нѣсколько разъ губами и спросила:

— Берлинъ ви филь уръ?

— Ganz genau, Madame, kann ich nicht sagen. An Morgen werden Sie in Berlin sein.

— Что онъ, Глаша, говорить?

Глафира Семеновна, понявшая только слово „мorgen“ и переведшая его по-русски словомъ „завтра“, отвѣчала:

— Говорить, что завтра, а про чать ничего не сказалъ. Что завтра-то, такъ мы и сами знаемъ.

— Такъ ты переспроси. Или постой, я переспрошу.
Берлинъ ви филь уръ?

Нѣмецъ развелъ руками.

— Um wie viel Uhr, das weiss ich nicht, aber ich
weiss nur, dasz am Morgen fr uh...

— Тыфу пропасть! Опять: завтра.

На слѣдующей станціи тотъ-же вопросъ былъ
предложенъ кондуктору. Кондукторъ отвѣчалъ по-
нѣмецки:

— Я ъзжу до Данцига. Это другая вѣтвь. Про
Берлинъ не могу сказать, — и опять прибавилъ слово
„моргенъ“, то есть „утромъ“, но супруги опять-таки
перевели это слово словомъ „завтра“.

И опять помчался поѣздъ, останавливаясь на ми-
нуту и на двѣ на станціяхъ. Въ вагонъ заглядывали
кондукторы, простирали, отрывали клочки и цѣлые
билеты изъ книжки прямого сообщенія и всякий разъ
предупреждали, что въ Диршай придется пересѣсть въ
другой поѣздъ, твердя: „in Dirshau m ussen Sie um-
steigen“. Супруги затвердили уже и слова „Диршай“ и
„умштейгенъ“, но все-таки не могли понять, что они
обозначаютъ.

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое говоритъ:
„дырша да умштейгенъ“!—разводилъ всякий разъ ру-
ками Николай Ивановичъ и съ досады плевалъ.

— Не горячись, не горячись. Вѣдь уже всѣ въ
одинъ голосъ говорятъ, что ъдемъ мы въ берлинскомъ
вагонѣ и въ Берлинѣ, стало быть, горячиться тутъ не-
чего. Пускай ихъ, что хотятъ говорять. Только бы bla-
гополучно доѣхать,—останавливала его Глафира Семе-
новна, стараясь успокоить.

Супругъ, наконецъ, успокоился, и началъ дремать.

IX.

Черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ остановился.

Застукали желѣзные молотки о чугунныя колеса
вагоновъ, засуетились кондукторы, распахивая дверцы

вагоновъ купэ. Слышались возгласы: „Dirschau, Dirschau! Drei Minuten“... Глафира Семеновна спокойно сидѣла около открытой двери купэ и смотрѣла на платформу, по которой сновали носильщики съ багажомъ, катились телѣжки съ ящиками и тюками, сутилась публика, размахивая руками съ зонтиками, баульчиками, связкой пледа. Николай Ивановичъ спалъ, похрапывая самымъ аппетитнымъ образомъ. Вдругъ къ ихъ купэ подбѣжалъ кондукторъ, нѣсколько минутъ тому назадъ ревизовавшій ихъ билеты, и послѣднѣй воскликнулъ, обращаясь къ Глафирѣ Семеновнѣ:

— Madame, was sitzen Sie denn? Sie reisen nach Berlin, also hier müsssen Sie umsteigen! Das ist schon Dirschau.

Глафира Семеновна ничего не поняла и, не шевелясь, смотрѣла во всѣ глаза.

— Dirschau! Müssen umsteigen! — повторилъ кондукторъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій ее выйти изъ вагона. — Schneller! Schneller! Umsonst werden Sie nach Danzig fahren.

— Коля! Да проснись-же! Смотри, что онъ говоритъ! — засуетилась Глафира Семеновна, расталкивая мужа.

Тотъ проснулся и потягивался. Кондукторъ кричалъ: „schnell, schnell“ и показывалъ, что надо выходить изъ вагона.

— Коля! Да прочухайся-же! Онъ махаетъ и показываетъ, чтобы мы выходили изъ вагона, — продолжала Глафира Семеновна. — Поломалось что-нибудь, что-ли?

— Да почемъ-же я-то знаю! — зѣвалъ Николай Ивановичъ во всю ширину рта. — Спроси. Вѣдь ты все-таки лучше меня знаешь нѣмецкій языкъ.

— Виръ инъ Берлинъ, — сказала кондуктору Глафира Семеновна.

— Ja, ja. Nach Berlin. Also hier müsssen Sie umsteigen und weiter fahren. Gott im Himmel! Was thun Sie denn? Es bleibt nur eine Halbe Minute. Weg von Waggon.

И опять жестъ, приглашающій выйти изъ вагона.

Николая Ивановича кондукторъ даже схватилъ за руку и потянуль къ двери.

— Чортъ его знаетъ, куда онъ меня тащить? — упирался тотъ. — Пріѣхали, что-ли? Херъ кондукторъ, Берлинъ?

— Ja, ja... Berlin... Schneller! Schneller!

— Глаша! Вообрази, въ Берлинъ пріѣхали! Вотъ такъ штука! — восклицалъ Николай Ивановичъ, вытянутый уже кондукторомъ на платформу.

— Да что ты?

— Schneller, schneller, Madame! Um Gottes willen, schneller.

— Выходи скорѣй! Вотъ неожиданность-то! Думали что завтра пріѣдемъ въ Берлинъ, а пріѣхали ночью.

Выскочила изъ вагона и Глафира Семеновна, но все еще не вѣрила и спрашивала кондуктора:

— Берлинъ? Берлинъ?

— Да, да... Отсюда вы должны ъхать. Поѣздъ вамъ укажутъ, — отвѣчалъ тотъ по-нѣмецки.

Николай Ивановичъ соваль ему въ руку два „нѣмецкихъ гравенника“ и говорилъ:

— Данке, очень данке... Спасибо, что предупредили.

Кондукторъ захлопнуль дверцы купэ. Раздался свистокъ, и поѣздъ помчался.

— Вотъ неожиданность-то! Пріѣхали, въ Берлинъ пріѣхали! — бормоталъ Николай Ивановичъ на платформѣ. Какъ-же нѣмцы-то намъ все твердили, что моргенъ, моргенъ, то-есть завтра.

— Да вѣдь ужъ оно завтра и есть. Вѣдь говорили-то намъ вчера. Ежели по часамъ судить, то теперь ужъ завтра, потому утро, — отвѣчала супруга. — Ну, пойдемъ. Надо въ гостиницу ъхать. Вѣдь мы рѣшили сутки пробыть въ Берлинѣ и посмотретьъ городъ.

Они двинулись къ станціоннымъ дверямъ. Въ окна виднѣлся буфетъ и снующіе кельнеры.

— Вокзалишка-то неважный, — говориль Николай Ивановичъ, переступая порогъ станціоннаго дома. — Я думалъ, что въ Берлинѣ ужъ и не вѣсть какой шикар-

ный вокзалъ. Будешь что-нибудь ъесть и пить на станції?

— Какое теперь питье и ъда. Только бы скорѣй до постели. Поѣдемъ скорѣе въ гостиницу. Вонь гостиничный швейцаръ стоитъ и у него на шапкѣ „Готель де-Берлинъ“ написано. Поѣдемъ съ нимъ. Навѣрное, у нихъ карета. Онъ намъ и нашъ багажъ выправить. Дай ему квитанцію.

— Надо вѣдь еще про саквояжъ и подушки спрavitъся, которые мы въ томъ прежнемъ поѣздѣ оставили. Вѣдь ужъ телеграмму нашу они навѣрное получили.

— Завтра справимся, завтра. Какая теперь справка! Поѣдемъ скорѣй въ гостиницу. Даже и насчетъ багажа можно завтра утромъ. Гдѣ теперь хлопотать! Завтра встанемъ и пошлемъ съ квитанціей. Швейцаръ и насчетъ подушекъ, саквояжей справится. Марья Ивановна говорила, что въ Берлинѣ въ гостиницахъ есть такіе лакеи, которые говорятъ по-русски. Вотъ такому и объяснимъ все основательно.

Николай Ивановичъ подошелъ къ гостиничному швейцару съ надписью на шапкѣ и крикнулъ.

— Готель-де-Берлинъ! Номеръ? Есть номера?

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Was fr ein Nummer fragen Sie mein Herr?

— Комнату намъ нужно.. Циммеръ, — пояснила Глафира Семеновна.

Швейцаръ встрепенулся.

— Ein Logement wnschen Sie? Ein Zimmer? O, ja, Madame, bitte... Haben Sie Koffer? Bagage?

— Багажъ моргенъ, моргенъ. Шнель инъ готель. Виръ воленъ шляфенъ...

— Bagage kann man bald kriegen. Geben Sie mir die Quittung.

— Нейнъ... Багажъ моргенъ..

— Also, bitte, Madame.

Швейцаръ вывелъ супруговъ со станціи и повелъ по плохо освѣщенной улицѣ. Это удивило Николая Ивановича.

— Да въ Берлинъ-ли ужъ мы пріѣхали? Не пере-

путались-ли опять какъ? Чортъ его знаетъ, можетъ быть, кондукторъ и въ насмѣшку намъ навралъ, — говорилъ онъ. — Мнѣ рассказывали, что Берлинъ залить газомъ. Кромѣ того, электрическое освѣщеніе. А здѣсь смотри, какая темень.

— Берлинъ? — спросила Глафира Семеновна швейцара.

— О, я, мадамъ. Готель де-Берлинъ, — отвѣчалъ швейцарь, думая, что его спрашиваютъ, изъ какой онъ гостиницы.

— И этотъ отвѣчаетъ, что Берлинъ. Странно. А улица совсѣмъ темная. Только кой-гдѣ фонарикъ блестить. Да и народу-то на улицѣ не видать. Ни народу, ни извозчиковъ, — дивился Николай Ивановичъ.

Швейцарь остановился около запертаго, однимъ фонаремъ освѣщенаго подъѣзда, и позвонилъ. Дверь распахнули. Вышелъ непрезентабельный человѣкъ съ заспаннѣмъ лицомъ и въ сѣромъ пиджакѣ и повель Николая Ивановича и Глафиры Семеновны во второй этажъ показывать комнату.

— Drei Mark, — сказалъ онъ.

— Три марки. Это, стало быть, три нѣмецкія полтины, — соображалъ Николай Ивановичъ, оглядывая довольно чистенькую комнату о двухъ кроватяхъ, и отвѣтилъ непрезентабельному человѣку: — Ну, гутъ.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна покоились уже крѣпчайшимъ сномъ въ номерѣ „Гостиницы Берлинъ“, находящейся на главной улицѣ маленькаго нѣмецкаго городка Диршау. Засыпая, Николай Ивановичъ говорилъ женѣ:

— То-есть такъ радъ, что и сказать не умѣю, что я попалъ, наконецъ, въ Берлинъ.

— И я тоже, — отвѣчала жена.

X.

Глафира Семеновна утромъ проснулась первой, открыла глаза, потянулась подъ жиidenькимъ пуховикомъ, замѣняющимъ въ Германіи теплое одѣяло, и проговорила:

— Николай Ивановичъ, ты не спиши?

Въ отвѣтъ на это послышался легкій всхрапъ и скрипнула кровать. Николай Ивановичъ перевернулся на другой бокъ.

— Коля, вставай. Пора вставать. Смотри, какъ мы проспали: одиннадцатый часъ. Когда-же мы будемъ осматривать городъ? Вѣдь надо умыться, одѣться, чаю напиться, послать за нашимъ багажомъ и отыскать наши саквояжи и подушки. Вѣдь здѣсь, въ Берлинѣ, мы рѣшили пробыть только одинъ день.

Николай Ивановичъ что-то промычалъ, но не пошевелился. Жена продолжала его будить:

— Вставай! Проспиши полдня, такъ много-ли тогда намъ останется сегодня на осмотръ города?

— Сегодня не осмотримъ, такъ завтра осмотримъ. Куда торопиться? Надъ нами не каплетъ, — пробормоталъ мужъ.

— Нѣть, нѣть, ужъ какъ ты тамъ хочешь, а въ нѣмецкой землѣ я больше одного дня не останусь! Пойдемъ скорѣй въ Парижъ. Что это за земля, помилуйте! Ни позавтракать, ни пообѣдать нельзя настоящимъ манеромъ безъ телеграммы. Питайся одними бутербродами. Къ сухоѣденю я не привыкла.

Черезъ нѣсколько минутъ супруги умылись, были одѣты и звонили кельнера. Тотъ явился, поклонился и всталъ въ почтительной позѣ.

— Самоваръ, — обратился къ нему Николай Ивановичъ. — А тѣ не надо. Тѣ у насъ есть. Цукеръ также есть.

Кельнеръ глядѣлъ на него во всѣ глаза и, наконецъ, спросилъ:

— Thee wünschen Sie, mein Herr?

— Не тѣ, а просто самоваръ безъ цукеръ и безъ тѣ. Глаша, какъ самоваръ по-нѣмецки?

— Постой... Пусть ужъ просто чай несетъ. Можетъ быть, самоваръ принесеть?

— Да зачѣмъ-же, ежели у насъ есть свой чай?

— Ничего. Гдѣ тутъ съ нимъ объясняться! Видишь, онъ ничего не понимаетъ изъ нашего разговора. Брингензи тѣ на двоихъ. Тѣ фюръ цвей.

Явился чай, но безъ самовара. Кипятокъ или, лучше сказать, теплую воду подали въ большомъ молочномъ кувшинѣ.

— А самоваръ? Ферштейнзи: самоваръ, — спрашивала Глафира Семеновна. — Самоваръ мить угли... съ углями... съ огнемъ... мить фейеръ, — старалась она пояснить и даже издала губами звуки—пуфъ, пуфъ, пуфъ, изображая вылетающій изъ-подъ крышки самовара паръ.

— Sie wünschen Theemaschine.—Кельнеръ улыбнулся.

— Да, да... Я, я... Тэмашине, — подхватила Глафира Семеновна. — Вотъ поди-жъ-ты, какое слово забыла. А вѣдь прежде знала. Тэмашине.

— Theemaschine haben wir nicht, Madame. Das wird selten gefragt bei uns.

— Нейнъ?

— Nein,—отрицательно потрясъ головой кельнеръ.

— Извольте видѣть, нѣть у нихъ самовара! Ну, Берлинъ! Въ хорошей гостиницѣ даже самовара нѣть, тогда какъ у насъ на каждомъ постояломъ дворѣ. Ну, а кипятокъ откуда-же мы возьмемъ? Хейсь вассеръ?

— Hier, — указаль кельнеръ на кувшинъ.

— Здѣсь? Да это какой-же кипятокъ! Это просто чусть тепленькая водица. Даже и паръ отъ него не идетъ. Намъ нуженъ кипятокъ, ферштейнзи—кипятокъ, хейсь вассеръ. И, наконецъ, тутъ мало. Тутъ и на двѣ чашки для двоихъ не хватить, а мы хотимъ филь, много, мы будемъ пить по пяти, по шести чашекъ. Ферштейнзи—фюнфъ, зехсъ тассе.

— Брось, Глаша. Ну, ихъ къ лѣшему.. Какъ-нибудь и такъ напьемся. Видишь, здѣсь въ Нѣметчинѣ все наоборотъ, все шиворотъ-навыворотъ: на перинахъ не спать, а перинами покрываются, кипятокъ подаются не въ чайникахъ-арбузахъ, а въ молочникахъ, — перебиль жену Николай Ивановичъ.

— И обѣдаются по телеграммамъ, — прибавила та. — Геензи, — кивнула она кельнеру, давая знать, чтобы онъ удалился, но вдругъ вспомнила и остановила его. — Или нѣть, постойте. Намъ нужно получить

нашъ багажъ со станціи. Багаже бекоменъ. Вотъ квитанція... Хиръ квитанецъ, — подала она кельнеру бумажку. — Манъ канъ?

— О, ja, Madame, — отвѣчалъ кельнеръ, принимая квитанцію.

— Ну, такъ брингензи... Да вотъ еще квитанцъ отъ телеграмма...

Супруги принялись пить чай и истреблять бутерброты съ сыромъ и телятиной. Послышался стукъ въ дверь, и кельнеръ вернулся. Въ рукѣ онъ держалъ квитанціи и улыбался.

— Мы сейчасъ разглядѣли въ конторѣ квитанціи. По этимъ квитанціямъ вы можете получить вашъ багажъ и вещи только въ Берлинѣ, а не здѣсь,—сказалъ онъ по-нѣмецки, кладя квитанціи на столъ.

Супруги въ недоумѣніи глядѣли на него и не понимали, что онъ говоритъ.

— Коля, ты не понялъ, что онъ говоритъ?—спросила мужа Глафира Семеновна. — Я рѣшительно ничего не понимаю.

— А мнѣ-то откуда-же понимать, ежели я нѣмецкимъ словамъ въ лавкѣ отъ чухонъ учился.

— Дуракъ! — выбранилась жена и, обратясь къ кельнеру, сказала:

— Брингензи, брингензи багаже. Мы заплатимъ.

— Das kann man nicht, Madame. Das werden Sie in Berlin kriegen.

— Ну, да, инъ Берлинъ. Вѣдь мы въ Берлинѣ. Виръ инъ Берлинъ, виръ зитценъ инъ Берлинъ. Хиръ Берлинъ.

— Hier ist Dirschau, Madame... Stadt Dirschau...

Глафира Семеновна начала соображать и вспыхнула.

— Какъ Диршай? Какой штатъ Диршай?! — воскликнула она.—Берлинъ!

— Nein, Madame.

Кельнеръ снялъ со стѣны карту гостиницы, поднесъ къ Глафири Семеновнѣ и указалъ на заголовокъ, гдѣ было напечатано по-нѣмецки: Hotel de Berlin in Dirschau. Читать по-нѣмецки Глафира Семеновна умѣла, она прочла и вскрикнула:

— Николай Иванычъ! Да знаешь-ли ты, что мы пріѣхали не въ Берлинъ, а въ какой-то городъ Диршау?
— Да что ты... Неужели?..—пробормоталъ Николай Ивановичъ, разинулъ ротъ отъ удивленія и сталъ скоблить затылокъ.

XI.

— Ну, что-жъ это такое! Вѣдь ужъ это совсѣмъ изъ рукъ вонъ! Вѣдь это ни на что не похоже!—сердилась Глафира Семеновна, всплескивая руками и бѣгая по комнатѣ. Вотъ ужъ сколько времени ъдемъ въ Берлинъ, колесимъ и все въ него попасть не можемъ. Второй разъ не въ то мѣсто попадаемъ. Диршау... Какой это такой Диршау? Гдѣ онъ? — остановилась она въ вопросительной позѣ передъ Николаемъ Ивановичемъ.

Тотъ попрежнему сидѣлъ, досадливо кряхтѣлъ и чесаль затылокъ.

— Николай Иванычъ, я васъ спрашиваю! Что вы идоломъ-то сидите! Гдѣ это такой Диршау? Въ какой онъ такой мѣстности? Можетъ быть, мы опять не по той желѣзной дорогѣ поѣхали?

— Да почемъ-же я-то знаю, матушка! — отвѣчалъ мужъ.

— Однако, вы все-таки въ Коммерческомъ училишѣ учились.

— Всего только полтора года пробылъ, да и то тамъ всей моей науки только и было, что я на клиросѣ диксантомъ пѣлъ, да въ классѣ въ стальныя перья игралъ. А ты вотъ четыре года въ пансіонѣ у мадамы по стульямъ елозила, да и то ничего не знаешь.

— Наша наука была дамская: мы танцевать учились, да кошельки бисерные вязать и поздравленія въ Рождество, въ день ангела папенькѣ и маменькѣ писать; такъ откуда-же мнѣ о какомъ-то Диршау знать! Справьтесь-же, наконецъ, какъ намъ отсюда въ Берлинъ попасть! Навѣрное, мы въ какое-нибудь нѣмецкое захолустье заѣхали, потому что здѣсь въ гостиницѣ самовара нѣтъ.

— Ахъ, чортъ возьми! Вотъ закуска-то! — схватился Николай Ивановичъ за голову. — Ну, переплеть! Господи Боже мой, да скоро-ли-же кончатся всѣ эти нѣмецкія мученія! Я увѣренъ, что во французской землѣ лучше и тамъ люди по-человѣчески живуть. А все-таки надо ъхать въ Берлинъ,—сказалъ онъ и прибавилъ:—Ну, вотъ что... До Берлина мы только доѣдемъ, возьмемъ тамъ на станціи нашъ багажъ и сей-часъ-же въ Парижъ. Согласна?

— Да какъ-же не согласна-то! Мы только ъдемъ по Нѣметчинѣ и нигдѣ въ ней настоящимъ манеромъ не останавливаемся, а ужъ и то она мнѣ успѣла надоѣсть хуже горькой рѣдкѣи. Скорѣй въ Парижъ, скорѣй! Николай Ивановичъ позвонилъ кельнера.

— Сколько гельдъ за все происшествіе? Ви філь?—спросилъ онъ, указывая на комнату и на сервировку чая.—Мы ъдемъ въ Берлинъ. Скорѣй счетъ.

Кельнеръ побѣжалъ за счетомъ и принесъ его. Николай Ивановичъ подалъ золотой. Ему сдали сдачи.

— Сколько взяли? — спрашивала Глафира Семеновна мужа.

— Да кто-жъ ихъ знаетъ! Развѣ у нихъ разберешь? Сколько хотѣли, столько и взяли. Вонъ счетъ-то, бери его съ собой. Въ вагонѣ на досугъ разберешь, ежели сможешь. Скорѣй, Глафира Семеновна! Скорѣй! Надѣвай пальто и идемъ.

Супруги одѣлись и вышли изъ комнаты. Кельнеръ стоялъ и ждалъ подачки на чай.

И Николай Ивановичъ показалъ кельнеру кулакъ.

— Mein Herr! Was machen Sie!—попятился кельнеръ.

— Ничего, мейнъ херы! Не заманивай. Мы явственно спрашивали, Берлинъ-ли это или не Берлинъ.

— Да вѣдь не у него, а у швейцара.

— Одна шайка. Проѣзжающихъ тутъ у нихъ нѣтъ—вотъ они давай надувать народъ.

Глафира Семеновна, однако, сжалилась надъ кельнеромъ, обернулась и сунула ему въ руку два „гривенника“.

Вышли на подъездъ. Кланялся швейцарь, ожидая подачки.

— Я тебя, мерзавецъ! — кинулъ ему Николай Ивановичъ. — Ты благодари Бога, что я тебѣ бока не обломалъ.

— Да брось. Ну, чего тутъ? Вѣдь нужно будеть у него спросить, гдѣ тутъ желѣзная дорога, по которой въ Берлинъ надоѣхать, — остановила мужа Глафира Семеновна, сунула швейцару два „гривенника“, и спросила:—Во исть ейзенбанъ инъ Берлинъ?

— Это здѣсь, мадамъ. Это недалеко. Дорога въ Берлинъ та-же самая, по которой вы къ намъ пріѣхали,— отвѣчалъ швейцаръ по-нѣмецки, указывая на виднѣющееся въ концѣ улицы сѣренъкое зданіе.

— На ту-же самую станцію указываетъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Врѣть, врѣть, Глаша, не слушай. А то опять захороводимся.

— Да вѣдь мы на станціи-то опять спросимъ. Спросимъ и провѣримъ. Языкъ до Кіева доведеть.

— Насъ-то онъ что-то не больно-то доводить. Ну, двигайся.

На станціи опять разспросы словами и пантомимами. Кое-какъ добились, что поѣздъ идетъ черезъ полтора часа.

— Ой, врутъ! Ой, надуваютъ! Ужъ такое это нѣмецкое сословіе надувательное! — говорилъ Николай Ивановичъ.—Ты, Глаша, спроси еще.

И опять разспросы. Отвѣтъ былъ тотъ-же самый.

— Да поняла-ли ты настоящимъ манеромъ? — все сомнѣвался Николай Ивановичъ.

— Да какъ-же не понять-то. Три человѣка часы вынимали и прямо на цифры указывали, когда поѣздъ въ Берлинъ идетъ. Вѣдь я цифры-то знаю.

— Да въ Берлинъ-ли? Не заѣхать-бы опять въ какой-нибудь новый Диршау...

— Въ вагонѣ будемъ спрашивать.

Промаячивъ на станціи полтора часа и все еще разспрашивая у каждого встрѣчнаго о поѣздѣ въ Берлинъ, супруги, наконецъ, очутились въ вагонѣ. Ихъ усадилъ какой-то сердобольный желѣзнодорожный стражъ, видя ихъ замѣшательство и беспокойное бѣганье по вокзалу.

— Да инъ Берлинъ-ли?—снова спросилъ Николай Ивановичъ, суя ему въ руку два „гривенника“. — Виръ Берлинъ?

— Berlin, Berlin. Direct nach Berlin, — отвѣтилъ сторожъ.

Поѣздъ тронулся.

— Доѣдемъ до Берлина, никуда не попадая, — свѣчку въ рубль поставлю,—произнесъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, дай-то Богъ!—пробормотала Глафира Семеновна и украдкой перекрестилась.

XII.

Путь отъ Диршау до Берлина Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна проѣхали безъ особенныхъ приключений.

Въ Берлинъ прїѣхали вечеромъ. Поѣздъ, проходя надъ улицами и минуя громадные дома съ вывѣсками, вѣхалъ, наконецъ, въ блестяще освѣщенный электричествомъ вокзалъ и остановился.

— Вотъ онъ, Берлинъ-то! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Тутъ ужъ, и не спрашивая, можно догадаться, что это Берлинъ. Смотри, въ вокзалѣ-то какая толкотня. Словно въ Нижнемъ во время ярмарки подъ главнымъ домомъ,—обратился онъ къ женѣ. — Ну, выходи скорѣй изъ вагона, а то дальше куда-нибудь увезутъ.

Они вышли изъ вагона.

— Багаже гдѣ можно взять? Багаже? — сунулъ Николай Ивановичъ какому-то сторожу квитанцію.

— Weiter, mein Herr,—отмахнулся тотъ и указалъ куда-то рукой.

— Багаже... — сунулся Николай Ивановичъ къ другому сторожу и опять тотъ-же отвѣтъ.

Пришлось выйти къ самому выходу изъ вокзала. Тамъ около дверей стояли швейцары гостиницъ, съ мѣдными бляхами на фуражкахъ, и приглашали къ себѣ путешественниковъ, выкрикивая название своей гости-

ницы. Одинъ изъ такихъ швейцаровъ, заслыша русскій разговоръ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, прямо обратился къ нимъ на ломанномъ русскомъ языке:

— Въ нашъ готель говорять по-русски. Въ нашъ готель первая рангъ комната отъ два марка до двадцать марка!

— Глаша! слышишь! По русски болтаетъ! — радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ и чуть не бросился къ швейцару на шею:—Голубчикъ! Намъ багажъ надо получить. По-нѣмецки мы ни въ зубъ, и ужъ претерпѣли въ дорогѣ отъ этого, яко Іовъ многострадальный! Три нѣмецкихъ полтинника на чай, выручи только откуда-нибудь багажъ.

— Можно, можно, ваше превосходительство. Да вайте вашъ квитунгъ и садитесь въ наша карета, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Вотъ квитанція. Да кромѣ того, надо саквояжи и подушки получить. Мы растерялись въ дорогѣ и забыли въ вагонѣ всѣ наши вещи.

Николай Ивановичъ передалъ швейцару происшествіе съ саквояжами.

— Все сдѣлаю. Садитесь прежде въ наша карета,—приглашалъ швейцаръ.

XIII.

— Ну, ужъ ты какъ хочешь, Николай Ивановичъ, а я здѣсь въ Берлинѣ больше одной ночи ни за что не останусь. Чтобы завтра же въ Парижъѣхать! Съ первымъ поѣздомъѣхать,—говорила Глафира Семеновна.—Нѣмецкая земля положительно намъ не ко двору. Помилуйте, что это за земля такая, гдѣ куда ни сунешься, навѣрное не въ то мѣсто попадешь.

— Да ужъ ладно, ладно, завтра поѣдемъ,—отвѣчалъ Николай Ивановичъ.—Пиво здѣсь хорошо. Только изъ-за пива и побывать стоитъ. Пива сегодня попьемъ вволю, а завтра поѣдемъ.

— Я даже и теперь-то сомнѣваюсь, туда-ли мы попали, куда слѣдуетъ.

— Однако, ты видишь, по какимъ мы богатымъ улицамъ ъдемъ. Все газомъ и электричествомъ залито.

— А все-таки ты спроси у швейцара-то еще разъ:—Берлинъ-ли это?

Николай Ивановичъ поднялъ стекло кареты и высунулся къ сидящему на козлахъ рядомъ съ кучеромъ швейцару.

— Послушайте?.. Какъ васъ? Мы вотъ все сомнѣваемся, Берлинъ-ли это?

— Берлинъ, Берлинъ. Вотъ теперь мы ъдемъ по знаменитая улица Unter den Linden. Подъ Липами, — отвѣчаль швейцаръ.

— Что-жъ тутъ знаменитаго, что она подъ липами? У насъ, братъ, въ Петербургѣ этихъ самыхъ липъ на бульварахъ хоть отбавляй, но мы знаменитыми ихъ не считаемъ. Ну, а гдѣ у васъ тутъ самое лучшее пиво?

— Пиво вездѣ хорошо. Лучше берлинскій пиво нѣть. Вотъ это знаменитый Бранденбургеръ - Торъ, — указывалъ швейцаръ.

— По-нашему, Тріумфальная ворота. Такъ это, братъ, есть и у насъ. Этимъ насъ не удивиши. Вы вотъ ихъ за знаменитыя считаете, а мы ни за что не считаемъ, такъ что даже и стоять то они у насъ въ Петербургѣ на краю города, и мимо ихъ только быковъ на бойню гоняютъ. Скоро пріѣдемъ въ гостиницу?

— Сейчасъ, сейчасъ, ваше превосходительство.

Карета остановилась около ярко освѣщенаго подъѣзда гостиницы. Швейцаръ соскочилъ съ козель, сталъ высаживать изъ кареты Николая Ивановича и Глафиру Семеновну и ввель ихъ въ притворъ. Второй швейцаръ, находившійся въ притворѣ, позвонилъ въ объемистый колоколь. Гдѣ-то откликнулся колоколь съ болѣе нѣжнымъ тономъ. Съ лѣстницы сбѣжалъ кельнеръ во фракѣ.

Супруговъ ввели въ какую-то маленькую комнату. Швейцаръ захлопнулъ стеклянную дверь. Раздался электрическій звонокъ, потомъ легкій свистокъ, и комната начала подниматься, уходя въ темноту.

— Ай, ай!—взвизгнула Глафира Семеновна. — Ни-

колай Иванычъ! Голубчикъ! Что это такое? — ухватилась она за мужа, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

— Это, мадамъ, подъемный машинъ, — отвѣчалъ голосъ швейцара.

— Не надо намъ, ничего не надо! Отворите!.. Пустите... Я боюсь... Впотьмахъ еще. Богъ знаетъ, что сдѣлается... Выпустите...

— Какъ можно, мадамъ... Телерь нельзя... Теперь можно убиться.

— Николай Иванычъ! Да что-жъ ты молчишь, какъ истуканъ!

Николай Ивановичъ и самъ перепугался. Онъ тяжело отдувался и, наконецъ, проговорилъ:

— Потерпи, Глаша... Уповай на Бога... Куданибудь доѣдемъ.

Черезъ минуту подъемная машина остановилась, и швейцарь распахнулъ дверцу и сказалъ, „прошу, мадамъ“.

— Тыфу ты, чтобы вамъ сдохнуть съ вашей проклятой машиной! — плевался Николай Ивановичъ, выходя на площадку лѣстницы и выводя жену. — Сильно перепугалась?

— Ужасти!.. Руки, ноги трясутся. Я думала, и ни вѣсть куда нась тащать. Мѣсто чужое, незнакомое, вокругъ все нѣмцы... Думаю, вотъ-вотъ въ темнотѣ за горло схватять.

— Мадамъ, здѣсь отель первый рангъ,—вставилъ замѣчаніе швейцарь, какъ-бы обидѣвшись.

— Плевать я хотѣла на вашъ рангъ! Вы прежде спросите, желають-ли люди въ вашей чортовой люлькѣ качаться. Вамъ только-бы деньги съ проѣзжающихъ за ваши фокусы сорвать. Не плати имъ, Николай Иванычъ, за эту анаемскую клѣтку, ничего не плати...

— Мадамъ, мы за подъемную машину ничего не беремъ.

— А не берете, такъ съ васъ нужно брать за беспокойство и испугъ. А вдругъ со мной сдѣлались-бы нервы, и я упала бы въ обморокъ?

— Пардонъ, мадамъ... Мы не хотѣли...

— Намъ братъ, изъ вашего пардона не шубу

шить, — огрызнулся Николай Иванович. — Успокойся, Глаша, успокойся.

— Все-ли еще у меня цѣло? Здѣсь-ли брошка-то бриллантовая? — ощупывала Глафира Семеновна брошку.

— Да что вы, мадамъ... Кромѣ меня и вашъ супругъ, никого въ подъемный каретъ не было, — конфузился швейцарь, повель супруговъ по коридору и отворилъ номеръ.

— Вотъ... Изъ вашихъ оконъ будетъ самый лучшій видъ на Паризерплацъ.

— Цѣны-то архаровскія, — сказалъ Николай Ивановичъ, заглядывая въ комнату, которую швейцарь освѣтилъ газовымъ рожкомъ. — Войдемъ, Глаша.

Глафира Семеновна робко переступила порогъ.

— О, Господи! Только-бы переночевать, да вонъ скорѣй изъ этой земли! — бормотала она.

— Ну, такъ и быть, останемся здѣсь, — сказалъ Николай Ивановичъ, садясь въ кресло. — Велите привести наши вещи. А какъ васъ звать? — обратился онъ къ швейцару.

— Францъ.

— Ну, херь Францъ, такъ ужъ вы такъ при нась и будете съ вашимъ русскимъ языкомъ. Три полтины обѣщаешь дать на чай за выручку нашихъ вещей на желѣзной дорогѣ, а ежели при нась сегодня вечеромъ состоять будете и завтра нась въ какой слѣдуетъ настоящій вагонъ посадите, чтобы намъ, не перепутавшись, въ Парижъѣхать, то шесть полтинъ дамъ. Согласенъ?

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство. Теперь не прикажете-ли что-нибудь изъ буфета?

— Чайку прежде всего.

— Даже русскій самоваръ можемъ дать.

Швейцарь позвонилъ, вызвалъ кельнера и сказалъ ему что-то по-нѣмецки.

— Глаша! Слышишь! Даже русскій самоваръ подадутъ, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, которая сидѣла насупившись. — Да что ты, дурочка, не бойся. Вѣдь ужъ эта комната неподвижная. Никуда нась въ ней не потянутъ.

— Пожалуйста, за нѣмцевъ не ручайся. Озорники для проѣзжающихъ. Ужъ ежели здѣсь заставляютъ по телеграммамъ обѣдать, то чего-же тебѣ?..

— Ахъ, да... Поужинать-то все-таки сегодня горячимъ будетъ можно?

— О, да... У насъ лучшій кухня.

— И никакой телеграммы посыпать сюда не надо? — спросила швейцара Глафира Семеновна.

Швейцарь посмотрѣлъ на нее удивленно и отвѣчалъ:

— Зачѣмъ телеграмма? Никакой телеграмма.

XIV.

Послѣ того, какъ швейцарь удалился, кельнеръ подалъ чай и тотъ русскій самоваръ, которымъ похвастался швейцарь. Глафира Семеновна хоть и была еще все въ тревогѣ отъ испуга на подъемной машинѣ, но при видѣ самовара тотчасъ-же расхохоталась.

— Смотри, смотри... И это они называютъ русскій самоваръ! Ни трубы, ни поддувала, — обратилась она къ мужу. — Какое-то большое мельхиоровое яйцо съ краномъ, а внизу спиртовая лампа—вотъ и все.

— Брось ужъ. Не видишь развѣ, что здѣсь люди безъ понятія къ русской жизни, — отвѣчалъ презрительно Николай Ивановичъ. — Нѣмцы, хоть ты коль имъ на головѣ теши, такъ ничего не подѣлаешь. Ну, я пока буду умываться, а ты разливай чай. Напьемся чайку и слегка булочками закусимъ, а ужъ на ночь поужинаемъ вплотную.

Напившись чаю, Николай Ивановичъ опять позвонилъ швейцара.

— Ну, херъ Францъ, надо намъ будетъ немножко Берлинъ посмотрѣть. Веди, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣть, нѣть... Ни за что я никуда не пойду! — воскликнула Глафира Семеновна. — Еще опять въ какую-нибудь машину въ родѣ подъемной попадешь и перепугаешься.

— Да, что ты, глупая! Херь Францъ теперь предупредить, коли ежели что.

— Да, да, мадамъ. Будьте покойны. Больше ничего не случится, — отвѣчалъ швейцарь.

— Пойдемъ, Глаша, — упрашивалъ жену Николай Ивановичъ.

— Ну, хорошо. Только ужъ спускаться я ни за что не буду на вашей подъемной машинѣ.

— Да ужъ и я—слуга покорный, — поддержаль ее Николай Ивановичъ. — Ну, однако, что-жъ у васъ въ Берлинѣ сегодня вечеромъ посмотретьъ? — обратился онъ къ швейцару.

— Въ театры теперь уже поздно, не поспѣемъ къ началу; но можно побывать въ нашемъ акваріумѣ.

— Ахъ, и у васъ такъ же, какъ и въ Петербургѣ, есть акваріумъ? Глаша! слышишь, и у нихъ въ Берлинѣ есть акваріумъ.

— Нашъ берлинскій акваріумъ—зnamенитый акваріумъ. Первый въ Европѣ.

— Браво. А кто у васъ тамъ играетъ?

Швейцарь посмотрѣлъ на него удивленными глазами и отвѣчалъ:

— Рыбы... Рыбы... Рыбы тамъ и амфибіенъ.

— Да неужели рыбы?

— О, господинъ, тамъ рыбъ много. Есть рыбы съ моря, есть рыбы съ океанъ.

— И играютъ?

— Да, да... играютъ.

— Глаша, слышишь? Въ акваріумѣ-то ихнемъ рыбы играютъ. Надо непремѣнно пойти и послушать.

— Да что ты?.. — удивилась Глафира Семеновна.

— Вотъ разсказывается. Вѣдь этого въ другой разъ ни за что не услышишь. А кто у нихъ дирижируетъ? Какъ вы сказали? — допытывался Николай Ивановичъ.

— То-есть какъ это? Я ничего не сказалъ, — удивился швейцарь.

— Нѣть, нѣть... Вы сказали. Такая нѣмецкая фамилія. Анти... Антиби...

— Я сказалъ, что тамъ есть рыбы и амфибіенъ, — повторилъ швейцаръ.

— Послушаемъ, братъ, херъ Францъ, этого Амфибіена, послушаемъ. Веди нась. Глаша, одѣвайся! Это недалеко?

— Да почти рядомъ, Unter den Linden, — отвѣчалъ швейцаръ.

— Ахъ, помню, помню. Ну, Глаша, поворачивайся, а то будетъ поздно. Да вотъ что, херъ Францъ, за-каки, братъ, намъ здѣсь въ гостиницѣ ужинъ къ двѣ-надцати часамъ, а то боюсь какъ-бы намъ голоднымъ не остаться.

— Зачѣмъ здѣсь? — подмигнулъ Николаю Ивано-вичу швейцаръ, ободренный его фамильярностью. — Мы найдемъ получше здѣшняго ресторана, веселый ре-сторанъ.

— Ну, вали! Жарь, вотъ это отлично. Люблю, кто мнѣ потрафляетъ. Глаша!

— Я готова.

Изъ-за алькова вышла Глафира Семеновна въ ватерпруфѣ и шляпкѣ, и супруги вышли изъ номера. Сзади ихъ шелъ швейцаръ.

XV.

Глафира Семеновна и Николай Ивановичъ, въ со-провожденіи швейцара, сошли по лѣстницѣ гостиницы и вышли на улицу, прилегающую къ бульвару Unter den Linden, и вскорѣ свернули на него. Былъ уже де-вятый часъ вечера; нѣкоторые магазины запирались, потушивъ газъ въ окнахъ, но уличное движеніе не утихало.

— Вотъ нашъ знаменитый акваріумъ, — указалъ швейцарь на подъѣздъ, освѣщенный электричествомъ. — Пожалуйте наверхъ.

— Какъ наверхъ? Да развѣ у васъ акваріумъ-то не садъ? — удивился Николай Ивановичъ. — У насъ въ саду.

— Какъ возможно въ саду! Тутъ есть такія рыбы

и амфибіенъ, что имъ нужно теплый цонне... теплый климатъ... Вы пальто снимите и отдайте. Будеть жарко.

— Снимемъ, снимемъ. Ну, поднимайся, Глаша. А я думалъ, Францъ, что у васъ въ акваріумѣ этотъ... какъ его? . Штраусъ, вотъ кто, — вспомнилъ Николай Ивановичъ. — Я думалъ, что у васъ въ акваріумѣ Штраусъ, — продолжалъ онъ.

— Штраусъ на Зоологической садъ... Тамъ и штраусъ, тамъ и жирафе, тамъ и гиппопотамъ, тамъ и вашъ русскій ейсберъ, ледяной медвѣдь.

Супруги взяли билеты и въ сопровождениі швейцара вошли въ акваріумъ. Направо и налево стеклянные резервуары съ плавающей въ водѣ рыбой. Николай Ивановичъ взглянулъ мелькомъ и сказалъ швейцару:

— Ну, мимо! Чего тутъ простыхъ-то рыбъ разсматривать! Этого добра у насъ въ Петербургѣ въ каждомъ трактирѣ въ садкѣ много плаваетъ. А ты веди къ ученымъ рыбамъ, которые вотъ музыку-то играютъ.

Швейцарь покосился на него и повелъ дальше. Показался терраріумъ съ черепахами.

— Вотъ тутъ шильдкрете, — указалъ онъ.

— Черепахи? — заглянула Глафира Семеновна, сморщилась и проговорила: — Фу, какая гадость! Ведите скорѣй насъ къ эстрадѣ-то.

Швейцарь опять покосился. Онъ недоумѣвалъ, отчего это путешественники пришли въ акваріумъ и ни на что смотрѣть не хотятъ.

— Мадамъ хочетъ амфибіенъ смотрѣть? — улыбнулся швейцарь. — А вотъ многія дамы не любятъ на амфибіенъ смотрѣть. Вы храбрый дама... Вотъ начинается амфибіенъ, — указалъ онъ на бассейнъ. — Тутъ крокодиленъ...

Глафира Семеновна такъ и шарахнулась въ сторону, увидавъ выставившуюся изъ воды голову крокодила.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — заплевалась она. — И какъ вамъ не стыдно на такую гадость указывать! Мы

васъ просимъ, чтобы вы насть къ Амфибіену вашему вели, а вы, какъ на зло...

— Да вѣдь это амфибіенъ и есть...—началъ было швейцарь.

— Дальше, дальше, Францъ! Что это въ самомъ дѣлъ! Тебѣ русскимъ языкомъ говорятъ, что мы не желаемъ этой дряни смотрѣть! — крикнулъ Николай Ивановичъ.

Швейцарь недоумѣвалъ.

— Мадамъ просить амфибіенъ...

— Ну, такъ и веди къ нему! А ты какихъ-то ящерицъ да лягушекъ показываешь.

Сдѣлали еще поворотъ.

— Вотъ,—указалъ швейцарь.

За стекломъ изъ-подъ камня выставилась громадная змѣя, обвила сукъ дерева и, поднимая голову, открывала пасть. Увидавъ ее, Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и бросилась къ мужу.

— Коля! Голубчикъ! Уведи меня скорѣй!.. Не могу, не могу... Ты знаешь, я змѣй до страсти боюсь... У меня руки, ноги трясутся. Мнѣ дурно можетъ сдѣлаться.

Она вся нервно тряслась. На глазахъ ея показались слезы.

— Херь Францъ! Да будеть-ли этому конецъ? Что это за безобразіе!—закричалъ Николай Ивановичъ на швейцара.—Тебѣ русскимъ языкомъ сказано, что не хотимъ мы смотрѣть этой дряни! Тысячу разъ тебя просятъ, чтобы ты насть на музыку вель, а ты, чортъ тебя знаешь, къ чему насть подводишь!

— На какую музыку?—удивленно спросилъ швейцарь.—Здѣсь никакой музыки нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Да вѣдь это акваріумъ?!

— Да, акваріумъ, но музыки нѣтъ.

— Какъ-же можетъ быть акваріумъ безъ музыки? Что ты насть морочишь-то! Вездѣ акваріумъ съ музыкой... Будто мы не понимаемъ! У насть въ Петербургѣ тоже акваріумъ съ музыкой.

— А у насть въ Берлинѣ безъ музыкъ...

— Какъ же ты раньше говорилъ намъ, что здѣсь

музыка, что здѣсь даже ученые рыбы играютъ, что здѣсь какой-то вашъ нѣмецъ Амфибіенъ оркестромъ дирижируетъ.

— Никогда я этого, ваше превосходительство, не говорилъ.

— Глаша! И онъ еще мнѣ смѣеть вратъ въ глаза!

— Говорили вы, говорили. Мы даже сейчасъ васъ спросили про Штрауса, а вы сказали, что Штраусъ дирижируетъ въ Зоологическомъ саду, а здѣсь Амфибіенъ,—подхватила Глафира Семеновна.

— Мадамъ, вы меня не такъ поняли. Никогда я про музыку не говорилъ. Амфибіенъ — звѣри: крокодиленъ, змѣи; штраусъ тоже звѣри—птица.

— Что вы мнѣ про Штрауса-то зубы заговариваете? Штраусъ дирижеръ, капельмейстеръ, музыкантъ, композиторъ. Я сама его вальсы на фортепьянахъ играю.

— Ахъ, да, да... Но тотъ Штраусъ не въ Берлинъ, а въ Вѣнѣ. А я вамъ говорилъ про штраусъ-птица.

— Ну, переплеть! Нѣть, Нѣметчина намъ не ко двору! — прошепталъ Николай Ивановичъ. — Даже и по русски-то говоримъ, такъ другъ друга понять не можемъ. Такъ нѣть въ здѣшнемъ акваріумѣ музыки? — спросилъ онъ швейцара.

— Нѣть, нѣть. Здѣсь звѣри. Амфибіенъ тоже звѣри.

— Никакой музыки нѣть?

— Никакой.

— Такъ на кой-же шутъ ты настъ, спрашивается, привелъ сюда? На кой-же шутъ я зря три нѣмецкихъ полтинника въ кассѣ отдалъ, да еще за храненіе платья заплатилъ? Веди назадъ!

Швейцарь пожалъ плечами и поплелся къ выходу. Сзади слѣдовали Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна.

— Вѣдь ты знаешь, что я не могу смотрѣть на змѣй... Когда я увижу змѣю, у меня дѣлается даже какое-то внутреннее нервное трясеніе, и я становлюсь больна, совсѣмъ больна,—говорила она мужу.

XVI.

Куда-жъ теперь?—спрашивалъ Николай Ивановичъ Глафиру Семеновну, выходя изъ акваріума на улицу.

Сопровождавшій ихъ швейцаръ хотѣлъ что-то сказать, но Глафира Семеновна раздраженно воскликнула:

— Никуда! Рѣшительно никуда! Съ меня и этого удовольствія довольно. Прямо домой, прямо въ гостиницу, и завтра съ первымъ поѣздомъ въ Парижъ. Не желаю больше по Берлину ходить. А то опять вмѣсто музыки на какую-нибудь змѣю наскочишь. Достаточно. Будеть съ меня... Угостили въ акваріумѣ... Ну, что-жъ вы стали! Ведите нась обратно въ гостиницу!— обратилась она къ швейцару.

— Я хотѣлъ предложить для мадамъ...

— Ничего мнѣ предлагать не нужно... Прямо въ гостиницу.

— Глаша! Но зайдемъ хоть въ какую-нибудь биргале пива выпить,—началъ Николай Ивановичъ.

— Пива въ гостиницѣ можете выпить.

И Глафира Семеновна пошла одна впередъ.

— Не туда, мадамъ. Не въ ту сторону... Въ гостиницу направо,—сказалъ швейцаръ.

Она обернулась и перемѣнила направлениe. Николай Ивановичъ и швейцаръ шли сзади.

— А какое веселое мѣсто-то я вамъ хотѣлъ указать,—шепнулъ швейцаръ Николаю Ивановичу. — Тамъ поютъ и играютъ, тамъ можно и поужинать.

— Глаша! Вотъ Францъ хочетъ какое-то мѣсто показать, гдѣ поютъ и играютъ. Тамъ бы и поужинали и пива выпили.

— Опять съ змѣей? Нѣть, ужъ благодарю покорно.

— Никакой тамъ змѣи нѣть. Тамъ поютъ и играютъ. Тамъ шансонетъ и оперштике... Тамъ танцы... Тамъ хорошій кухня и можно хорошій ужинъ получить,—продолжалъ швейцаръ.

— Чтобы змѣи наѣстъся? Давеча живую преподнесли, а теперь хотите жареную... Спасибо!

— Уговорите ее, монсье, вашу супругу... Мѣсто

очень веселое... Красивыя женщины есть, — шепнуль швейцарь.

— Нѣтъ, ужъ теперь закусила удила, такъ ее не только уговорить, а въ ступѣ не утолочь, — отвѣчаль Николай Ивановичъ. — Веди домой и заказывай ужинъ для насъ.

Черезъ четверть часа они были дома. Глафира Семеновна съ сердцемъ сбросила съ себя ватерпруфъ, шляпку, сѣла въ уголъ и надулась. Николай Ивановичъ взглянулъ на нее и покачалъ головой. Швейцарь подалъ ему карту кушаній и отошелъ къ сторонѣ. Николай Ивановичъ повергъ ей въ рукахъ и сказалъ:

— Я, братъ, по-нѣмецки ежели написано, то гляжу въ книгу и вижу фигу, такъ ужъ лучше ты заказывай. Глаша! Ты чего-бы хотѣла поѣсть? — обратился онъ къ женѣ.

— Ничего. У меня голова болитъ.

— Нельзя-же, милый другъ, не ъвші. Завтра рано утромъ поѣдемъ въ Парижъ, такъ ужъ не успѣемъ до отправленія поѣсть. Въ которомъ часу, Францъ, идеть поѣздъ въ Парижъ?

— Въ восемь часовъ утра. Вамъ придется на Кельнѣ ъхать и тамъ будетъ пересадка въ другіе вагоны. Въ Кельнѣ пріѣдете вечеромъ и только въ Кельнѣ можете покушать, а до Кельна поѣздъ нигдѣ не останавливается больше двухъ-трехъ минутъ.

— Ну, вотъ видишь, Глаша; стало быть, тебѣ необходимо поклевать съ вечера,—уговариваль Николай Ивановичъ жену. — Скажи, чего ты хочешь — вотъ Францъ и закажеть.

Ужинъ былъ заказанъ. Черезъ часъ его подали въ номеръ. Николай Ивановичъ былъ голоденъ и принялъ его ъсть такъ, что у него только за ушами трещало, а потомъ навалился на пиво. Щла съ большимъ аппетитомъ и Глафира Семеновна.

Часа черезъ два Николай Ивановичъ, изрядно пьяный, лежалъ на постели и бормоталъ:

— Слава Богу, завтра въ Парижъ. Ужасти, какъ надобѣла Нѣметчина.

XVII.

Утромъ Николая Ивановича и Глафиру Семеновну разбудили рано, еще только свѣтъ брезжился. Тотчасъ-же появился кофе, тотчасъ-же швейцарь Францъ принесъ счетъ за пребываніе въ гостиницѣ и сказалъ Николаю Ивановичу:

— Ежели, ваше превосходительство, хотите къ первому поѣзду попасть, то торопитесь: безъ се-ми-нути въ восемь отходить.

— Скорѣй, Глаша, скорѣй!.. —засуетился Николай Ивановичъ и принялъ распличиваться. — Ой, ой, какой счетъ-то наворотили! — воскликнулъ онъ, увидавъ въ итогѣ счета цифру тридцать восемь.

— Да вѣдь это, господинъ, тридцать восемь марокъ, а не рублей,—замѣтилъ швейцарь.

— Еще-бы за одну-то ночь тридцать восемь рублей! Пьянствомъ и буянствомъ не занимались, вина не пили, сидѣли только на пивѣ да вашей нѣмецкой стряпни поѣли. Бифштексъ-то, братъ, былъ навѣрное изъ лошадки. Имъ можно было гвозди въ стѣну вколачивать.

— Что вы, господинъ... У насть кухня хорошая, провизія первый сортъ.

— Какой бы сортъ ни былъ, а тридцать три полтинника за ъду и за пиво ужасъ какъ дорого. Вѣдь комната-то всего пять полтинъ стоитъ.

— Нѣтъ, мосье, за кушанье меныше. Туть въ тридцати восьми маркахъ пять марокъ за комнату, двѣ марки за сервисъ...

— Какъ, и за сервисъ у васъ берутъ?

— Вездѣ берутъ.

— Глаша! Смотри-ка за сервисъ, на которомъ мы ъли, взяли. Ну, нѣмцы!

— Это значитъ—за прислугу,—пояснилъ швейцарь и продолжалъ:—Четыре марки за меня, что я вчера вѣчеромъ вашимъ проводникомъ былъ, — это значитъ одиннадцать марокъ, марку за свѣчи, марку за лишнюю кровать для вашей супруги...

— Какъ за лишнюю? Да развѣ моя супруга лиш-

ния? Глаша! Слышишь? Тебя за лишнюю считаютъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Позвольте, господинъ, позвольте. Комната считается всегда съ одной кроватью, а ежели вторая кровать, то и лишняя марка. Итакъ, вотъ вамъ тринадцать марокъ! Да за омнибусъ со станціи и на станцію четыре марки — семнадцать, стало быть, за супѣ всего двадцать одинъ маркъ,—сосчиталъ швейцаръ.

— Фю-ф-фю!—просвисталъ Николай Ивановичъ.— Тридцать восемь полтинъ за одну ночь. Ловко, Глаша! Вѣдь этакъ тысячи-то рублей далеко не хватитъ, на которую мы хотѣли въ Парижъ на выставку сѣѣздить и обратно домой пріѣхать.

— Да ужъ расчитывайся, расчитывайся! Чего тутъ торговаться! Все равно не уступятъ. Самъ меня торопилъ, а теперь бобы разводишь,—сказала Глафира Семеновна.

— Дай поругаться-то за свои деньги. Ахъ, вы грабители, грабители! А еще говорятъ, что нѣмецкая жизнь дешевая. Нѣтъ, вѣрно, вы обѣ вашей „экономи“-то только для себя толкуете. Разбойники вы, Францъ. Ну на, получай тридцать восемь полтинъ и вези на желѣзную дорогу.

Николай Ивановичъ звякнулъ по столу золотыми монетами.

— Шесть марокъ вы еще мнѣ на чай обѣщали, ваше превосходительство, такъ прикажете тоже получить?—замѣтилъ швейцаръ.

— За что? Вѣдь самъ-же ты говоришь, что за тебя четыре марки въ счетъ поставлено.

— Четыре марки нашъ готель поставилъ, а вы мнѣ обѣщали, чтобы я васъ въ поѣздѣ посадилъ, чтобы вамъ не перепутаться. Сначала вы три обѣщали, а потомъ опять три.

Николай Ивановичъ вздохнулъ.

— Ну, получай,—сказалъ онъ. — А только, Бога ради, посади нась въ такой поѣздѣ, чтобы ужъ намъ не путаться и прямо въ Парижъѣхать безъ пересадки.

— Такого поѣзда нѣтъ, монсье. Въ Кельнѣ вамъ все-таки придется пересаживаться въ французскіе ва-

гоны. Въ Кельнъ вы пріѣдете вечеромъ, два часа будете сидѣть на станції.

— Ну, значитъ, пиши пропало. Опять перепутаемся! — иронически поклонился Николай Ивановичъ.

— Глаша! Слышишь? Въ какомъ-то Кельнъ придется еще пересаживаться.

— Во французскіе вагоны, такъ ничего. По-французски я могу разговаривать, французскихъ словъ я больше знаю, чѣмъ нѣмецкихъ. Да кромѣ того, у меня въ саквояжѣ французскій словарь есть, — сказала Глафира Семеновна.

Въ половинѣ восьмого часа утра супруги поднимались по лѣстницѣ въ желѣзнодорожный вокзалъ на Фридрихштрассе. Швейцаръ сопровождалъ ихъ.

— Да тутъ-ли, Францъ, туда-ли ты нась ведешь? — сомнѣвался Николай Ивановичъ. — Это, кажется, та-же самая дорога, по которой мы сюда пріѣхали. Смотри, какъ-бы не перепутаться. Вѣдь намъ нужно въ Парижъ, въ Парижъ.

— Да, да, господинъ. Въ Берлинѣ можно съ одного и того-же вокзала въ какой угодно городъѣхать. Здѣсь дороги кругомъ, вокругъ весь Берлинъ... Сюда всѣ поѣздъ приходятъ и всѣ поѣздъ отходятъ. Въ 7 часовъ 53 минутъ вы сядете въ поѣздъ на Кельнъ.

— Да вѣрно ли? — опять спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, какой вы, господинъ! Да вѣрьте-же мнѣ, вѣдь каждый день гостей изъ гостиницы отправляю.

— Нѣтъ, ты все-таки побожись.

— Ну, вотъ ей-Богу... А только напрасно вы беспокоитесь! У васъ французскія деньги есть-ли на расходъ? Ночью вы переѣдете нѣмецкую границу, и вамъ сейчасъ французскія деньги понадобятся. Вотъ здѣсь у еврея вы можете размѣнить на франки, — указалъ швейцаръ на мѣняльную лавку.

— Нужно, нужно. Русскую сторублевую бумажку здѣсь размѣняютъ?

— Конечно, размѣняютъ. Давайте. А то въ Кельнѣ, такъ какъ вы не понимаете по-нѣмецки, васъ жиды

надуть могутъ. А ужъ меня не надуютъ. Я сейчасъ для васъ и счетъ съ фирма спрошу.

Николай Ивановичъ далъ деньги. Швейцарь подошелъ къ мѣняльной будкѣ и вернулся съ французскими золотыми и серебряными монетами и со счетомъ. Николай Ивановичъ взглянуль въ счетъ и проговорилъ:

— По тридцати девяти копѣекъ французскіе-то четвертаки купили! Ловко! Вотъ грабежъ-то! Вычи-стять намъ полушибокъ заграницей, ой, ой, какъ вычи-стять! — покрутиль головой Николай Ивановичъ и при-бавилъ: — Ну, да ужъ только бы благополучно до Парижа-то доехать, нигдѣ не путаясь.

Подлетѣлъ поѣздъ.

— Этотъ? — быстро спросилъ швейцара Николай Ивановичъ.

— Нѣть, нѣть. Это въ другое мѣсто. Видите, всего еще только пятьдесятъ одна минута. Вашъ поѣздъ теперь черезъ двѣ минуты.

Свистокъ—и подлетѣвшій поѣздъ уже помчался, но вслѣдъ за нимъ загромыхалъ колесами еще поѣздъ.

— Вотъ вашъ поѣздъ, — заговорилъ швейцарь. — Садитесь скорѣй. Не зѣвайте. Счастливаго пути.

Черезъ минуту супруги уже мчались въ поѣздѣ.

XVIII.

— Нѣть, совсѣмъ не рука намъ, русскимъ, эта самая нѣмецкая жизнь! — говорилъ Николай Ивановичъ женѣ, сидя въ мчавшемся вагонѣ. — Тутъ годъ живи, да и то не привыкнешь къ ихъ порядкамъ. Замѣтила ты, какъ поѣздъ-то отправился? Вѣдь ни одного звонка не было. Только что успѣли влѣзть въ вагонъ, кондукторъ свистнулъ—и покатили на всѣхъ рысяхъ. Право, не будь при насъ этого самаго Франца, мы бы опять перепутались и попали не въ тотъ поѣздъ. За двѣ-то минуты до нашего поѣзда подлетѣлъ поѣздъ, такъ я и то хотѣлъ въ него вкарабкаться, ежели бы меня Францъ за рукавъ не удержанъ. А поѣздъ то тотъ шелъ въ Вѣну. Ну, кому въ голову придетъ, что по однимъ и

тѣмъ-же рельсамъ въ 7 часовъ и 51 минута можно
ѣхать въ Вѣну, а черезъ двѣ минуты въ другомъ
поѣздѣ въ Кельнъ! А ужъ спѣшка-то какая! Вотъ
кому ежели съ родственниками проститься передъ отхо-
домъ поѣзда, да ежели провожаютъ тебя пять-шесть
родственниковъ... Тутъ и одного чмокнуть не успѣшь.

— Ну, это то пустяки, — отвѣчала Глафира Семе-
новна. — Начмокайся заранѣе, да и дожидайся поѣзда.

— Не тотъ фасонъ, Глаша, совсѣмъ не тотъ фасонъ.
Съ провожающимъ родственникомъ пріятно войти въ
вагонъ—„вотъ, моль, гдѣ я сяду“, потомъ честь-честью
расцѣловаться, сбѣгать въ буфетъ, опрокинуть на ско-
рую руку по рюмочкѣ, опять вернуться, опять расцѣ-
ловаться. Отчего-же это все у насъ дѣлается, а у нихъ
спѣшать, словно будто всѣ пассажиры воры или раз-
бойники и спасаются отъ погони! И куда, спраши-
вается, спѣшить? Вѣдь ужъ рано-ли, поздно-ли будемъ
на томъ мѣстѣ, кудаѣдемъ. Знаешь что? Я думаю,
что это нѣмцы изъ экономіи, чтобы лишняго куска не
сѣсть и лишней кружки пива въ дорогѣ не выпить...

— Да, конечно-же, — согласилась супруга.

— А ужъ пиво у нихъ соблазнительное. Только и
хорошаго есть во всей Нѣметчинѣ, что пиво. Пиво—
что твой бархатъ.

Николай Ивановичъ бормоталъ, порицая нѣмецкіе
порядки, а Глафира Семеновна, вынувъ изъ саквояжа
русско-французскій словарь, отыскивала разныя фран-
цузскія слова, которыя, по ея соображенію, должны
будутъ понадобиться при вѣзда на французскую
территорію.

До Кельна доѣхали безъ особыхъ приключеній,
прибывъ на кельнскую станцію часовъ въ 9 вечера.
Изъ Кельна въ Парижъ поѣздъ долженъ идти въ
полночь. Оставалось много свободнаго времени, и вотъ
Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна направились
въ буфетъ. Столовая комната была переполнена про-
ѣзжающими. Кто ждалъ поѣзда въ Парижъ, кто въ
Берлинъ, кто въ Майнцъ, кто въ Мюнхенъ. Нѣмецкая
рѣчъ чередовалась съ французской, цѣдилъ сквозь зубы
англичанинъ по-англійски, и вдругъ послышалась русская

рѣчъ. Николай Ивановичъ вздрогнулъ и обернулся. Обернулась и Глафира Семеновна. За столомъ передъ бутылкой рейнвейна сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, жирный широколицый человѣкъ, съ жиденькой бородкой, и гладилъ себя пухлой рукой съ бриллантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ по жирному чреву, на которомъ колыхалась массивная золотая часовая цѣпь съ цѣлой кучей учредительскихъ жетоновъ. Одѣтъ жирный человѣкъ былъ въ сѣрую пиджачную пару купеческаго покроя и имѣлъ на головѣ шляпу котелкомъ. Противъ жирнаго человѣка черезъ столъ помѣщался сѣдой рослый усачъ въ пенснѣ, съ сигарой въ зубахъ, въ сильно потертомъ пальто-крылаткѣ и въ мягкой поярковой шляпѣ съ широкими полями. Жирный человѣкъ и усачъ разговаривали по-русски.

— Русскіе... — прошепталъ женѣ на ухо Николай Ивановичъ. — Сядемъ за ихъ столъ. Можно познакомиться и кой-о-чёмъ поразспросить.

Супруги тотчасъ усѣлись за столъ.

— Кельнеръ! Цвей бифштексъ и цвей биръ! — скомандовалъ Николай Ивановичъ прислугѣ и, обратясь къ жирному человѣку, спросилъ, приподнимая шляпу: — Кажется, тоже русскіе? Изволите въ Парижъ на выставкуѣхать?

— Нѣтъ, ужъ съ выставки, чтобъ ей ни дна, ни покрышки! — отвѣчалъ жирный человѣкъ, не перемѣня сво资料 положенія. — Теперь обратно въ свои московскія палестины спѣшимъ.

XIX.

Николай Ивановичъ подсѣлъ ближе къ жирному человѣку и его спутнику, усачу, и, сказавъ: „очень пріятно заграницей съ русскими людьми встрѣтиться“, отрекомендовался и отрекомендовалъ жену.

— Коммерціи совѣтникъ и кавалеръ Бездонновъ, — произнесъ въ свою очередь жирный человѣкъ и, указывая на усача, прибавилъ: — А это вотъ господинъ переводчикъ и нашъ собственный адъютантъ.

— Графъ Дмитрій Калинскій, — назвался усачъ и, кивнувъ въ свою очередь на жирнаго человѣка, сказалъ: — Взялся вотъ эту глыбу свозить въ Парижъ на выставку и отцивилизовать, но цивилизаціі онъ у меня не поддался.

— Это что устрицъ-то жареныхъ не ъль? Такъ ты бы еще захотѣлъ, чтобы я лягушекъ маринованныхъ глоталъ!—отвѣчалъ жирный человѣкъ.

— Выставку ругаешь!

— Не ругаю, а говорю, что не стоило изъ-за этого семи верстъ киселя ѿстъ ъхать. Только-то и любопытно, что въ поднебесъ на Эйфелевой башнѣ мы выпили и закусили, а остальное все видѣли и въ Москвѣ, на нашей Всероссійской выставкѣ. Одно, что не въ такомъ большомъ размѣрѣ, такъ размѣръ-то меня и раздражалъ. Ходишь, ходишь по какому-нибудь отදлу, смотришь, смотришь на все одно и то-же, даже плюнешь. Провалитесь вы совсѣмъ съ вашими кожами или бархатами! Вѣдь все одно и то-же, что у Ивана, что у Степана, что у Сидора, такъ зачѣмъ-же цѣлый огородъ витринъ-то выставлять!

— Вотъ какой странный человѣкъ, — кивнулъ на жирнаго человѣка усачъ. — И все такъ. Въ Парижѣ хлѣбъ отличный, а онъ вдругъ о московскихъ калачахъ стосковался.

— Не странный, а самобытный. Я, братъ, славяно-филь.

— Скажите, пожалуйста, землякъ, гдѣ бы намъ въ Парижѣ остановиться? — спросилъ жирнаго человѣка Николай Ивановичъ. — Хотѣлось бы, чтобы у станціі сѣсть на извозчика и сказать: пошелъ туда-то. Вы гдѣ останавливались?

— Не знаю, милостивый государь, не знаю. Это все онъ, адъютантъ мой.

— Останавливайтесь тамъ, гдѣ впустятъ, — проговорилъ усачъ. — Какъ гостиница съ свободными номерами попадется, такъ и останавливайтесь. Мы десять улицъ околесили, пока нашли себѣ помѣщеніе. Занято, занято и занято.

— Глаша, слышишь? Вотъ происшествіе-то! —

отнесся Николай Ивановичъ къ женѣ. — По всему го-
роду придется комнату искать. Бѣда!.. — покрутилъ
онъ головой. — Особливо для того бѣда, у кого фран-
цузскій діалектъ такой, какъ у насть: на двоихъ три
французскихъ слова: бонжуръ, мерси, да буарь.

— Врешь, врешь! По-французски я словъ больше
знаю и даже говорить могу, — откликнулась Глафира
Семеновна.

— Добре, кабы такъ. А вотъ помяни мое слово—
пріѣдемъ въ Парижъ и прилипне языкъ къ гортани. А
позвольте васъ спросить: отсюда до Парижа безъ пе-
ресадки настъ повезутъ? — обратился Николай Ивановичъ
къ жирному человѣку. — Очень ужъ я боюсь пересадки
изъ вагона въ вагонъ. Два раза мы такимъ манеромъ
перепутались и не туда попали.

— Ничего не знаю-сь, рѣшительно ничего. Вы
графа спросите: онъ меня везъ.

— Безъ пересадки, безъ пересадки. Ложитесь въ
спальномъ вагонѣ спать и спите до Парижа. Въ спаль-
номъ вагонѣ васть и на французской границѣ таможен-
ные чиновники не потревожатъ.

— Вотъ это отлично, вотъ это хорошо! Глаша,
надо взять мѣста въ спальныхъ вагонахъ.

— Позвольте-сь, вы не телеграфировали?

— То-есть какъ это?

— Не послали съ дороги телеграмму, что вы же-
лаете имѣть мѣста въ спальномъ вагонѣ? Не послали,
такъ мѣсть не достанете.

— Глаша! Слышишь? Даже и спальные вагоны
здѣсь по телеграммѣ! Ну, Нѣметчина! Въ Кенигсбергѣ
обѣдать не дали — подавай телеграмму, а здѣсь въ
спальный вагонъ безъ телеграммы не пустятъ.

— Такой ужъ порядокъ. Мѣста въ спальныхъ ваго-
нахъ приготавляютъ заранѣе по телеграммамъ...

— Позвольте... но въ обыкновенныхъ-то ваго-
нахъ безъ телеграммы все-таки дозволять спать? — освѣ-
домился Николай Ивановичъ.

— Конечно.

— Ну, слава Богу. А я ужъ думалъ...

Звонокъ. Вошелъ желѣзнодорожный сторожъ и

прокричалъ что-то по-нѣмецки, упоминая „Берлинъ“. Усачъ засуетился.

— Допивай, Гетръ Никитичъ, рейнвейнъ-то. Надо въ поѣздъ садиться,—сказалъ онъ жирному человѣку.

Тотъ залпомъ выпилъ стаканъ, отдулся и, поднимаясь, произнесъ:

— Только ужъ ты какъ хочешь, а въ Берлинѣ я ни на часъ не остановлюсь. Въ другой поѣздъ — и въ бѣлокаменную.

Всльдъ за отходомъ берлинского поѣзда возвѣстили обѣ отправленіи парижскаго поѣзда. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна засуетились.

— Во? Во? Во цугъ имъ Парижъ?..—бросилась Глафира Семеновна къ желѣзнодорожному сторожу и сунула ему въ руку два нѣмецкихъ „гравенника“.

— Kommen Sie mit, Madame... Ich werde zeigen,—сказалъ тотъ и повелъ супруговъ къ поѣзду.

Черезъ полчаса Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна мчались въ Парижъ.

XX.

Глухая ночь. Спокойное состояніе духа вслѣдствіе полной увѣренности, что онъ и жена Ѳдуть прямо въ Парижъ безъ пересадки, а также и плотный ужинъ съ возліяніемъ пива и рейнвейна, которымъ Николай Ивановичъ воспользовался въ Кельнѣ, дали ему возможность уснуть въ вагонѣ самымъ богатырскимъ сномъ. Вскрѣпыванія его были до того сильны, что даже заглушали стукъ колесъ поѣзда и наводили на неспящую Глафиру Семеновну вполнѣйшее уныніе. Ей не спалось. Она была въ тревогѣ. Помѣстившись съ мужемъ вдвоемъ въ отдѣльномъ купѣ вагона, она вдругъ вспомнила, что читала въ какомъ-то романѣ, какъ пассажиры, помѣстившіеся въ отдѣльномъ купѣ, были ограблены во время пути злоумышленниками, изранены и выброшены на полотно дороги. Въ романѣ, правда, говорилось про двухъ женщинъ, Ѳхавшихъ въ купѣ, — думалось ей, — а она находится въ сообществѣ мужа, стало-быть, муж-

чины, но что-же значить этот мужчина, ежели онъ спить, какъ убитый? Какая отъ него можетъ быть защита? Разбойники ворвутся въ купэ, одинъ набросится на спящаго мужа, другой схватить ее за горло—и вотъ они погибли. Кричать? Но кто услышить? Купэ глухое, не имѣющее сообщенія съ другимъ купэ; входъ въ него съ подножки, находящейся снаружи вагона.

— Николай Иванычъ... — тронула она, наконецъ, за плечо спящаго мужа.

Тотъ пронзительно всхрапнулъ и что-то пробормоталъ, не открывая глазъ.

— Николай Иванычъ, проснись... Я боюсь... потрясла она еще разъ его за рукавъ.

Николай Ивановичъ открылъ глаза и смотрѣлъ на жену посоловѣлымъ взоромъ.

— Пріѣхали развѣ куда-нибудь? — спросилъ онъ.

— Не пріѣхали, все еще ъдемъ, но пойми—мнѣ страшно, я боюсь. Ты такъ храпишь безчувственно, а я одна не сплю, и мало-ли что можетъ случиться.

И она рассказала ему про случай въ отдѣльномъ купэ на желѣзной дорогѣ, про который она читала въ романѣ, и прибавила:

— И зачѣмъ это мы сѣли въ отдѣльное купэ?

Николай Ивановичъ тоже задумался.

— Недавно даже писано было, что усыпляютъ на желѣзныхъ дорогахъ разбойники, хлороформомъ усыпляютъ, а ты спиши, какъ убитый, — продолжала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь я чуть-чуть... — оправдывался Николай Ивановичъ.

— Какъ чуть-чуть! Такъ храпѣлъ, что даже стукъ колесъ заглушалъ. Ты ужъ не спи, пожалуйста.

— Не буду, не буду... Я самъ понимаю теперь, что надо держать ухо востро.

— Да конечно-же... Двери снаружи... Войдутъ—меня за горло, тебя за горло—ну, и конецъ. Вѣдь очень хорошо понимаютъ, что въ Парижъ люди ъдуть съ деньгами.

— Не пугай, не пугай, пожалуйста, — отвѣчалъ

Николай Ивановичъ, мѣняясь въ лицѣ, и прибавилъ: — И зачѣмъ ты это мнѣ сказала? Бхаль я спокойно...

— Какъ зачѣмъ? Чтобы ты былъ осторожнѣе.

— Вѣрно, вѣрно. Такъ что-жъ тутъ дѣлать?

— Прежде всего не спи.

— Да ужъ не буду, не буду.

— Потомъ... Вѣдь у тебя есть револьверъ въ саквояжѣ. Зачѣмъ ему быть въ саквояжѣ? Вынь его и положи рядомъ на диванъ — все-таки будетъ спокойнѣе.

— Душечка, да вѣдь револьверъ не заряженъ.

— Такъ заряди его. Зачѣмъ-же возить съ собой револьверъ, ежели имъ не пользоваться?

— Такъ-то оно такъ, но вотъ, видиши-ли, я впопыхахъ патроны дома забылъ.

Глафира Семеновна такъ и всплеснула руками.

— Вотъ дуракъ-то! Видали-ли вы дурака-то! — воскликнула она.

— Да что-жъ ты подѣлаешь, если забылъ! На грѣхъ мастера нѣть. Да ты не беспокойся, въ Парижъ купимъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Еще того лучше! Мы находимся въ опасности по дорогѣ въ Парижъ, а онъ только въ Парижъ патроны купить!

— Постой, я выну изъ саквояжа свой складной ножъ и открою его. Все-таки оружіе.

— Тогда ужъ выньте и револьверъ и положите его вотъ здѣсь на диванъ. Хоть онъ и не заряженный, а все-таки можетъ служить острѣсткой тому, кто войдетъ.

Николай Ивановичъ тотчасъ-же слазилъ въ саквояжъ, досталъ револьверъ и складной ножикъ и положилъ на видномъ мѣстѣ.

— Ты, Глаша, бодрись... Богъ милостивъ. Авось и ничего не случится, — успокаивалъ онъ жену.

— Дай-то Богъ, но я должна тебѣ сказать, что когда ты спалъ, и мы останавливались на минуту на какой-то станціи, то къ окну нашего купѣ подходилъ ужъ какой-то громаднаго роста черный мужчина въ шляпѣ съ широкими полями и очень-очень подозри-

тельно посматривалъ. Даже всталъ на подножку и прямо заглянулъ въ наше купэ.

— Да что ты?

— Вѣрно, вѣрно. А видъ у него совсѣмъ разбойницкій, шляпа съ самыми широкими полями, на плечахъ какая-то накидка... Ну, однимъ словомъ, точь-вѣ-точъ, какъ ходятъ разбойники въ здѣшнихъ заграничныхъ земляхъ.

Николай Ивановичъ въ раздумъи чесаль затылокъ.

— А ужъ потомъ ты его не видала, этого разбойника? — спросилъ онъ жену.

— Да гдѣ-же видѣть-то, ежели мы съ тѣхъ поръ нигдѣ не останавливались? Поѣздъ уже съ часъ летитъ, какъ птица.

— Бодрись, Глаша, бодрись...

У двери съ наружной стороны кто-то закопошился, что то звякнуло, блеснуль огонекъ. Николай Ивановичъ вздрогнулъ. Глафира Семеновна поблѣднѣла и забормотала:

— Господи, спаси и помилуй! Возьми, Николай Иванычъ, револьверъ хоть въ руки. Возьми скорѣй.

Николай Ивановичъ протянулъ руку къ револьверу. Въ это время спустилось стекло купэ, и въ отворенное окно показалась голова кондуктора.

— Bitte Fuhrkarten, mein Herr, *) проговорилъ онъ.

Николай Ивановичъ, держа въ одной рукѣ револьверъ и какъ-бы играя имъ, другой рукой подалъ кондуктору билеты и не сводилъ съ него глазъ. Кондукторъ покосился на револьверъ и пробормоталъ:

— Jetzt k önnen Sie bis Verhiers ruhig schlafen. **)

— Видишь, видишь, какая подозрительная рожа! — замѣтила Глафира Семеновна.

— Дѣйствительно подозрительная, — согласился Николай Ивановичъ.

---

*) Позвольте ваши билеты, господинъ.

**) Теперь вы можете до Верье спать спокойно.

Безпокойство супруговъ о томъ, что они могутъ быть ограблены въ купѣ разбойниками, все усиливалось и усиливалось и, наконецъ, дошло до крайнихъ предѣловъ, когда во время минутной остановки на какой-то станціи дверь купѣ отворилась и въ ней показалась гигантская фигура съ дымящейся короткой трубкой ворту, въ широкополой шляпѣ съ тетеревинымъ перомъ, въ венгеркѣ и съ охотничимъ кинжаломъ за поясомъ. Фигура въ одной рукѣ держала сѣрый непромокаемый плащъ, а въ другой — ружье въ чехлѣ. Глафира Семеновна пронзительно взвизгнула и инстинктивно бросилась отъ фигуры къ противоположной двери купѣ. Отскочилъ къ другой двери и Николай Ивановичъ, забывъ даже захватить лежавшій на диванѣ револьверъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и силился отворить изнутри дверь, чтобы выскочить изъ купѣ, но дверь была заперта снаружи.

— Кондукторъ, Геръ кондукторъ! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ, но гласъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; фигура влѣзла въ купѣ, захлопнула за собою дверь, и поѣздъ снова помчался.

Глафира Семеновна тряслась, какъ въ лихорадкѣ, на глазахъ ея были слезы. Она жалась къ мужу и шептала:

— Разбойникъ... Тотъ самый разбойникъ, который уже заглядывалъ къ намъ въ купѣ на одной изъ станцій. Что намъ дѣлать? Въ случаѣ чего, я буду бить стекла и кричать.

Фигура „разбойника“ замѣтила, что она напугала супруговъ, и, вынувъ изо рта трубку, разсыпалась въ извиненіяхъ, мягко заговоривъ по-нѣмецки:

— Bitte, entschuldigen Sie, Madame, dass ich Ihnen gestört habe. Bei uns ist Coupe ist furchterlich besetzt *).

Супруги ничего не поняли и молчали.

— Вы спали и испугались? — освѣдомилась фи-

*) Простите, пожалуйста, мадамъ, что я васъ потревожилъ. Въ нашемъ купѣ ужасно тѣсно.

гура по-нѣмецки и прибавила: — Да, я такъ внезапно вошелъ. Пожалуйста, извините и успокойтесь.

И фигура стала приглашать ихъ садиться жестами. Въ это время Николай Ивановичъ замѣтилъ у бедра фигуры двѣ висящія внизъ головами убитыя дикія утки и, сообразивъ, пріободрился и проговорилъ женѣ:

— Кажется, это не разбойникъ, а охотникъ. Видишь, у него утки...

Отлегло нѣсколько отъ сердца и у Глафиры Семеновны, и она, пересиливъ страхъ, отвѣчала:

— А не можетъ развѣ разбойникъ настрѣлять себѣ утокъ?

— Такъ-то оно такъ... Но смотри... У него лицо добродушное, даже глупое.

— Тебѣ кажется добродушнымъ и глупымъ, а мнѣ страшнымъ. Пожалуйста, будь наготовѣ и не спускай съ него глазъ. Гдѣ-же твой револьверъ? — вспомнила она.

— Ахъ, да... — спохватился Николай Ивановичъ — Вонъ револьверъ лежить на диванѣ около того окошка.

— Воинъ! Въ минуту опасности забылъ даже и о револьверѣ.

— Что я подѣлаю съ этимъ револьверомъ супротивъ его ружья! — шепталъ Николай Ивановичъ.

— Да вѣдь у него ружье въ чехлѣ.

— Въ чехлѣ, да заряжено, а ты вѣдь знаешь, что мой револьверъ безъ патроновъ.

— Все-таки возьми его въ руки... Вѣдь никто не знаетъ, что онъ не заряженъ. Возьми-же.

— Я, Глаша, боюсь подойти. Смотри, у этого черта какой ножъ за поясомъ.

— Такъ вѣдь и у тебя есть ножикъ. Куда ты его задѣвалъ?

— Я, должно быть, впопыхахъ уронилъ его подъ скамейку.

— Ахъ, Николай Ивановичъ! Ну, можно-ли на тебя въ чемъ-нибудь понадѣяться! Ты хуже всякой женщины.

— Да вѣдь я, душечка, въ военной службѣ никогда не служилъ.

— Подними-же ножикъ.

— Гдѣ тутъ искать! Я, душенъка, боюсь даже и наклониться. Я наклонюсь, а этотъ чортъ какъ хватить меня!.. А то нѣтъ, это положительно не разбойникъ. Смотри, онъ вынулъ изъ сумки грушу и єсть ее.

— Да вѣдь и разбойники могутъ єсть груши. Это не доказательство. Все-таки ты держи ухо востро.

— Да конечно-же, конечно-же... Я, Глаша, сяду. Вѣдь ужъ все равно, что стоя, что сидя...

И Николай Ивановичъ, не спуская глазъ съ „разбойника“, медленно опустился на диванъ около того окна, гдѣ стоялъ. Косясь на „разбойника“, сѣла и Глафира Семеновна. „Разбойникъ“ взглянулъ на нее и ласково улыбнулся.

— Успокоились? — спросилъ онъ по-нѣмецки. — Ахъ, какъ мнѣ жалко, что я напугалъ васъ во время сна.

— Тебя задираетъ, — прошепталъ женѣ Николай Ивановичъ, не понявъ, разумѣется, что сказалъ „разбойникъ“, и спросилъ ее: — Не понимаешь, что онъ боромочеть?

— Откуда-же мнѣ понимать!

Не спускали съ разбойника глазъ супруги, не спускаль съ нихъ глазъ и разбойникъ. Сидѣли они въ разныхъ углахъ купэ.

Поѣздъ уменьшилъ ходъ. „Разбойникъ“ засуетился, схватилъ ружье, непромокаемый плащъ и сталъ собираться уходить. Глафира Семеновна приняла это за угрозу и воскликнула:

— Коля! Коля! Хватай скорѣй свой револьверъ.

Николай Ивановичъ потянулся и быстро схватилъ револьверъ, который лежалъ прикрытый носовымъ платкомъ на противоположномъ концѣ дивана. „Разбойникъ“ улыбнулся и пробормоталъ по-нѣмецки:

— А! Тоже съ оружіемъ єздите. Это хорошо по ночамъ...

Поѣздъ остановился. „Разбойникъ“ поклонился супругамъ, еще разсыпался въ извиненіяхъ и вышелъ изъ купэ.

— Ну, слава Богу! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, когда они остались въ купэ безъ „разбойника“.

Провалился! Ахъ, какъ онъ напугалъ насъ, а вѣдь на тебѣ, Глаша, лица не было.

— Ты ничего? Да ты хуже меня!—попрекнула его супруга.—Ты даже оружіе забылъ схватить въ руки.

— Ну, песь съ нимъ. Слава Богу, что ушелъ. Вотъ охотникъ, а какъ похожъ на разбойника.

А поѣздъ такъ и мчался во мглѣ непроглядной ночи.

XXII.

Не взирая, однако, на тревожное состояніе Николая Ивановича и Глафиры Семеновны, сонъ сдѣлалъ свое дѣло, и они задремали на нѣсколько времени, хотя и дали себѣ слово не спать. Первой проснулась Глафира Семеновна и даже испугалась, что спала. Она проснулась отъ остановки поѣзда на станціи. Стучали молотками, пробуя колеса, перекликались рабочіе, и ужъ перекликались на французскомъ языкѣ, какъ показалось Глафири Семеновнѣ. Она открыла окно и стала прислушиваться—да, французскій языкъ. Нѣмецкаго говора не слыхать, онъ исчезъ; исчезли откормленныя лоснящіяся физіономіи нѣмецкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, исчезли нѣмецкія фуражки и замѣнились французскими кѣпи, появились французскія бородки на тощихъ лицахъ, и на станціонномъ зданіи красовались уже французскія надписи. Первымъ, что бросилось Глафири Семеновнѣ въ глаза, была надпись: „buvette“.

— Николай Иванычъ, французскій языкъ! Пріѣхали, во французскую землю пріѣхали!—радостно бросилась она къ мужу.

Николай Ивановичъ спалъ, прислонившись къ уголку и держа руку на револьверѣ, который лежалъ у него на колѣняхъ. Женѣ нужно было потрясти его за плечо, чтобы онъ проснулся. Онъ открылъ глаза, быстро вскочилъ на ноги и, уронивъ на полъ револьверъ, испуганно спрашивалъ:

— Опять разбойникъ? Гдѣ онъ?

— Какой разбойникъ! Мы пріѣхали во Францію.

Французскій языкъ... Можетъ быть, это ужъ даже Парижъ.

— Не можетъ быть! Тогда надо спросить. Что-жъ ты! Спрашивай... Хвастайся французскимъ языкомъ.

Глафира Семеновна высунулась изъ окна и крикнула проходившей французской бородкѣ:

— Мосье: Кель статіонъ? Пари? Эсе Пари?

— Oh, non, madame. Paris est encore loin. A Paris nous serons le matin, — послышался учтивый отвѣтъ.

— Что онъ говоритъ? — освѣдомился Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не Парижъ. Въ Парижъ мы пріѣдемъ еще утромъ.

— Однако, ты все понимаешь.

— Еще-бы! По французски я сколько угодно. У насъ въ пансіонѣ француженка была настоящая, — похвасталась Глафира Семеновна. — Вотъ написано — пуръ ля дамъ, вонъ — пуръ ле месье... Вонъ — бюветъ. Тутъ можно выпить желающимъ.

— Такъ я, Глаша, съ удовольствіемъ-бы выпилъ. Спроси, сколько минутъ стоимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. А на кого ты меня оставишь? Я боюсь. А вдругъ опять разбойникъ?

— Да разбойникъ, должно быть, въ нѣмецкой землѣ остался. Неужели-же его черезъ границу пропустили? Наконецъ, ты можешь со мной вмѣстѣ выйти.

— Кондюктеръ! — опять закричала Глафира Семеновна. — Комбъенъ минутъ иси?

— Seulement deux minutes à pr  sent, madame. Il vous reste deux minutes.

— Ме ну вулонъ буаръ...

— Да, буаръ... Буаръ венъ ружъ, а то такъ бьеरъ, — прибавилъ Николай Ивановичъ и тутъ-же похвастался передъ женой. — Всѣ хмельные слова я отлично знаю.

Кондукторъ протянулъ руку и сказалъ:

— Vous voulez prendre du vin rouge? Donnez moi de l'argent, monsieur. Je vous apporterai tout de suite.

— Что онъ говоритъ, Глаша?

— Самъ принести хочетъ намъ вина. Комбъянъ пуръ бутель?

— Deux francs. Dépêchez-vous, madame, dépêchez-vous *).

— Какъ, тоже депешу надо?—спросилъ Николай Ивановичъ.—И здѣсь по телеграфной депешѣ?

— Да нѣтъ-же, нѣтъ. Давай ему скорѣй денегъ. Давай два французскихъ серебряныхъ четвертака. Скорѣй, скорѣй.

— Вотъ! — Николай Ивановичъ, сунувъ кондуктору деньги, прибавилъ:—Тутъ труа четвертакъ. Пусть на труа франкъ. Я, Глаша, страсть какъ радъ, что мы попали во французскую землю.

— А я-то какъ рада!

Поѣздъ, однако, не стоялъ и двухъ минутъ и двинулся, минуя станціонныя освѣщенныя вывѣски.

— Глаша! А выпивка-то? Гдѣ-же венъ ружъ-то? Надуль кондукторъ... Вотъ тебѣ и французская учтивость! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, но въ это время дверь купѣ отворилась, и въ купѣ влѣзъ кондукторъ, держащій въ рукѣ бутылку вина, горлышко которой было прикрыто стаканомъ.

— Voyons, monsieur... Serves-vous... — протянулъ онъ Николаю Ивановичу бутылку.

— Вотъ за это, мусье, спасибо, вотъ за это мерси. Гранъ мерси, рюссь мерси! — заговорилъ Николай Ивановичъ, принимая бутылку.

— Monsieur est un russe? — спросилъ французъ и прибавилъ: — Oh, nous aimons la Russie et les russes. Vivent les russes!

Отъ него такъ и пахнуло виномъ. Очевидно, онъ и самъ сейчасъ только выпилъ, да и раньше не отка зывался отъ вина. Николай Ивановичъ замѣтилъ это и сказалъ женѣ:

— Парень-то, кажется, изрядно хвативши?

— Ничего. Французы и пьяные любезны. Это совсѣмъ особый народъ.

---

*) Два франка. Торопитесь, мадамъ, торопитесь.

— Vos billets, monsieur... — между тъмъ сказаль кондукторъ.

— Билеты требуетъ, — пояснила Глафира Семеновна.

— Да понялъ, понялъ я. Что ты переводиши-то! Оказывается, что по-французски я все понимаю и могу свободно разговаривать. Вотъ, мусье, билье, вуала... А бюве, мусье, не хочешь? Не вуле бюве венъ ружъ? — вдругъ предложилъ Николай Ивановичъ кондуктору.

— Oh, avec plaisir, monsieur. Prenez seulement à présent vous-même, et moi après, — отвѣчалъ тотъ простирая билеты.

— Ну вотъ и отлично. Бюве...

Николай Ивановичъ налилъ стаканъ и протянулъ кондуктору. Тотъ поклонился и отстранилъ стаканъ.

— A présent vous-même, monsieur, et moi — je prendrai après vous.

— Глаша! Что онъ такое? — недоумѣвалъ Николай Ивановичъ.

— Хочеть, чтобы ты прежде выпилъ.

— Я? Же?.. Отлично. Тре бъенъ... Вотъ... За здоровье Франсъ!

Николай Ивановичъ залпомъ выпилъ стаканъ и продолжалъ:

— Мы любимъ вашу Франсъ, очень любимъ. Глаша, переведи.

— Ну рюссь—ну земонъ ля Франсъ.

— Oh, madame! Et nous, nous adorons la Russie. *)

Кондукторъ взялъ поданный ему стаканъ съ красивымъ виномъ, поднялъ его и, воскликнувъ „Vive la Russie!“ — тоже выпилъ его залпомъ.

— Другъ! Ами... Франсъ и рюссь—ами, — протянулъ ему руку Николай Ивановичъ.

Кондукторъ потрясъ руку.

При такихъ обстоятельствахъ Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна въѣзжали во французскую землю.

---

*) О, мадамъ! А мы, мы обожаемъ Россію.

XXIII.

Съ французскимъ кондукторомъ Николай Ивановичъ все-таки выпилъ двѣ бутылки краснаго вина. Со второй бутылкой кондукторъ принесъ ему и бѣлаго хлѣба съ сыромъ на закуску, а Глафири Семеновнѣ грушу, и предложилъ ее съ галантностью совсѣмъ ловкаго кавалера. Появленіе такого человѣка, рѣзко отдѣляющагося отъ угрюмыхъ нѣмецкихъ кондукторовъ, значительно ободрило супруговъ въ ихъ путешествіи, и когда на зарѣ багажъ ихъ въ Верѣ былъ слегка осмотрѣнъ заглянувшимъ въ купѣ таможеннымъ чиновникомъ, они начали дремать, совершенно забывъ о разбойникахъ, которыхъ такъ опасались вначалѣ.

Когда супруги проснулись, было ясное солнечное утро. Солнце свѣтило ярко и привѣтливо озаряло мелькавшіе мимо оконъ вагона каменные деревенскіе домики, сплошь застланные вьющимися растеніями, играло на зеленыхъ еще лугахъ, на стоящихъ въ одиночку дубахъ съ пожелтѣвшей листвой, на синей лентѣ рѣчки, идущей вдоль дороги.

Глафира Семеновна сидѣла у окна купѣ и любовалась видами. Вскорѣ маленькие каменные домики стали смыняться болѣе крупными домами. Появились вывески на домахъ, мелькнула желѣзная рѣшетка какого-то сада, стали появляться высокія фабричныя трубы, курящіяся легкимъ дымкомъ, и вдругъ Глафира Семеновна воскликнула:

— Батюшки! Эйфелева башня вдали! Я ее сейчасъ по картинкѣ узнала. Николай Иванычъ! Радуйся, мы подъѣзжаемъ къ Парижу.

— Да что ты! — подскочилъ къ окну Николай Ивановичъ.

— Вонъ, вонъ... Видишь? — указала Глафира Семеновна.

— Да, да... Эйфелева башня... Она и есть... „Конченъ, конченъ дальний путь, вижу край родимый“, — запѣлъ онъ.

Стали попадаться по дорогѣ уже улицы. Дома все выростали и выростали. Виднѣлась церковь съ

готическимъ куполомъ. Движеніе на улицахъ все ожи-
влялось. Поѣздъ умѣрялъ ходъ, скрежетали тормоза.
Еще нѣсколько минутъ, и вагоны остановились около
платформы, на которой суетились блузники въ кѣпи и
съ бляхами на груди.

— Пріѣхали... Въ Парижъ пріѣхали!.. — радостно
произнесла Глафира Семеновна, когда кондукторъ отво-
рилъ передъ ними дверь купе.

Въ дверь рванулся блузникъ, предлагая свои
услуги.

— Вуй вуй... Прене но саквояжъ, — сказала
Глафира Семеновна. — Э шерше коше пуръ партиръ а
готель. Николай Иванычъ! Бери подушки. Что ты
стоишь истуканомъ!

— Une voiture, madame? — спросилъ блузникъ.

— Да, да... Вуатюръ... И анкоръ нашъ
багажъ... — совала она ему квитанцію.

— Oui, oui, madame.

Багажъ былъ взяты, и блузникъ потащилъ его на
спинѣ на подъѣздъ вокзала. Супруги слѣдовали сзади.
Вотъ и улица съ суетящейся на ней публикой. Николай
Ивановичъ поражалъ всѣхъ своей громадной охапкой
подушекъ. Какой-то уличный мальчишка, продававшій
съ рукъ билеты для входа на выставку, даже крикнулъ:

— Voyons, ce sont les russes!

Французскій городовой въ синей перелинкѣ, кепи,
съ закрученными усами и съ клинистой бородкой ма-
нуль по направленію къ стоящимъ въ шеренгу извоз-
чикамъ. Отъ шеренги отдѣлилась маленькая карета съ
сидящимъ на козлахъ краснорожимъ, гладко-бритымъ,
жирнымъ извозчикомъ въ бѣлой лакированной шляпѣ-
цилиндрѣ, и подъѣхала къ супругамъ. Багажъ уложенъ
на крышу каретки, блузнику вручена цѣлая стопа фран-
цузскихъ пятаковъ, какъ называлъ Николай Ивановичъ
мѣдные десятисантимные монеты, и супруги сѣли въ
каретку, заслонившись подушками. Извозчикъ обер-
нулся и спросилъ, кудаѣхать.

— Готель какой-нибудь. Данъ готель... — ска-
зала Глафира Семеновна.

— Quel hotel, madame?

— Ахъ ты, Боже мой! Да я не знаю — кель. Же не се па. Николай Ивановичъ, кель?

— Да почемъ-же я-то знаю!

— Все равно, коше. Се тегаль, кель. Енъ готель, намъ нужно шамбръ... и де ли...

— Je comprends, madame. Mais quel quartier désirez-vous?

— Глаша! Что онъ говоритъ?

— Рѣшительно не понимаю. Енъ шамбръ данъ готель. Ну вояжер, ну де Рюсси...

Стоящій тутъ-же городовой сказалъ что-то извозчику. Тотъ покачалъ головой и поѣхалъ леткой трусцой, помахивая бичомъ не на лошадь, а на подскакивающихъ къ окнамъ кареты мальчишекъ, блузниковъ съ какими-то объявленіями, съ букетами цвѣтовъ. Минутъ черезъ десять онъ остановился около подъѣзда и крикнулъ:

— Voyons! ..

Выскочилъ лакей съ капулемъ на лбу, въ черной курткѣ и передникѣ чуть не до земли.

— Une chambre pour les voyageurs! — сказалъ извозчикъ лакею.

Тотъ отрицательно покачалъ головой и отвѣчалъ, что все занято.

— Енъ шамбръ авекъ де ли... — сказала Глафира Семеновна лакею.

— Point, madame... — развелъ тотъ руками.

Извозчикъ потащился далѣе. Во второй гостиницѣ тотъ-же отвѣтъ, въ третьей то-же самое, въ четвертой даже и не разговаривали. Выглянувшій на подъѣздъ портье прямо махнулъ рукой, увидавъ подъѣхавшую съ багажомъ на крышкѣ карету. Супруги уже странствовали болѣе получаса.

— Нигдѣ нѣтъ комнаты! Что намъ дѣлать? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Нужно искать. Нельзя-же намъ жить въ каретѣ.

Извозчикъ обернулся на козлахъ, заглянулъ въ переднее стекло кареты и что-то бормоталъ.

— Алле, алле... — махала ему Глафира Семеновна. — Енъ шамбръ... Ну не пувонъ санъ шамбръ... Надо шерше анкоръ отель.

Извозчикъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ изъ одной улицы въ другую, въѣхали въ какой-то мрачный переулокъ съ грязненькими лавочками въ громадныхъ сѣрыхъ шестиэтажныхъ домахъ, упирающихся крышами въ небо, и остановились около неказистаго подъѣзда. Извозчикъ слѣзъ съ козель, направился въ подъѣздъ и вышелъ оттуда съ худенькой старушкой въ бѣломъ чепцѣ.

— Енъ шамбръ авекъ де ли... — обратилась къ ней Глафира Семеновна.

— Ah, oui, madame... Ayez la bonté de voir seulement, — отвѣчала старушка и отворила дверцу кареты.

— Есть комната! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Ну, что я говорилъ!

Супруги вышли изъ кареты и направились въ подъѣздъ.

XXIV.

Въ подъѣздѣ на площадкѣ висѣли карты съ расклеенными афишами цирка, театровъ, „Petit Journal“. Пахло чѣмъ-то жаренымъ. Налѣво отъ площадки была видна маленькая комната. Тамъ за канторкой стоялъ старикъ въ сѣромъ потертомъ пиджакѣ, съ сѣрой щетиной на головѣ, въ серебряныхъ круглыхъ очкахъ и въ вышитыхъ гарусомъ туфляхъ. Старушка въ бѣломъ чепцѣ предложила супругамъ подняться по деревянной, узкой, чутъ не винтовой лѣстницѣ.

— Кель этажъ? — спросила ее Глафира Семеновна.

— Troisième madame, — отвѣчала старушка и бойко пошла впередъ.

— Въ третьемъ этажѣ? — переспросилъ Николай Ивановичъ жену.

— Въ третьемъ. Что-жъ, это не очень высоко.

— Разъ этажъ, два этажъ, три этажъ, четыре этажъ, — считалъ Николай Ивановичъ и воскликнулъ: — Позвольте, мадамъ! Да ужъ это въ четвертомъ. За-

чѣмъ-же говорить, что въ третьемъ! Глаша, скажи ей... Куда же она ведеть?

— Ву заве ди — труаземъ... — начала Глафира Семеновна, еле переводя духъ. — А вѣдь это...

— Oui, oui, madame, le troisième... Encore un peu plus haut.

— Еще выше? Фу, ты пропасть! Да она насть на каланчу ведеть. Вѣдь это ужъ пятый!.. Глаша...

— Сянкъ, мадамъ, сянкъ... — старалась пояснить старушкѣ Глафира Семеновна.

— Mais non, madame, c'est le troisième... — стояла на своемъ старуха и ввела въ коридоръ.

— Фу, чортъ! Да неужто мы этажей считать не умѣемъ?! Пятый... Скажи ей, Глаша, что пятый.

— Да вѣдь что-жъ говорить-то? Увѣряетъ, что третій.

Старушка распахнула дверь изъ коридора въ комнату и сказала.

— Voila, monsieur...

Николай Ивановичъ заглянулъ и воскликнулъ:

— Да вѣдь это клѣтушка! Тутъ и одному-то не помѣститься. И наконецъ, всего одна кровать! Намъ нужно двѣ кровати.

— Де ли... де... — пояснила старушкѣ Глафира Семеновна.

— Oui, madame... Je vous mettrai...

— Говорить, что поставить вторую кровать.

Супруги обозрѣвали комнату. Старая, стариннаго фасона, краснаго дерева кровать подъ драпировкой, какой-то диванчикъ, три стула, круглый столъ и шкафъ съ зеркаломъ — вотъ и все убранство комнаты. Два большія окна были наполовину загорожены чугунной рѣшеткой, и въ нихъ виднѣлись на противоположной сторонѣ узенькой улицы другія такія-же окна, на рѣшеткѣ одного изъ которыхъ висѣло для просушки дѣтское одѣяло, а у другого окна стояла растрепанная женщина и отряхала, ударяя о перила рѣшетки, подоль какого-то платья, держа корсажъ платья у себя на плечѣ.

— Ну, Парижъ... — сказалъ Николай Ивановичъ.

Не стоило въ Парижъ ъхать, чтобы въ такомъ хлѣву
помѣщаться.

— А все-таки нужно взять эту комнату, потому надо-же гдѣ-нибудь помѣститься. Неѣздить-же намъ по городу до ночи. И такъ ужъ часа два мотались, Богъ знаетъ сколько гостиницъ объѣздили, — отвѣчала Глафира Семеновна и, обратясь къ старухѣ, спросила о цѣнѣ: — Э ле при? Комбъянъ?

— Dix francs, madame.... — спокойно отвѣчала старуха.

— Что такое? Десять франковъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.— Да вѣдь это разбой! Десять четвертаковъ по сорока копѣекъ — четыре рубля... Словѣмъ разбой!

Хотя восклицаніе было сдѣлано по-русски, но старуха-француженка поняла его, потому что пожала плечами, развела руками и произнесла въ отвѣтъ:

— C'est l'exposition, monsieur.

— Она говорит, что изъ-за выставки такъдорого,—пояснила Глафира Семеновна.

— Все равно, разбой... Вѣдь такія каморки на такой каланчѣ у насть въ Петербургѣ по полтинѣ въ сутки ходятъ и ужъ много-много, что по семьдесятъ пять копеекъ. А то четыре рубля. Да я дамъ четыре рубля, дамъ и пять, но и ты дай мнѣ настоящую комнату.

— Се шеръ, мадамъ,—попробовала сказать Гла-
фира Семеновна, но старуха опять разверла руками и
опять упомянула про выставку.

— Лучше нѣтъ? — спрашивалъ Николай Ивановичъ.—Глаша! Спроси.

— Вы заве бонъ шамбръ? Ну волонъ бонъ шамбръ.

— A présent non, madame,—покачала головой старуха.

— Что тутъ дѣлать?—взглянуль Николай Ивановичъ на жену.

— Надо брать. Не мотаться-же намъ еще полдня по Парижу.

— Да вѣдь вышь-то какая! Это на манеръ думской каланчи.

— Потомъ поищемъ что-нибудь получше, а теперь нужно-же гдѣ нибудь пріютиться.

— Анафемы! Грабители! Русскимъ ура кричать и съ нихъ-же семь шкуръ деруть!

— Да вѣдь за это-то и кричать, что семь шкуръ дерутъ.

— Eh bien, madame? — вопросительно взглянула на супруговъ старуха.

— Вуй... Ну пренонъ... Дѣлать нечего... Нотръ багажъ.

Глафира Семеновна стала снимать съ себя ватер-пруфъ. Старуха позвонила, чтобы послать за багажомъ. Николай Ивановичъ пошелъ внизъ разсчитываться съ извозчикомъ. По дорогѣ онъ сосчиталъ число ступеней на лѣстницѣ. Оказалось восемьдесятъ три.

— Восемьдесятъ три ступени, десять поворовъ на лѣстницѣ, пять площадокъ,—и это они называютъ въ третьемъ этажѣ!—горячился онъ.—Черти. Право, черти. Комбъянъ?—обратился онъ къ извозчику, вынимая изъ кармана на ладонь горсть серебра.

— Huit francs, monsieur... — произнесъ онъ на конецъ.

— Какъ вить франкъ? То-есть восемь франковъ? Да, ты, почтенный, никакъ бѣлены обѣѣлся. Восемь четвертаковъ по сорокъ копѣекъ—вѣдь это три двадцать!—восклицалъ Николай Ивановичъ.—Мосье,—обратился онъ къ старику, стоявшему при ихъ пріѣздѣ за конторкой и теперь вышедшему на подъѣздѣ. — Вить франкъ хочетъ... Вѣдь у васъ такса... Не можетъ-же быть, чтобы это было по таксѣ...

— Старикъ заговорилъ что-то съ извозчикомъ, потомъ обратился къ Николаю Ивановичу на французскомъ языке, что-то очертилъ ему пальцемъ на своей ладони, но Николай Ивановичъ ничего не понялъ, плюнулъ, досталъ двѣ пятифранковыя монеты и, подавая ихъ извозчику, сказалъ по-русски:

— Трехъ рублей ни за что не дамъ, хоть ты разорвись. Вотъ тебѣ два цѣлковыхъ и проваливай... Алле... Вонъ... Алле...—махалъ онъ рукою, отгоняя извозчика.

Извозчикъ просилъ всего только восемь франковъ и, получивъ десять и видя, что его гонять прочь, не желая взять сдачи, просто недоумѣвалъ. Наконецъ, онъ улыбнулся, наскоро снялъ шляпу, сказалъ: „*merci, monsieur*“—и, стегнувъ лошадь, отъѣхалъ отъ подъѣзда. Старикъ дивился щедрости путешественника, пожималъ плечами и бормоталъ по-французски:

— О, русскіе! Я знаю этихъ русскихъ! Они любятъ горячиться, но это самый щедрый народъ!

Николай Ивановичъ, принимая пяти-франковыя монеты за серебряные рубли и въ простотѣ душевной думая, что онъ выторговалъ у извозчика рубль двадцать копѣекъ, поднимался въ свою комнату наверхъ, слѣдя за прислугой, несшей его багажъ, уже въ нѣсколько успокоившемся состояніи и говорилъ самъ съ собой:

— Два рубля... И два-то рубля ужаси какъ дого за такую ъзду. Вѣдь въ сущности все по одному и тому-же мѣсту путались, а большихъ концовъ не дѣлали.

Глафиру Семеновну онъ засталъ заказывающей кофе. Передъ ней стоялъ въ рваномъ пиджакѣ, въ войлочныхъ туфляхъ и въ четырехъугольномъ колпакѣ изъ бѣлой писчей бумаги какой-то молодой малый съ эспаньолкой на глупомъ лицѣ и говорилъ:

— *Madame veut café au lait...* *Oui, oui...*

— Я кофе заказываю,—сказала Глафира Семеновна мужу.—Надо-же чего-нибудь выпить.

— Да, да... Кофей отлично...—отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Ты, братъ, и масла приволоки и булокъ,—обратился онъ къ слугѣ.—Глаша! Переведи ему.

— Пянъ и беръ...—сказала Глафира Семеновна.— И побольше. Боку...

— Пянъ-беръ...—повторилъ Николай Ивановичъ.

— *Oui, oui, monsieur...* *Un dêjeuner...*

— Да, да... мнѣ и женѣ... Ну, живо...

Слуга побѣжалъ исполнять требуемое.

Когда Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна умылись, поспѣлъ и кофе. Тотъ-же слуга въ потертомъ пиджакѣ и четырехъугольномъ бумажномъ колпакѣ внесъ подносъ съ кофейникомъ, молочникомъ и булками. Прежде всего Николая Ивановича поразили громадныя чашки для кофе, превосходящія по своимъ размѣрамъ даже суповыя чашки. При нихъ находились такъ называемыя десертныя ложки. Николай Ивановичъ, какъ увидѣлъ чашки и ложки, такъ и воскликнулъ:

— Батюшки! Чашки-то какія! Да ты-бы еще, молодецъ, ведра съ уполовниками принесъ! Кто же въ такихъ чашкахъ кофей пьеть! Ужъ прачки на что до кофеища охотницы, а такую чашку кофею, я полагаю, ни одна прачка не вытянетъ.

Слуга стоялъ, кланялся и глупо улыбался.

— Глаша! Переведи ему, — обратился Николай Ивановичъ къ женѣ.

— Да какъ-же я переведу-то? — отвѣчала Глафира Семеновна въ замѣшательствѣ. — Ты такія слова говоришьъ, которыхъ я по-французски и не знаю. Лѣтасъ тре гранъ, — указала она слугѣ на чашки. — Пуркуа гранъ?

— Oh, madame, c'est toujours comme ça. Vous avez demandé *café au lait*.

— Говоритьъ, что такія чашки нужно, — перевела Глафира Семеновна. — Вѣрно, ужъ у нихъ такой обычай, вѣрно, ужъ кофейная страна.

Слуга все еще стоялъ, глупо улыбался и, наконецъ, сказалъ:

— Votre nom, monsieur, votre carte... Il faut noter chez nous en das...

— Что онъ говоритъ? Чего еще ему надо, Глаша?

— Спрашиваетъ, какъ нась зовутъ.

— А! Паспортъ? Сейчасъ, сейчасъ... — засуетился Николай Ивановичъ.

— Oh, non, monsieur... Le passeport ce n'est pas nŽcessaire. Seulement votre nom, votre carte.

— Говорить, что паспортъ не надо. Просить только твою карточку.

Николай Ивановичъ пожалъ плечами и подалъ карточку. Слуга удалился.

— Глаша, знаешь, что я полагаю? — сказалъ Николай Ивановичъ по уходѣ слуги. — Я полагаю, что тутъ какая-нибудь штука. Гдѣ-же это видано, чтобы въ гостиницѣ паспорта не брать въ прописку!

— Какая штука?

— А вотъ какая. Не хотятъ-ли они отжилить нашъ багажъ, наши вещи? Мы уйдемъ изъ номера, вещи наши оставимъ, вернемся, а они намъ скажутъ: да вы у насъ въ гостиницѣ не прописаны, стало быть вовсе и не останавливались, и никакихъ вашихъ вещей у насъ нѣтъ.

— Да что ты! Выдумаешь тоже...

— Отчего-же они паспортъ не взяли въ прописку? Паспортъ въ гостиницахъ прежде всего! Нѣтъ, я внизу во что бы то ни стало всучу его хохлякѣ. Паспортъ прописанъ, такъ всякому спокойнѣе. Ты сейчасъ и въ полицію жаловаться можешь и всякая штука...

Глафира Семеновна, между тѣмъ, напилась уже кофею и переодѣвалась.

— Ты смотри, Глаша, все самое лучшее на себя надѣвай, — говорилъ Николай Ивановичъ женѣ. — Здѣсь, братъ, Парижъ, здѣсь первыя модницы, первыя франтихи, отсюда моды-то къ намъ идутъ, такъ ужъ надо не ударить въ грязь лицомъ. А то что за радость, за кухарку какую-нибудь примутъ! Паспорта нашего не взяли, стало быть, не знаютъ, что мы купцы. Да здѣсь, я думаю, и кухарки-то по послѣдней модѣ одѣты ходятъ.

— Да вѣдь мы на выставку сейчасъ поѣдемъ... Вѣдь ежели-бы въ театръ... — пробовала возразить Глафира Семеновна.

— Такъ на выставкѣ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, всѣ какъ разряжены! Вѣдь выставка, а не что другое. Нѣтъ, ужъ ты новое шелковое платье надѣнь, бархатное пальто, визитную шляпку и брилліантовую брошку и брилліантовыя браслетки.

— Зачѣмъ-же это?

— Надѣтай, тебѣ говорять, а то за кухарку пріѣхать. Въ модный городъ, откуда всякие наряды идутъ, пріѣхали, да вдругъ въ тряпки одѣться! Все лучшее надѣнь. А главное, брилліанты. У тебя брилліантовъ съ собой больше чѣмъ на четыре тысячи.

Черезъ четверть часа Глафира Семеновна одѣлась.

— Ну, вотъ такъ хорошо. Теперь никто не скажетъ, что кухарка, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Вотъ и я брилліантовый перстень на палецъ надѣну. Совсѣмъ готова?

— Совсѣмъ. На выставку поѣдемъ?

— Конечно-же, прямо на выставку. Какъ выставка-то по-французски? Какъ извозчика-то нанимать?

— Алекспозисіонъ.

— Алекспозисіонъ, Алекспозисіонъ. Ну, тронемся...

XXVI.

— Батюшки! Да тутъ и извозчиковъ нѣтъ. Вотъ въ какую улицу мы заѣхали, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ, когда они вышли изъ подъѣзда гостиницы. — Какъ теперь на выставку-то попасть?

— Языкъ до Киева доведеть, — отвѣчала храбро Глафира Семеновна.

— Ты по французски-то тоже одни комнатныя слова знаешь, или и другія?

— По-французски я и другія слова знаю.

— Да знаешь-ли уличныя-то слова? Вотъ мы теперь на улицѣ, такъ вѣдь уличныя слова понадобятся.

— Еще-бы не знать! По-французски настоящая француженка учила.

Николай Ивановичъ остановился и сказалъ:

— Послушай, Глаша, можетъ быть, мы на выставку-то вовсе не въ ту сторону идемъ. Мы вышли направо изъ подъѣзда, а можетъ быть, надо налево.

— Да вѣдь мы только до извозчика идемъ, а ужъ тотъ довезеть.

— Все-таки лучше спросить. Вонъ надъ лавкой

красная желѣзная перчатка виситъ, и у дверей, должно быть, хозяинъ-перчаточникъ съ трубкой въ зубахъ стоитъ — его и спроси.

Напротивъ черезъ узеньку улицу, около дверей въ невзрачную перчаточную лавку, стоялъ въ одной жилеткѣ, въ гарусныхъ туфляхъ и въ синей ермолкѣ съ кисточкой, пожилой человѣкъ съ усами и бакенбардами и курилъ трубку. Супруги перешли улицу и подошли къ нему.

— Пardon, монсье... — обратилась къ нему Глафира Семеновна. — Алекспозисионъ — а друга у а гошъ?

Французъ очень любезно сталъ объяснять дорогу, сопровождая свои объясненія жестами. Оказалось, что супруги не въ ту сторону шли, и пришлось вернуться назадъ. Вышли на перекрестокъ улицъ и опять остановились.

— Кажется, что перчаточникъ сказалъ, что направо, — пробормотала Глафира Семеновна.

— Богъ его вѣдаетъ. Я ничего не пончль. Стремкоталъ, какъ сорока, — отвѣчалъ мужъ. — Спроси.

На углу была посудная лавка. Въ окнахъ виднѣлись стеклянные стаканы, рюмки. На стулѣ около лавки сидѣла старуха въ красномъ шерстяномъ чепцѣ и вязала чулокъ. Опять разспросы. Старуха показала налево и прибавила:

— C'est bien loin d'ici, madame. Il faut prendre l'omnibus*) ..

Опять перекрестокъ.

— Рю Лафитъ... — прочитала Глафира Семеновна и прибавила: — Рю Лафитъ мнѣ по роману знакома. Рю Лафитъ я отлично помню. Батюшки! Да вѣдь въ Рю Лафитъ Анжелика приходила на свиданіе къ Гастону, и здѣсь Гастонъ ранилъ Жерома кинжаломъ! — воскликнула она.

— Какая Анжелика? Какой такой Гастонъ? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Ты не знаешь... Это въ романѣ... Но я-то

---

*) Это очень далеко, мадамъ, надо сѣсть въ омнибусъ.

очень хорошо помню. Такъ, такъ... Еще угольщикъ Жакъ Видаль устроилъ ему послѣ этого засаду на лѣстницѣ. Ну, вотъ извозчикъ! Кричи! Кричи!

— Кошель Кошель..

Извозчикъ, котораго кричали, отрицательно покачалъ головой и поѣхалъ далѣ.

— Что за чортъ! Не везутъ! Вѣдь этакъ, пожалуй, пѣхтурой придется идти, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Пѣшкомъ невозможно. Давеча француженка сказала, что выставка очень далеко, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Вотъ еще извозчикъ на углу стоитъ. Кошель — обратилась она къ нему сама. — Алекспозисонъ?

Извозчикъ сдѣлалъ пригласительный жестъ, указывая на коляску.

— Не садись такъ, не садись безъ ряды... — остановилъ Николай Ивановичъ жену, влѣзвшую уже было въ экипажъ. — Надо поторговаться. А то опять чортъ знаетъ, сколько сдерутъ. Кошель! Комбіенъ Алекспозисонъ? — спросилъ онъ.

Извозчикъ улыбнулся, полѣзъ въ жилетный карманъ, вынулъ оттуда печатный листъ и протянулъ его Николаю Ивановичу, прибавивъ, кивая на экипажъ:

— Prenez place seulement.

— Что ты мнѣ бумагу-то суешь! Ты мнѣ скажи комбіенъ Алекспозисонъ?

— Vous verrez l脿, monsieur c'est écrit.

— Глаша! Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что на листѣ написано, сколько стоитъ до выставки. Садись-же... Должно быть, въ листкѣ такса.

— Не желаю я такъ садиться. Отчего-жъ, когда извозчикъ везъ насъ въ гостиницу, то не совалъ никакой таксы? Алекспозисонъ—енъ франкъ. Четвертакъ...

— Oh non, monsieur, — отрицательно покачалъ головой извозчикъ и отвернулся.

— Да садись-же, Николай Иванычъ, а то безъ извозчика останемся,—протестовала Глафира Семеновна и вскочила въ экипажъ.

— Глаша, нельзя-же не торговавшись. Сдеруть.

— Садись, садись.

Николай Ивановичъ, все еще ворча, помѣстился тоже въ экипажъ. Извозчикъ не Ѹхалъ. Онъ обернулся къ нимъ и сказалъ:

— *Un franc et cinquante centimes et encore pour boire...*

— Алле, алле... — махнула ему Глафира Семеновна. — Франкъ и пятьдесятъ сантимовъ просить и чтобы ему на чай дать,—объяснила она мужу. — Алле, алле, коше... Алекспозисонъ.

— *Quelle porte, madame* *)? — спрашивалъ извозчикъ, все еще не трогаясь.

— Вотъ ужъ теперь рѣшительно ничего не понимаю. Алле, алле! Алекспозисонъ. Пуръ буаръ—вуй.. Алле...

Извозчикъ улыбнулся, слегка тронулъ лошадь бичомъ, и экипажъ поплелся.

XXVII.

Въ Трокадеро около входа на выставку было громадное стечениe публики, подъѣзжавшей въ экипажахъ и омнибусахъ. Все это быстро бѣжало ко входу, стараясь поскорѣе встать въ хвостъ кассы. Въ кассѣ, однако, не продавались, а только отбирались билеты; купить-же ихъ нужно было съ рукъ у барышниковъ, мальчишечъ или взрослыхъ, которые толпою осаждали каждого изъ публики, сужа ему билеты. Дѣло въ томъ, что послѣ выпуска выставочнаго займа, къ каждому листу котораго прилагалось по 25 даровыхъ билетовъ для входа на выставку, Парижъ наводнился входными выставочными билетами, цѣна на которые упала впослѣдствии съ франка на тридцать сантимовъ и даже менѣе. Когда Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна вышли изъ экипажа, ихъ также осадили барышники, сужа билеты. Кто предлагалъ за сорокъ сантимовъ, кто

*) Къ которому входу?

за тридцать, кто за двадцать пять, наперерывъ сбивая другъ у друга цѣну.

— Не надо, не надо! — отмахивался отъ нихъ Николай Ивановичъ и сталъ разсчитываться съ извозчикомъ. — Сколько ему, Глаша, дать? Сторговались за полтора четвертака, — сказалъ онъ женѣ.

— Да ужъ дай три четвѣртака. Хоть и извозчикъ, а человѣкъ любезный, по разнымъ улицамъ нась возилъ, мѣста показывалъ.

Николай Иванович далъ три франка, извозчикъ оказался очень доволенъ. сняль шляпу и проговорилъ:

— Oh, merci, monsieur... A présent je vois, que vous êtes les vrais russes*... .

За публикой супруги поднялись по каменной лестнице в здание антропологического музея, прошли по коридору и очутились опять на крыльце, выходящем в парк. Здание помышдалось на горе, и отсюда открывался великолепный вид на всю площадь, занимаемую выставкой по обе стороны Сены. Перед глазами был раскинут роскошный цветник, яркая цветочная клумба резко отделялась от изумрудного газона, пестрели желтые дорожки, масса кiosков самой причудливой формы, били фонтаны, вдали высились дворцы, среди них, как гигант, возвышалась рыжекрасная Эйфелева башня. Николай Иванович и Глафира Семеновна невольно остановились рассматривать красивую панораму выставки.

— Хорошо... — проговорила Глафира Семеновна послѣ нѣкотораго молчанія.

— Долго ъхали, много мученій вынесли по дорогѣ и, наконецъ, пріѣхали, — прибавилъ Николай Ивановичъ. — Ну, что-жъ, надо осматривать. Пойдемъ къ Эйфелевой башнѣ.

— Пойдемъ... Только я, Николай Иванычъ, вотъ что... Я на самую башню влѣзать боюсь.

— Дура! Да зачѣмъ-же мы пріѣхали-то? Для этого и пріѣхали на выставку, чтобы влѣзать на Эйфелеву башню.

*) О, благодарю васъ. Теперь я вижу, что вы настоящіе русскіе.

— Пустяки. Мы пріѣхали на выставку, чтобы посмотреть выставку.

— А быть на выставкѣ и не влѣзать на Эйфелеву башню, все равно, что быть въ Римѣ и не видать папы. Помилуй, тамъ на башнѣ открытая письма къ знакомымъ пишутъ и прямо съ башни посылаютъ. Иванъ Данилычъ прислалъ намъ съ башни письмо, должны и мы послать. Да и другимъ знакомымъ... Я обѣщалъ.

— Письмо можешь и внизу подъ башней написать.

— Не тотъ фасонъ. На башнѣ штемпель другой. На башнѣ такой штемпель, что сама башня изображена на открытомъ письмѣ, а ежели кто около башни напишетъ, не влѣзая на нее,—ничего этого нѣть.

— Да зачѣмъ тебѣ штемпель?

— Чтобы знали, что я на башню влѣзъ. А то иначе никто не повѣритъ. Нѣть, ужъ ты какъ хочешь, а на башню взберемся и напишемъ оттуда нашимъ знакомымъ письма.

— Да вѣдь она, говорять, шатается.

— Такъ что-жъ изъ этого? Шатается, да не падаетъ. Ты ежели ужъ очень робѣть будешь, то за меня держись.

— Да вѣдь это все равно, ежели сверзится. Обоимъ намъ тогда не жить.

— Сколько времени стоитъ и не валится, а вдругъ тутъ повалится! Что ты, матушка!

— На грѣхъ мастера нѣть. А береженаго Богъ бережетъ.

— Нѣть, ужъ ты, Глаша, пожалуйста... Ты понатужься какъ-нибудь, и влѣзъ на башню. Съ башни непремѣнно надо письма знакомымъ послать. Знай нашихъ! Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна на высотѣ Эйфелевой башни на манеръ тумановъ мотаются! Голубушка, Глаша, ты ужъ не упрямься, — упрашивалъ жену Николай Ивановичъ. — Поднимемся.

— Ну, хорошо... А только не сегодня... Не могу я вдругъ... Дай мнѣ на выставкѣ-то немножко попривыкнуть и осмотрѣться. Вѣдь и завтра придется здѣсь быть и послѣ завтра — вотъ тогда какъ-нибудь и поднимемся, — отвѣчала Глафира Семеновна и стала сходить съ крыльца въ паркъ.

XXVIII.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна бродили по парку выставки, любовались фонтанами, останавливались передъ киосками и заходили въ нихъ, ничвмъ особенно въ отдѣльности не поражаясь, зашли въ антропологический музей, посмотрѣли на манекены, представляющіе бытъ народностей, наконецъ, Глафира Семеновна сказала:

— А только и Парижъ-же! Говорятъ, парижскія моды, наряды, а вотъ бродимъ, бродимъ и ничего особенного. Нарядовъ-то даже никакихъ не видать. Самыя простыя платья на дамахъ, самыя простыя шляпки, простые ватерпруфы. У насъ иная горничная лучше вырядится на гулянье, а вѣдь здѣсь выставка, стало быть, гулянье. Право я даже лучше всѣхъ одѣта. Вотъ онъ, хваленый-то модный Парижъ!

— Правда, душечка, правда. И я то же самое замѣтилъ; но не попали-ли мы съ какого-нибудь чернаго входа, гдѣ только такому народу допущеніе, который попроще? — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Можетъ быть, тамъ настоящія-то модницы, — указалъ онъ на Сену.

— А по улицамъ-то Парижа мы ъхали, такъ развѣ видѣли какихъ-нибудь особенныхъ модницъ? Все рвань. Простенкія платья, грошевыя шляпки. Думала, что-нибудь этакъ на бокъ, на сторону, съ перьями, съ цвѣтами, съ птицами, а рѣшительно ничего особенного. Даже и экипажей-то хорошихъ съ рысаками на улицахъ не видѣли. Нѣть, что это за парижскія модницы! Срамъ.

— А вотъ какъ-нибудь вечеромъ въ театрѣ поѣдемъ, такъ, можетъ быть, тамъ увидимъ. Но я увѣренъ, что тамъ, за рѣкой публика наряднѣе. Просто мы не съ того подъѣзда, не съ аристократическаго на выставку попали. Однако, Глаша, ужъ пятый часъ, и я ъсть хочу. Надо поискать гдѣ бы пообѣдать. Мы читали въ газетахъ, что на выставкѣ множество ресторановъ, а пока я еще ни одного не видалъ. Должно быть, на той сторонѣ они. Пойдемъ на ту сторону.

Вотъ мость. Кстати на той сторонѣ и Эйфелеву башню вокругъ обойдемъ. Нельзя-же, надо хоть снаружи-то ее сегодня вблизи осмотрѣть. Осмотримъ башню и сыщемъ ресторанъ.

Глафира Семеновна посмотрѣла на мужа и сказала:

— Не пойду я съ тобой въ ресторанъ.

— Это еще отчего? Да какъ-же голоднымъ-то быть? Вѣдь у меня ужъ и такъ брюхо начинаетъ подводить.

— Ну, и пусть подводить, а я не пойду.

— То-есть отчего-же это? Отчего? Вѣдь и ты-же проголодалась.

— А коли проголодалась, то вотъ какъ пріѣдемъ домой, то пошлю за булками и за ветчиной и наѣмся, а въ ресторанъ съ тобою не пойду.

— Да по какой причинѣ?

— Очень просто. Вспомни, что ты говорилъ давеча насчетъ ресторана? Какую такую ъду ты хотѣлъ спрашивать въ ресторанѣ?.. Вотъ изъ-за этого и не пойду.

— Ахъ, это насчетъ жареной-то лягушки? Да я сегодня не буду ее требовать. Я передъ отъѣздомъ изъ Парижа ужъ какъ-нибудь понатужусь и съѣмъ жареную лягушиную лапу, и тогда я пойду въ ресторанъ одинъ, безъ тебя.

— Врешь, врешь. Выпьешь лишнее, такъ сей-часъ и спросишь. Я тебя наю. Ты пьяный какую угодно гадость съѣшь. Видѣла я разъ, какъ ты пьяный въ Петербургѣ у татаръ въ ресторанѣ поспорилъ съ пріятелями на пари и у живого налима голову отгрызъ.

— Такъ вѣдь тогда всѣ чудили. Пентюковъ выпилъ водки съ уксусомъ, прованскимъ масломъ и съ горчицей, а я потребовалъ живого налима. Нѣть, Глаша, я пошутилъ, я не стану сегодня лягушки требовать. Это я когда-нибудь одинъ, безъ тебя.

— Побожись, что не станешь лягушки сегодня требовать, тогда пойду.

— Ну, вотъ ей-Богу, сегодня не стану требовать лягушку.

— Вѣрно?

— Върно.

— Ну, смотри, ты побожился. Тогда пойдемъ.

И супруги направились къ мосту, дабы перейти на другой берегъ Сены.

Черезъ четверть часа они стояли противъ Эйфелевой башни и, закинувъ головы наверхъ, смотрѣли, какъ ползутъ подъемные машины на башнѣ, поднимающія публику въ первый, во второй и третій этажи, какъ въ каждомъ этажѣ около перилъ бродятъ люди, кажущіеся такими маленькими, какъ мухи или муравьи.

— Неужто и намъ придется въ этой машинѣ подниматься? — съ замираніемъ сердца спросила Глафира Семеновна и, уставъ стоять, сѣла на одинъ изъ стоявшихъ рядами передъ башней садовыхъ стульевъ.

— Да что-жъ тутъ страшнаго-то? Сядешь, какъ въ карету, машина свистнетъ — и пошель, — отвѣчаль Николай Ивановичъ и тоже сѣлъ на стулъ рядомъ съ женой.

— Охъ, страшно на такую высоту! — вздыхала Глафира Семеновна.

— Зато письма съ башни напишемъ и похвастаемся передъ знакомыми, что взирались въ поднебесье.

— Николая! Башня шатается. Вотъ я и теперь вижу, что она шатается.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ.

— Я тебѣ говорю, что шатается. Видишь, видишь... Ты смотри вправо...

Супруги заспорили, но въ это время передъ ними остановилась пожилая женщина въ потертомъ шерстяномъ платьѣ, въ бархатной наколкѣ и съ сумочкой черезъ плечо. Она совала имъ въ руки два желтенькихъ билета и бормотала:

— Pour les chaises, monsieur, vingt centimes... pour le repos.

Николай Ивановичъ вытаращилъ на нее глаза.

— Чего вамъ, мадамъ? Чего такого? Чего вы ввязываетесь? — говорилъ онъ удивленно.

Женщина повторила свою фразу.

— Да что нужно-то? Мы промежъ себя разговариваемъ. Се ма фамъ — и больше ничего, — указа-

залъ Николай Ивановичъ на Глафиру Семеновну и привилъ, обращаясь къ женщинѣ: — Алле... А то я городового позову.

— Mais, monsieur, vous devez payer pour les chaises, — совала женщина билеты.

— Билеты? какіе такіе билеты? Никакихъ намъ билетовъ не нужно. Глаша! Да скажи-же ей по французски и отгони прочь! Алле!

— Monsieur doit payer pour les chaises, pour le repos... — настаивала женщина, указывая на стулья.

— Она говорить, что мы должны заплатить за стулья,—пояснила Глафира Семеновна.

— За какіе стулья?

— Да вотъ, на которыхъ мы сидимъ.

— Это чортъ знаетъ что такое! — вскочилъ со стула Николай Ивановичъ, опуская руку въ карманъ за деньгами.—И какое несчастіе, что я по-французски ни одного ругательного слова не знаю, чтобы обругать эту бабу! — бормоталъ онъ и сунулъ женщинѣ деньги.

XXIX.

— За посидѣніе на садовыхъ стульяхъ братъ! Только этого и недоставало! — продолжалъ горячиться Николай Ивановичъ послѣ ухода женщины, взявшей съ него „за отдыхъ“. — И не диво бы, ежели представлѣніе какое было, а то—ничего. Сѣли люди отдохнуть и разговаривали.

— На Эйфелеву башню смотрѣли — вотъ тебѣ и представлѣніе,—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь за посмотрѣніе Эйфелевой башни ужъ при входѣ взято.

— То взято за посмотрѣніе стоя, а это за посмотрѣніе сидя... Полѣзешь на самую башню — опять возьмутъ. За каждый этажъ возьмутъ. Я читала въ газетахъ.

— Порядки! Вѣдь это-же безобразіе! Послѣ этого будутъ братъ, зачѣмъ въ кіоски заглядываешь и входишь. А какъ тутъ не заглянуть? На то выставка.

— Да ужъ взяли, и за кіоскъ взяли. Давеча я въ уборную-то ходила... Ты думаешь, даромъ? Двадцать пять сантимовъ взяли.

— Да что ты!

— Вѣрно, вѣрно. По таксѣ взяли... Такса... Горничная мнѣ и на таксу указала.

— Фу ты, пропасть! Послѣ этого, пожалуй, и за входъ въ ресторанъ возьмутъ. За входъ отдѣльно, за ъду отдѣльно. Однако, пойдемъ ресторанъ искать. Ъсть страхъ какъ хочется.

— Да вотъ ресторанъ,—проговорила Глафира Семеновна и указала на вывѣску на столбѣ съ надписью „Restaurant Duval“. Стрѣлка показывала направлениѣ, куда идти.

Супруги отправились и вскорѣ остановились около зданія съ тою-же надписью, что и на столбѣ. У входа въ ресторанъ была толпа. Публика становилась въ хвостъ.

— Батюшки! Что народу-то! Да ресторанъ-ли это?

— усумнился Николай Ивановичъ.

— Видишь, написано, что ресторанъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ну, торговля! Вотъ торговля, такъ торговля! Въ хвостъ становятся, по очереди ъсть идутъ! Показать кому-нибудь изъ нашихъ питерскихъ трактирщиковъ такую торговлю, такъ въ кровь расцарапался бы отъ зависти. Ну, встанемъ въ хвостъ, давай приближаться ко входу. Посмотримъ, какой-такой ресторанъ. Должно быть, на какой-нибудь знаменитый напали.

— Только ты пожалуйста, Николай Ивановичъ, жареной лягушки не требуй.

— Да ужъ побожился, такъ чего-жъ тебѣ!

Постепенно приближаясь ко входу, супруги, наконецъ, вошли въ ресторанъ. Большая зала ресторана Дювала была переполнена публикой. Въ нее впускали черезъ входную дверь лишь столько посѣтителей, сколько ихъ выходило изъ выходной двери. Въ залѣ сидящій у входныхъ дверей французъ съ эспаньолкой тотчасъ-же протянулъ супругамъ двѣ карточки.

— Какъ и въ ресторанъ за входъ? И здѣсь би-

леты?! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Ну, что, Глаша, не говорилъ ли я тебѣ? — отнесся онъ къ женѣ.

— Да ужъ бери, бери... Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

— Комбъянъ? — спросилъ Николай Ивановичъ, вытаскивая изъ кармана на ладонь деньги.

Французъ съ эспаньолкой улыбнулся и отвѣчалъ:

— Vous payerez aprѣs, monsieur, aprѣs... Prenez seulement deux cartes.

— Постъ заплатишь. Бери, что подаются, — перевела Глафира Семеновна.

— Ну, городъ! Ну, порядки! За входъ въ ресторанъ берутъ! У насъ по зимамъ въ ресторанѣ „Аркадія“ музыка играетъ, горлощаты разные поютъ, да и то за входъ не берутъ.

Въ залѣ всѣ столы были заняты, такъ что пришлось отыскивать мѣсто, гдѣ бы можно было помѣститься. Супругамъ долго бы пришлось искать мѣста, если бы ихъ не окликнулъ лакей въ курточкѣ и бѣломъ передникѣ чуть не до пола, въ свѣжихъ, упирающихся въ гладкобритый подбородокъ, воротничкахъ и съ карандашомъ за ухомъ.

— Vous cherchez une place, monsieur... Voilà la table... Allez avec moi... — обратился онъ къ Николаю Ивановичу, повелъ за собой и, подводя къ маленькому столу съ мраморной доской, указалъ на стулья.

Николай Ивановичъ колебался, садиться или не садится.

— А за стулья здѣсь не берется? — спросилъ онъ слугу. — Глаша, спроси.

— Да ужъ садись, садись... Нельзя-же стоя обѣдать.

— Бьюсь обѣ закладъ, что и здѣсь за стулья возьмутъ, — проговорилъ Николай Ивановичъ, опускаясь на стулъ, похлопалъ по стулу ладонью и задалъ вопросъ слугѣ: — Комбъянъ за эти вещи?

Слуга, разумѣется, не понялъ вопроса, взялъ отъ супруговъ карточки, полученные имъ при входѣ, положилъ ихъ на столъ, отмѣтилъ что-то карандашомъ,

подалъ карточку обѣда и остановился въ почтительномъ ожиданіи заказа.

— Глаша! Мы прямо обѣдъ спросимъ, — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ и, обратясь къ слугѣ, сказалъ: — Дине... Де дине...

— Nous n'avons pas de dîners, monsieur. Seulement à la carte... Il faut choisir... Prenez la carte.

— Нѣтъ здѣсь обѣдовъ. Надо по картѣ заказы-вать, говорить онъ, — перевела Глафира Семеновна.

— Какъ? Въ томъ ресторанѣ, гдѣ берутъ за входъ, да еще обѣдовъ нѣтъ? Вотъ это штука!

— Да оно и лучше, Николай Иванычъ, — перевела Глафира Семеновна мужа. — А то Богъ знаетъ еще чѣмъ накормили бы... Пожалуй, въ обѣдѣ-то еще лягушку подсунутъ. Съѣшь, а потомъ...

— Что за вздоръ! Лягушку сейчасъ можно уви-деть. Неужто не можешь лягушку отъ чего-либо дру-гого отличить?

— А рубленую подадутъ, такъ какъ ты ее отли-чишь? Давай выберемъ самыя обыкновенныя блюда.

— Ну, бѣнь... Итакъ, прежде всего водки и закуски. О де ви... О де ви рюсъ и закуска. Какъ закуска-то по-французски?

— Закуска-то? Я не знаю... Про закуску нась не учили.

— Nous n'avons pas d'eau de vie russe, monsieur, — отвѣтилъ слуга. — Si vous voulez cognac...

— Нѣтъ здѣсь водки, — перевела Глафира Семе-новна. — Какая же русская водка въ Парижѣ! Онъ коньяку предлагаетъ.

— Что коньякъ! Кто-же коньякъ пьетъ передъ обѣдомъ! Коньякъ послѣ обѣда... Идолы! За входъ въ ресторанѣ берутъ, а не могутъ выписать изъ Россіи водки. Мы-же ихнее французское вино выписываемъ. Коньякъ нонъ... — покачалъ Николай Ивановичъ передъ слугой головой.—Глаша! Да переведи-же ему по-фран-цузски, что я сказалъ насчетъ водки...

— Ахъ, Николай Иванычъ, не стоитъ! Ну, что тутъ распространяться... Давай выберемъ скорѣй по картѣ, что заказать.

Она придинула къ себѣ карту и принялась ее разматривать. Слуга, соскучившись стоять, сказалъ на-конецъ:

— Dites - donc, monsieur, seulement, quel vin désirez-vous: ordinaire, vin de pays?..

— Что онъ спрашиваетъ? — взглянуль Николай Ивановичъ на жену.

— Про вино спрашиваетъ. Какое вино.

— Ахъ, да... Венъ ружъ... Бутель венъ ружъ... Видишь, Глаша, какъ я по-французски...

— Quel vin rouge, monsieur? Un franc, deux francs, trois francs...

— Понялъ, понялъ... Нѣтъ, братъ, труа франкъ мало... Вѣдь это три четвертака... Дадите кислятину... Давай за рубль, за четыре четвертака... Катръ франкъ... Да и венъ бланъ енъ бутель. Тоже въ катръ франкъ...

Лакей бросился исполнять требуемое.

— Я выбрала, Николай Ивановичъ, — сказала Глафира Семеновна. — Бульонъ, сомонъ, то-есть лососина, и бифштексъ. Тутъ ужъ видно, что подаются.

— Постой! Постой! Эй, ломъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ слугѣ.

— Не ломъ, а гарсонъ. Здѣсь человѣкъ гарсономъ зовется.

— Ахъ, да... Я и забылъ! Гарсонъ!

— Но слуги уже и слѣдъ простылъ.

XXXI.

Слуга принесъ два стакана и двѣ бутылки, водрузилъ ихъ на столъ и опять бросился бѣжать.

— Гарсонъ, гарсонъ!.. — остановилъ его Николай Ивановичъ и, обратясь къ женѣ, сказалъ: — Странно, что ты не знаешь, какъ по-французски закуски потребовать. Передъ обѣдомъ солененькаго было отлично... Не знаешь-ли, какъ селедка по-французски?

— Да не учили нась про селедку.

— Ну, кильку или балыкъ?

— И про балыкъ съ килькой нась не учили. Вотъ сыръ какъ — я знаю: фромажъ.

— Фромажъ, фромажъ, гарсонъ, — подхватилъ Николай Ивановичъ.

— *Quel fromage, monsieur?*

— Знамо дѣло, швейцарскій. Глаша! Какъ швейцарскій?

— Ахъ, Боже мой! да неужто ты не можешь безъ закуски? Швейцарскій — швейцаръ, должно быть.

— Фромажъ швейцаръ.

— *Je ne connais pas, monsieur, un fromage pareil,* — отрицательно потрясъ головой слуга.

— Фромажъ швейцаръ-то нѣтъ? Странно. Ну, какой-нибудь... Просто фромажъ... Фромажъ... Постой, постой... А селедку, Глаша... Растолкуй ему, что это соленая рыба.

— Пуасонъ сале. Ву компрене? Энъ птить пуасонъ сале...

— *Une sardine? Ah, oui, madame!*

— Да не сардинку. Сардинку, впрочемъ, можно само собой. А селедку... — тщетно старался пояснить Николай Ивановичъ, — Фу, ты пропасть! Ничего не понимаешь! Ну, вуй... Сардинку — вуй, и анкоръ...

— Анкоръ пуасонъ сале. Энъ отръ пуасонъ сале...

— *Oui, madame, vous gerez, — отвѣчалъ слуга и исчезъ, явившись черезъ минуту съ двумя чашками супу и глубокими тарелками.* — *Voilà votre, bouillon, madame. Servez-vous, je vous prie.*

— Что-жъ ты супъ-то, братецъ, прежде подаешь? — возмутился Николай Ивановичъ. — Прежде нужно закуску. Сардинъ, фромажъ, селедку.

— *C'est apr s, monsieur... Apr s le bouillon.*

— Какъ апре! Сейчасъ надо. Кто-же Ѣсть соленое послъ супу! Глаша! Скажи ему...

— А презанъ, а презанъ... — заговорила Глафира Семеновна.

Слуга пожалъ плечами и побѣжалъ за требуемымъ.

— Хорошій ресторанъ, дерутъ даже за входъ, а такихъ слугъ держать, которые даже не знаютъ, что послъ чего подавать слѣдуетъ, — ворчалъ Николай

Ивановичъ, не зная французского обычая, по которому соленые закуски слѣдуютъ за супомъ.

Черезъ минуту слуга явился съ маленькими тарелочками, на которыхъ лежали двѣ сардинки, сыръ бри и нѣсколько длиненъкихъ маленькихъ морскихъ раковинъ (moules). Глафира Семеновна какъ взглянула на раковины, такъ сейчасъ сморицилась, проговорила: „фу, гадость!“ — и закрылась салфеткой. Взглянула Николай Ивановичъ и воскликнула:

— Что это? Улитки какія-то! Вонъ! вонъ! Неси назадъ! Неси! — махалъ онъ руками. — Я селедку спрашиваю, а онъ какихъ-то улитокъ тащить. Прочь, прочь... Мы и устрицъ-то не ъдимъ, а онъ улитокъ. Алле, гарсонъ... Ле рюсъ такой ъды ионъ манже... Съ Богомъ, съ Богомъ... Да ужъ и фромажъ убирай. Я этотъ фромажъ не ъмъ.

— Пусть и сардинки убираетъ.. Вовсе я не желаю такія сардинки ъсть, которыя рядомъ съ погаными улитками лежали, — прибавила Глафира Семеновна. — Алле... Иль не фо па. Ръянъ иль не фо па. Селеманъ ле бульонъ. Доне бульонъ. Ужъ и ты, Николай Иванычъ, нивѣсть что спрашиваешь. ълъ бы безъ закусокъ! — напустилась она на мужа, продолжая сидѣть, отвернувшись отъ вскрытыхъ раковинъ.

Слуга недоумѣвалъ.

— Mais, madame, c'est ce que vous avez demande... — бормоталъ онъ.

— Прене... Прене прочь. Ну не манжонъ па се шозъ...

— Oh! Comme il est difficile! — вздохнулъ слуга и понесъ закуски обратно.

Супруги принялись за бульонъ.

— Вода, а не бульонъ, — сказала Глафира Семеновна и, хлебнувъ нѣсколько ложекъ, отодвинула отъ себя тарелку. — И это хваленый Парижъ! Хваленая французская кухня!

— Въ ресторанѣ, гдѣ даже за входъ берутъ рубль шесть гривенъ, — прибавилъ Николай Ивановичъ и сказалъ слугѣ: — Ну, пусонъ. Скорѣй пусонъ... Да не такой пусонъ, который давеча подалъ.

— Сомонъ, сомонъ... Пуасонъ сомонъ, — подтвердила Глафира Семеновна.

Подали вареную лососину подъ соусомъ, но безъ гарнира. Порціи были такъ малы, что супруги просто ахнули.

— И это де порсіонъ? Де... Для двоихъ? Пуръ де? — спрашивали они слугу.

— Oui, monsieur.

— Да вѣдь это по разу въ ротъ положить. А гдѣ-же гарниръ? Гдѣ картофель?

— Вуй, вуй... У э помъ де теръ? — бормотала Глафира Семеновна.

— Mais vous avez désiré seulement le saumon, madame*).

— Да ужъ помъ де теръ само собой разумѣется.

— Je vous apporterai tout de suite, madame, — сдѣлалъ движение слуга.

— Да ужъ гдѣ тутъ апорте! Когда тутъ принесешь! Гляди. Вонъ твоя порція...

Николай Ивановичъ поддѣлъ на ложку свою порцію лососины и отправилъ ее въ ротъ.

— Анкоръ пуасонъ. Четыре порціи этой пуасонъ. Катръ порсіонъ... — говорилъ онъ, прожевывая лососину.

— И помъ де теръ... — прибавила Глафира Семеновна.

— Quelles pommes dÃ©sirez-vous, madame? — спрашивалъ слуга.

— Кель помъ! Обыкновенный помъ... Вареный помъ.

Лакей улыбнулся и черезъ пять минутъ принесъ еще четыре порціи лососины и отдѣльно цѣлую гору жаренаго тоненькими палочками картофеля — pommes frites.

— Вотъ дуракъ-то! Жареный картофель къ вареной рыбѣ подаетъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

— Да ужъ ъшь. Только бы наѣсться, — сказала

---

*) Но вы пожелали только лососины, мадамъ.

жена. — А только удивительно, какой здѣсь безтолковый народъ въ Парижѣ.

Порціи бифштекса были еще меньше. Супруги ужъ не возражали.

— На смѣхъ, просто на смѣхъ... — пробормоталъ Николай Ивановичъ, забивая себѣ въ ротъ свою порцію бифштекса, сжевалъ ее и принялся пить вино.

— Я голодна, Николай Ивановичъ, — жаловалась Глафира Семеновна.

— Да и я то же самое. Только чуть чуть червяка заморилъ. Вѣдь съ утра не ъли, а теперь седьмой часъ. Придется часа черезъ два переобѣдывать. Вотъ допьемъ вино да пойдемъ искать другой ресторонъ. Индѣйки какой спросимъ что ли, гуся поѣдимъ... Гарсонъ! Комбъянъ? — обратился Николай Ивановичъ къ лакею и полѣзъ въ карманъ за деньгами, чтобы заплатить за обѣдъ.

Лакей сунулъ ему тѣ карты, которыя были получены при входѣ, и указалъ на кассу.

Супруги поднялись съ мѣста и направились къ выходу.

XXXII.

— Шестнадцать французскихъ четвертаковъ взяли за все про все, — говорилъ женѣ Николай Ивановичъ, когда они вышли изъ ресторана Дювала. — Что-то больно дешево. Ты разсчитай, что вѣдь мы вина потребовали на восемь четвертаковъ. Бутылку краснаго въ четыре четвертака и бутылку бѣлаго въ четыре четвертака. Стало быть, за ъду пришлось всего восемь четвертаковъ. А вѣдь мы десять порцій съѣли, шесть порцій одной лососины. Положимъ, порціи такія, что одинъ разъ въ ротъ положить, но все-таки... Нѣть, стало быть, за входъ въ ресторонъ съ нась ничего не взяли. Ничего... Съ какой же стати при входѣ два этихъ самыхъ билета-то намъ всунули? — разсуждалъ онъ про дювалевскія расчетныя карты — *addition*. Нѣть, это не дорогой ресторонъ, ежели такъ разсудить.

— Да ужь брось... Ну, что тутъ считать. Все равно въ этотъ ресторанъ я больше никогда не пойду,— отвѣчала Глафира Семеновна. — Надо замѣтить этотъ ресторанъ, чтобы не попасть въ него какъ-нибудь по ошибкѣ,— прибавила она, оглянулась и вдругъ увидела большую, освѣщенную газомъ, вывѣску, гласящую по-французски: „Театръ египтянъ и арабовъ“. — Николай Иванычъ, вонъ тамъ арабскій театръ... арабскій и египетскій... Возьмемъ билеты и посмотримъ. Навѣрное что-нибудь забавное.

— Да вѣдь ни ты, ни я ни по-египетски, ни по-арабски не знаемъ, — даль отвѣтъ мужъ.

— Да тутъ и не надо знать. Просто такъ посмотримъ. Вѣдь ужь какъ по-французски представляютъ мы нынѣшнее лѣто и въ Петербургѣ въ „Аркадіи“ видѣли, а тутъ по-арабски и по-египетски.

— Ну, что-жъ зайдемъ.

— Да, конечно же, зайдемъ, возьмемъ недорогія мѣста, а не понравится — и вонъ. Даже и лучше, если недолго просидимъ. Надо пораньше домой... Я ужасно устала, а мнѣ только бы до постели. Поужинать-то и у себя въ гостиницѣ спросимъ. Вѣдь ужь навѣрное въ гостиницѣ есть ресторанъ.

Въ это время надъ самымъ ухомъ супруговъ раздался ударъ въ ладоши и громкій сиплый выкрикъ:

— *Nous commençons! Dans un quart d'heure nous commençons! Voyons, messieurs et mesdames... Faites attention... Voici la caisse... Prenez les billets. Dépêchez-vous, dépêchez-vous. Seulement un franc...*

Супруги такъ и шарахнулись въ сторону. Кричаль рослый человѣкъ въ усахъ, въ красной расшитой золотомъ курткѣ, въ синихъ шальварахъ и въ бѣломъ тюрбанѣ на головѣ, зазывая въ театръ публику.

— Фу, чортъ тебя возьми! Лѣшій проклятый! — выругался Николай Ивановичъ и даже погрозилъ усатому человѣку кулакомъ, но тотъ нисколько не смущился и продолжалъ зазывать:

— *Quelque chose de remarquabl, monsieur! Ouelque chose, que vous ne verrez pas partout... La danse de*

ventre, monsieur... Venez, madame, venez. Nous com-
mençons...

Тутъ-же было окошечко театральной кассы. Въ кассѣ сидѣла пожилая женщина въ красной наколкѣ, выглядывала оттуда и даже совала по направлению къ Глафири Семеновнѣ вырванные изъ книжки билеты.

Супруги подошли къ кассѣ.

— Комбъянъ? — спросилъ Николай Ивановичъ и, получивъ отвѣтъ, что за входъ только одинъ франкъ, купилъ билеты и повелъ Глафири Семеновну къ двери театра.

XXXIII.

Театръ египтянъ и арабовъ, въ который вошли Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна, былъ маленький театръ-балаганъ, выстроенный только на время выставки, съ потолкомъ, подбитымъ крашеной парусиной, съ занавѣсомъ изъ зеленої шерстяной матеріи. Размѣщенные передъ сценой стулья стояли около барьеровъ, составляющихъ изъ себя какъ-бы узенькие столы, на которыхъ зритель могъ ставить бутылки, стаканы, чашки. Немногочисленная публика сидѣла, курила и пила, кто пиво, кто вино, кто кофе съ коньякомъ. Англійскій языкъ слышался во всѣхъ углахъ. Англичане пили, по большей части, хересъ, потягивая его черезъ соломинки и закусывая сандвичами. Представленіе еще не начиналось. По рядамъ шнырялъ мальчикъ въ блузѣ и продавалъ программы спектакля, безъ умолку треща и рассказывая содержаніе предстоящаго представлениія. Бродили лакеи, подлетавшіе къ каждому изъ входящихъ зрителей съ предложеніемъ чего-нибудь выпить. Одинъ изъ лакеевъ былъ для чего-то въ красныхъ туфляхъ безъ задниковъ и въ простомъ халатѣ изъ дешевой тармаламы, точь-въ-точь въ такомъ, какіе у нась по дворамъ продаютъ татары. Голова его была обвита полотенцемъ съ красными концами, что изображало чалму.

— Батюшки! Да это не театръ. Здѣсь всѣ пьють и курятъ въ залѣ,—сказала Глафира Семеновна.

— Театръ, театръ, но только съ выпивкой. Ничего не значить... Это-то и хорошо. Сейчасъ мы и себѣ спросимъ чего-нибудь выпить, — заговорилъ Николай Ивановичъ, увидавъ халатника и воскликнулъ:—Глаша! Смотри-ка, какой ряженый разгуливаетъ! Въ нашемъ русскомъ халатѣ и баннымъ полотенцѣ на головѣ. Почтенный! Ты изъ бани, что-ли? Такъ кстати бы ужъ вѣничекъ захватилъ.

— Да что ты съ нимъ по-русски-то разговариваешь? Вѣдь онъ все равно ничего не понимаетъ!—остановила мужа Глафира Семеновна.

— А ты переведи. Вѣдь про бани-то навѣрное должна знать по-французски. Да и про вѣникъ тоже.

— Ты спрашивай, спрашивай, что тебѣ надо выпить-то.

— *Café, congac, bok?* *Qu'est-ce que vous désirez, monsieur?*—повторилъ свой вопросъ лакей.

— Глясь. Аве ву глясь? Апорте глясь. Компрене ву? — сказала Глафира Семеновна.

— *Oh, oui, madame. Vous recevez tout de suite. Et vous, monsieur?*

— Кафе нуаръ и коньякъ,—далъ отвѣтъ Николай Ивановичъ.

Лакей, шлепая туфлями, побѣжалъ исполнять требуемое.

Супруги сѣли. Вскорѣ раздвинулся занавѣсь, и стали выходить на сцену актеры. Вышли два усача, одѣтые во все бѣлое, поговорили на гортанномъ нарѣчіи и стали махать другъ на друга саблями. Помахали и ушли за кулисы. Вышли три музыканта въ халатахъ и босые. Одинъ былъ съ бубномъ, два другихъ съ тростниково-ыми флейтами. Они остановились передъ рампой и затянули что-то очень тоскливо съ мѣрнымъ пристуки-ваніемъ въ бубенъ и его деревянный обручъ.

— Игра-то изъ панихидной оперы,—замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Тоска, — отвѣчала Глафира Семеновна и даже зѣвнула.—Ужъ выбрали тоже представлениe!

Представленіе шло. Музыканты продолжали тянуть заунывную пѣсню. Имъ откликнулись изъ-за кулисъ женскіе голоса, и вскорѣ вышли на сцену четыре женщины въ пестрыхъ юбкахъ, безъ корсажей, но съ особыми нагрудниками, прикрывающими грудь. Онѣ были босыя, шли обнавившись и пѣли.

— Какой-же это арабскій театръ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Всѣ люди бѣлые. И актрисы бѣлые, и актеры бѣлые, и музыканты бѣлые. Вѣдь это же надувательство! Хоть бы черной краской хари вымазали, чтобы на арабовъ-то походить, а то и того нѣтъ.

— Да, да... А между тѣмъ у входа французъ въ красной курткѣ кричалъ, что замѣчательное что-то remarkabль,—отвѣчала Глафира Семеновна. — Развѣ то, что талии-то у женщинъ голыя... Такъ вѣдь это только на мужской вкусъ.

— Только не на мой. Ужъ я считаю, ежели оголяться...

— Молчи, срамникъ! — строго крикнула на мужа супруга.

Продолжая пѣть, женщины сѣли въ глубинѣ сцены, поджавъ подъ себя ноги; опустились и музыканты около нихъ на полъ, вернулись два усача съ саблями и тоже помѣстились тутъ-же. Музыка и пѣніе продолжались. Два усача тоже пѣли и похлопывали въ тактъ въ ладоши. Выплыла негритянка, старая, губастая, толстая, также босая и съ голой талией. Она именно выплыла изъ-за кулисъ, держась прямо, какъ палка, и, остановившись противъ рампы, начала въ тактъ подъ музыку дѣлатъ животомъ и бедрами движенія взадъ и впередъ. Животъ такъ и ходилъ у ней ходуномъ, между тѣмъ какъ голова, шея и руки находились безъ движенія, въ абсолютномъ спокойствіи. Опущенные, какъ плети, руки, впрочемъ, перебирали кастаньеты.

— Фу, какая мерзость. Что это она животомъ-то дѣлаетъ? — проговорила Глафира Семеновна и даже отвернулась.

— Да насчетъ живота-то песь съ ней, а только все-таки ужъ это хоть настоящая черная арабка, такъ и то хорошо, — отвѣчаль Николай Ивановичъ.

Глафира Семеновна плюнула.

— Фу, какая гадость! Фу, какая пошлость! Домой! Домой! — воскликнула она, поднимаясь съ мѣста.

— Да дай, душенька, до конца-то... — началъ было Николай Ивановичъ.

— Довольно! Сейчасъ собирайтесь.

— Позволь хоть коньякъ-то допить и расчитаться...

Онъ ухнуль въ пустую чашку все содержимое графинчика и выпилъ. Стоящій около него лакей въ халатѣ даже вздрогнулъ и невольно воскликнулъ:

— Monsieur...

Ему въ первый разъ пришлось видѣть, чтобы посѣтитель могъ выпить цѣлый графинчикъ коньяку, хотя графинчикъ былъ и очень маленький.

— Комбъянъ? Получи за все! — воскликнулъ Николай Ивановичъ, выкидывая на столъ пятифранковую монету и, расчитавшись, направился къ выходу съ Глафирою Семеновной, все продолжавшей плевать и говорить:

— И это называется театръ! Гадость, мерзость, пошлость! Тыфу!

XXXIV.

— Домой теперь, домой! — говорила Глафира Семеновна, выходя съ Николаемъ Ивановичемъ за ограду выставки. — Меня и такъ еле ноги носятъ. Шутка-ли, цѣлую ночь въ вагонѣ не спали и сегодня весь день на ногахъ. Пріѣдемъ домой, спросимъ самоварчикъ, заваримъ чайку, напьемся съ булками... Чай у меня свой есть. Я вѣдь цѣлые полфунта привезла въ турнюрѣ.

— Найдемъ-ли только самоваръ-то въ гостиницѣ? — выразилъ сомнѣніе Николай Ивановичъ.

— У французовъ-то? Это, братъ, не нѣмцы. Какъ-же самовару-то не бытъ! Всемірная выставка... Центръ европейской цивилизациі. Здѣсь, я думаю, только птичьяго молока нѣтъ, а то все есть. Ну, ѿдемъ, Николай Ивановичъ.

— Нанимай извозчика. Вотъ извозчикъ стоитъ.
Кошель!

— Qui, monsieur, — откликнулся извозчикъ и спросилъ: — Quelle rue, monsieur?

Глафира Семеновна хотѣла что-то сказать, но взглянула на мужа испуганно и спросила:

— Николай Иванычъ, гдѣ мы остановились-то?

— Какъ гдѣ? Въ гостиницѣ.

— Да, да... Но въ какой улицѣ?

— А мнѣ почемъ знать? Ты у меня француженка.

— Боже милостивый! Я впопыхахъ-то и не справилась, въ какой мы улицѣ остановились!

— Да что ты! Какъ-же это такъ?.. — теряясь проговорилъ Николай Ивановичъ. — Этакая дура!

— А ты не дуракъ? Отчего-же ты не справился? Чего-же ты зѣвалъ?

— Да вѣдь ужъ ты взялась... Я на тебя и понадѣялся.

— Пентюхъ... Словно я нянька для него. Рохля, прости Господи! Какъ, по крайней мѣрѣ, гостиница-то называется, гдѣ мы остановились?

— Ахъ, душечка, да какъ-же мнѣ это знать... Я думалъ, что ты знаешь. Вѣдь ты по-французски...

— Что-же тутъ французского, узнать, какъ называется гостиница? Отчего-же ты на вывѣску надъ подъѣздомъ не взглянула? Вѣдь ужъ прочесть надпись-то могъ бы.

— А отчего ты не взглянула?

— Опять! Здравствуйте... Я на него, а онъ на меня...

— Однако, когда мы пріѣхали въ гостиницу, такъ вѣдь ты видѣла, куда мы пріѣхали.

— Что такое: видѣла! Вмѣстѣ съ тобой въ каретѣѣхала. Карета была набита подушками, чемоданами... Да и гдѣ тутъ разглядывать! Я рада-радешенька была, что мы хоть комнату-то какую-нибудь нашли. До того-ли тутъ было!

— Ну, вотъ видишь, видишь. А меня винишь.

— Такъ вѣдь ты мужчина, ты долженъ быть расторопнѣе.

— Такъ какъ-же намъ быть?!

— Ужасное положеніе! Надо нанимать извозчика къ себѣ домой, и не знаешь, гдѣ живешь.

— Постой... Я помню, что противъ нашей гости-ницы красная желѣзная перчатка висѣла надъ мага-зиномъ.

— И я это-то помню, но нельзя-же нанимать извоз-чика въ гостиницу, противъ которой красная желѣзная перчатка виситъ.

— А можетъ быть, онъ знаетъ! Попробуй. По-стой... Какъ по-французски красная перчатка?

— Ганъ ружъ. Да такъ нельзя...

— А вотъ я сейчасъ на счастье... Коше... Въ готель, гдѣ ганъ ружъ. Гранъ ганъ ружъ, — обра-тился Николай Ивановичъ къ извозчику.

— Je ne connais pas un tel hôtel, mousieur, — отри-цательно потрясь головой извозчикъ. — Quelle rue?.. Quel numéro?

— Не знаетъ, чортъ его дери! Скажи ему, Глаша, что тамъ на углу была еще посудная лавка и старуха въ красномъ чепцѣ сидѣла.

— Энъ птить рю... О куанъ э ля бутикъ авекъ де веръ... Опре де готель энъ грандъ ганъ ружъ де феръ... Ну завонъ убліе ля рю...

— C'est impossible de chercher comme ça votre hôtel, madame, — улыбнулся извозчикъ. — Avez-vous la carte de l'hôtel? Donnez-moi la carte seulement.

— Нонъ, нонъ... Въ томъ-то и дѣло, что нонъ. Ну завонъ убліе деманде ля картъ.

— Да вѣдь ты помнила тамъ какія-то улицы около. Сама же мнѣ читала. Еще гдѣ Гастонъ тамъ какой-то или Жеромъ пырнуль кого-то кинжаломъ, — замѣтилъ Николай Ивановичъ.

— Ахъ, да... — оживилась Глафира Семеновна. — Рю де Лафаетъ и рю Лафитъ. Коше, се не па луанъ де рю Лафаетъ е рю Лафитъ.

— Voyons, madame... Alors on peut partir...

— Ме се не па ля рю Лафаетъ е рю Лафитъ, ме энъ птить рю...

— Prenez seulement place, — указалъ извозчикъ на экипажъ.

— Садись, Николай Иванычъ... Мы доѣдемъ до улицы Лафаетъ, а тамъ будемъ искать. Я помню, что три или четыре переулка отъ улицы Лафаетъ.

— Два, а не четыре. Мнѣ помнится, что два.

— Гдѣ тебѣ знать, коли ты по сторонамъ зѣвалъ! Я улицы замѣчала, я и про Жерома вспомнила и про угольщика Жака. Садись скорѣй.

— Ахъ, какая бѣда стряслась! — кряхтѣлъ Николай Ивановичъ, залѣзая въ экипажъ. — Ну, какъ мы теперь ночью будемъ разыскивать переулки!

Извозчикъ стегнулъ лошадь. Поѣхали.

— А мнѣ помнится, что недалеко отъ гостиницы была рѣшеточка такая желѣзная съ шишечками,—прибавилъ Николай Ивановичъ.

— Ври больше! Рѣшеточка съ шишечками совсѣмъ въ другомъ концѣ города, около церкви Нотр-Дамъ.

— Врешь, врешь! Тамъ еще мальчишка стоялъ и какую-то трещотку вертѣлъ.

— Дуракъ! Да развѣ можно по мальчишкѣ съ трещоткой замѣчать! Ну, мальчишка съ трещоткой днемъ стоялъ, а вѣдь ужъ теперь ночь. Неужели такъ до ночи и будетъ съ трещоткой стоять!

— Да вѣдь я къ слову, Глаша. Ну, чего ты сердишься? И, наконецъ, ругаться. Люди въ несчастіи, не знаютъ какъ домой попасть, а она ругается.

— Да тебя мало ругать, мало! Батюшки! Да ты пьянь, ты клюешь носомъ! И чего ты этого коньячищу въ театрѣ насосался!

— Я не пьянь. Я ни въ одномъ глазѣ...

— Не пьянь... Цѣлый графинъ высосалъ.

— Графинъ... Говорить-то все можно. Развѣ это графинъ? Развѣ такие графины бывають? Бородавка какая-то вмѣсто графина. Въ немъ и стакана коньяку не было.

— Боже мой, Боже мой! У тебя даже языкъ заплетается... Впоыхахъ-то я сначала и не замѣтила.

Ну, что я буду дѣлать съ тобой пьянымъ? Вѣдь нась въ часть возьмутъ, въ полицейскую часть.

— Успокойся, здѣсь частей нѣтъ. Здѣсь цивилизаций. Да и пьяныхъ никуда по высшей цивилизациіи не берутъ.

— Пьяница!

— Я не пьяница! Нѣтъ, пардонъ, мадамъ.

— Молчи.

Вскорѣ супруги подѣхали въ рю Лафаетъ. Извозчикъ указалъ на улицу.

— А рю Лафитъ? — спросила Глафира Семеновна.

— Ce n'est pas loin, madame.

— Ну, куда теперьѣхать? Надо выйти изъ экипажа и искать переулки пѣшкомъ, — сказала Глафира Семеновна. — Кошѣ! Арете... Выходи, Николай Иванычъ. Разсчитывайся съ извозчикомъ.

— Зачѣмъ выходить? Прямо... — бормоталъ Николай Ивановичъ пьянымъ голосомъ, но все-таки, выпихнутый Глафирай Семеновной, вышелъ и сталъ отдавать извозчику деньги.

— Батюшки! Да ты до того пьянъ, что качаешься. Вотъ тебя до чего развезло! Ночь, чужой городъ, пьяный мужъ... Ну, что мнѣ съ тобой теперьѣдѣлать! — восклицала Глафира Семеновна.

XXXV.

Николая Ивановича дѣйствительно, какъ говорится, совсѣмъ развезло отъ выпитаго коньяку, когда онъ съ супругой прѣхалъ въ улицу Лафаетъ. Приходилось искать гостиницу, но къ этому онъ оказался рѣшительно неспособнымъ. Когда онъ разсчитался съ извозчикомъ и попробовалъ идти по тротуару улицы, его такъ качнуло въ сторону, что онъ налетѣлъ на громадное зеркальное стекло шляпнаго магазина и чуть не разбиль его. Бормоталь онъ безъ умолку.

— Шляпный магазинъ... Вотъ хоть убей—этого шляпнаго магазина я не помню; стало быть, мы не туда идемъ, — говорилъ онъ.

— Да что ты помнишь! Что ты можешь помнить, ежели ты пьянъ, какъ сапожникъ! — восклицала Глафира Семеновна, чуть не плача, и взяла мужа подъ руку, стараясь поддержать его на ходу.

— Врешь. Рѣшеточку съ шишечками я помню чудесно. Она вотъ бокъ-о-бокъ съ нашей гостиницей. А гдѣ эта рѣшеточка съ шишечками?

— Иди, иди, пьяница. Господи! Что мнѣ дѣлать съ пьянымъ мужемъ!

— Глаша, я не пьянъ... Вѣрь совѣсти, не пьянъ.

— Молчи!

Но Николай Ивановичъ не унимался. По дорогѣ онъ задиралъ проходящихъ мальчишекъ, останавливался у открытыхъ дверей магазиновъ съ выставками дешевыхъ товаровъ на улицѣ около оконъ; у одного изъ такихъ магазиновъ купилъ онъ красную суконную фуражку безъ козырька съ вытисненной на днѣ ея золотомъ Эйфелевой башней и даже для чего-то надѣлъ эту фуражку себѣ на голову, а шляпу свою понесъ въ рукѣ.

— Снимешь ты съ своей головы эту дурацкую фуражку, или не снимешь, шутъ гороховый? — кричала на него Глафира Семеновна.

— Зачѣмъ снимать? Это на память. Это въ воспоминаніе объ Эйфелевой башнѣ. Пусть всѣ видятъ, что русскій славянинъ Николай Ивановъ...

— Пьянъ? Это вѣрно. Это всякий видить.

— Не пьянъ. Зачѣмъ пьянъ? Пусть всѣ видятъ, что русскій славянинъ изъ далекихъ сѣверныхъ странъ побывалъ на выставкѣ и сочувствуетъ французамъ! Вивъ ля Франсъ... Глаша! Хочешь, я закричу вотъ на этомъ перекресткѣ — вивъ ля Франсъ?...

— Кричи, кричи. Но какъ только ты закричишь, сейчасъ-же я тебя брошу и убѣгу. Такъ ты и знай, что убѣгу.

— Постой, постой... Хочешь, я тебѣ вотъ этотъ красный корсетъ съ кружевами куплю, что въ окнѣ выставленъ?

— Ничего мнѣ не надо. Иди.

— Отчего? Вотъ корсетъ, такъ корсетъ! Русская

славянка, да ежели въ этомъ корсетѣ! А ты хочешь ногу телятины? Вонъ нога телятины въ магазинѣ висить. Глаша! Смогри-ка! Телячыи-то окорока у нихъ продаютъ въ умажныхъ штаниахъ съ кружевами. Вотъ такъ штука! Батюшки! Да и сырье телячыи мозги въ коробкѣ съ бордюромъ. Ну, мясная лавка! У насъ магазины бриллантщиковъ на Невскомъ такой роскоши не видать. Хочешь мозги? Завтра отладимъ хозяйствкѣ, чтобы она намъ на завтракъ поджарила.

— Нужно еще прежде хозяйствку найти. Гдѣ она, хозяйствка-то гостиницы? Гдѣ сама гостиница-то?

— Ищи рѣшетку съ шишечками и найдешь!

— Далась ему эта рѣшетка съ шишечками!

— Ахъ, ахъ, вѣръ изъ павлиньяго пера въ окошкѣ!

Хочешь, этотъ вѣръ тебѣ куплю?

— Ничего мнѣ сегодня не надо. Иди только. Нѣть, я окончательно сбилася, — произнесла, наконецъ, Глафира Семеновна. — Рѣшительно не знаю, куда идти.

— А я знаю. Прямо. Сейчасъ и будетъ рѣшетка съ шишечкой. Городовой! Же рюсъ славянинъ де нордъ. Глаша, какъ по французски рѣшетка съ шишечкой? Вотъ городовой на углу стоять.

Но тутъ Глафира Семеновна, дабы избѣжать скандала, потянула Николая Ивановича въ переулокъ и со слезами проговорила:

— Николай Иванычъ! Уймешься ли ты? Эдакое несчастіе случилось, люди потеряли свою квартиру, не знаютъ, гдѣ переночевать, а ты клоуна изъ себя строишь!

— Я клоуна? Я? Потомственный почетный гражданинъ и кавалеръ?..

— Постой.. Кажется, напали на слѣдъ. Вонъ въ переулкѣ яма вырыта... Мы мимо этой ямы шли... — нѣсколько оживилась Глафира Семеновна. — Въ ней еще тогда два блузника землю вынимали.

— Шли, шли... Да... Теперь еще рѣшеточку съ шишечкой...

— Прикуси языкъ насчетъ рѣшетки съ шишечкой. Что это, въ самомъ дѣлѣ, заладилъ одно и то-же. Да,

здѣсь, здѣсь... Здѣсь мы шли. Воть теперь нужно свернуть, кажется, налѣво, а потомъ направо. Прибавь шагу. Чего ты ноги-то волочишь!

— Прежде налѣво, Глаша, а потомъ направо. А то знаешь что? Пойдемъ ночевать въ другую гостиницу? Паспортъ вѣдь у меня въ карманѣ. А завтра свою гостиницу разыщемъ.

— Иди, иди...

И Глафира Семеновна потянула мужа въ другой переулокъ.

— Кажется, такъ идемъ. Теперь только бы посудный магазинъ на углу найти, гдѣ старуха въ красномъ шерстяномъ чепцѣ чулокъ вязала,—продолжала она.

— И рѣшеточку съ шишечкой.

— Опять? Ежели посудного магазина не найдемъ на углу,—ну, не здѣсь.

— Собачка еще такая съ хвостикомъ закорючкой бѣгала — воть что я помню, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Такъ тебѣ собачка съ хвостикомъ закорючкой и будетъ съ утра до ночи на одномъ мѣстѣ бѣгать! Вѣдь скажетъ тоже. О, пьянство, пьянство! До чего оно человѣка доводитъ.

— Пить — умереть, и не пить — умереть, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ, — такъ ужъ лучше пить!

— Магазинъ! Посудный магазинъ! — радостно воскликнула Глафира Семеновна, когда они вышли на уголъ переулка.—Теперь налѣво, налѣво.

— А тамъ рѣшеточка съ шишечкой. Постой, Глаша. Хочешь, я тебѣ вотъ этотъ большой бокалъ куплю? Сейчасъ мы скомандуемъ старухѣ, чтобы она намъ пива...

— Иди, иди... Вонъ и красная желѣзная перчатка виситъ. Слава Тебѣ, Господи! Нашли. Сейчасъ будетъ и наша гостиница напротивъ...

Глафира Семеновна отъ радости даже перекрестилась.

— Нѣть, постой... — бормоталь Николай Ивановичъ. — Надо рѣшеточку съ шишечкой...

Но Глафира Семеновна уже не слушала и тащила мужа по направленію къ красной желѣзной перчаткѣ,

освѣщенной фонаремъ. Воть они около перчатки. Но, дивное дѣло, напротивъ перчатки подъѣзда съ надписью „Htel“ нѣтъ. Глафира Семеновна протащила мужа два-три дома вправо отъ перчатки и два-три дома влѣво — подъѣзды имѣются, но вывѣски гости-ницы нѣтъ.

— Господи, Боже мой! Да куда-же наша гости-ница-то дѣлась? Явственno помню, что противъ пер-чатки, а вывѣски нѣтъ, — говорила Глафира Семеновна.

— Рѣшеточки съ ши...

— Молчи! Надо въ перчаточный магазинъ зайти и спросить, гдѣ тутъ гостиница. Вѣдь ужъ навѣрное перчаточникъ знаетъ.

— Воть и отлично, Глаша. Зайдемъ. А я тебѣ пару перчатокъ куплю. Перчаточникъ этотъ давеча днемъ удивительно какъ мнѣ понравился. У него лицо такое, знаешь, пьющее...

Супруги перешли улицу и вошли въ перчаточный магазинъ. Перчаточникъ, какъ и утромъ, встрѣтилъ ихъ опять въ одномъ жилетѣ.

— Vous voulez des gants, madame? — спросилъ онъ.

— Вуй, вуй! Ну аштонъ де ганъ. Но дитъ же ву при — у э готель иси? Ну завонъ арете данъ готель е ну завонъ убліе ле нумеро. А вывѣски нѣтъ. Нонъ екри сюръ ля портъ. Ну рюссь... Ну де Рюсси... — пояснила Глафира Семеновна.

— Vous desirez les chambres garnies, madame?

— Вуй, вуй... Должно быть, ле шамбръ гарни. Тамъ энъ вье мосье хозяинъ и енъ вье мадамъ.

— Voila, madame. C'est la porte des chambres gar-nies, — указалъ перчаточникъ.

— А пуркуа не па зекри сюръ ля портъ?

— Ces chambres sont sans écritauv, madame. Voila la porte.

— Здѣсь, здѣсь... Только безъ вывѣски. Подъ-ѣздъ напротивъ, — радостно проговорила Глафира Семеновна.

Выбравъ себѣ перчатки, она повела мужа изъ магазина. Николай Ивановичъ, было, обернулся къ перчаточнику и воскликнулъ:

— Рюссь е Франсэ... Бюонъ ле венъ ружъ
Вивъ ля Франсъ!

Но Глафира Семеновна просто напросто выпихала
его за дверь.

Черезъ минуту они звонились у своего запертаго
уже подъѣзда. Имъ отворилъ самъ стариkъ хозяинъ.

Въ глубинѣ подъѣзда стояла старушка хозяйка.

XXXVI.

Забравшись къ себѣ въ пятый этажъ, а по париж-
ски—только въ „troisième“, супруги задумали напиться
чаю съ бутербродами. То-есть задумала собственно
одна Глафира Семеновна, ибо Николай Ивановичъ быль
совсѣмъ пьяни и, снявъ съ себя пиджакъ и жилетъ,
пробовалъ подражать танцовщицѣ изъ египетскаго
театра, изображая знаменитый „danse de ventre“, но
ничего, разумѣется, не выходило, кроме того, что его
качало изъ стороны въ сторону. Ноги окончательно
отказались ему служить, и онъ проговорилъ:

— Мудреная это штука танцы животомъ, особенно
при моей тѣлесности.

— Кончишь ты ломаться сегодня, или не кон-
чишь! — крикнула Глафира Семеновна.

— Да за неволю кончу, коли ничего не выходитъ.
Нѣть, должно быть, только тѣ египетскія муміи могутъ
этотъ танецъ танцевать.

— Клоунъ, совсѣмъ клоунъ! И что это у тебя за
манера дурака изъ себя ломать, какъ только выпьешь! —
воскликнула Глафира Семеновна и стала звонить слугу
въ электрическій колокольчикъ.

Позвонила она разъ, позвонила два, три раза, но
все-таки никто не показывался въ дверяхъ.

— Спять тамъ всѣ, что-ли? — проговорила она. —
Но вѣдь всего еще только одиннадцать часовъ.

Она позвонила въ четвертый разъ. Въ корридорѣ
послышались шаги и ворчанье, потомъ стукъ въ дверь,
и въ комнату заглянулъ стариkъ-хозяинъ. Онъ быль

въ бѣломъ спальномъ колпакѣ, въ войлочныхъ туфляхъ, въ ночной сорочкѣ и безъ жилета.

— Qu'est-ce qu'il y a? Qu'est-ce qu'il y a? Qu'avez vous donc? — удивленно спрашивалъ онъ.

— Ну вулонъ буаръ дю тэ... Апорте ля машинъ дю тэ, ле тасъ е ля тэйерь. Э анкоръ ле бутербродъ, — отнеслась къ нему Глафира Семеновна.

— Comment, madame? Vous voulez prendre du thé?
Mais la cuisine est fermée déjà. Tout le monde est couché... Il est onze heures et quart.

— Здравствуйте .. Въ одиннадцать часовъ вечера ужъ и чаю напиться нельзя. Кухня заперта, всѣ спать... вотъ какіе парижскіе порядки, — взглянула Глафира Семеновна на мужа. — А я пить до страсти хочу.

— Что жь, Глаша, тогда мы бутылочку красненькаго съ водицей выпьемъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Чтобы я вамъ еще дома позволила пьянствовать? Ни за что на свѣтѣ! Лучше ужъ вонъ холодной воды изъ графина напьюсь.

— Да какое-же тутъ пьянство, ежели красненькое вино съ водицей!..

— Молчите.

Старикъ-хозяинъ, видя такіе переговоры насчетъ чаю и замѣчая неудовольствіе на лицѣ постояльцевъ, вообразилъ, что Глафира Семеновна, можетъ быть, больна, хочетъ лѣчиться чаемъ, какъ вообще имъ только лѣчатся французы, и спросилъ:

— Etes-vous malade, madame? Alors...

— Какъ маладъ? Команъ маладъ? Здорова, даже очень здорова. Я ъсть хочу. Же ве буарь е манже. Нельзя дю тэ, такъ апорте муа дю пянъ, дю беръ е де вьяндъ фруа. Же демандъ фруа. Ля кюизинъ е ферме, такъ апорте муа фруа. Ля вьяндъ фруа...

— C'est impossible madame. A présent nous n'avons point de viande...

— Какъ? И де въяндъ фруа нѣтъ? Какой-же послѣ этого у васъ готель пуръ вояжеръ, ежели даже холоднаго мяса нѣтъ! Ну, ля въяндъ нельзяа, такъ фромажъ. Фромажъ и пянь бланъ.

— Seulement jusqu'à neuf heures, madame, mais à

présant il est plus de onze heures, madame, — развель руками старикъ-хозянъ.

— Только до девяти часовъ, видите-ли, можно что нибудь съѣстное получить, — опять взглянула Глафира Семеновна на мужа. — Ну, гостиница!

— Просто шамбръ-гарни здѣсь, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ и прибавилъ: — спроси бутылочку краснаго-то вина. Красное вино навѣрное ужъ есть. Ежели и кухня заперта, такъ вѣдь его ни варить, ни жарить.

— Понимаешь ты, я уже спрашивала холоднаго мяса и сыру—и то нѣтъ.

— А красное вино навѣрное есть. Французы его походя трескаютъ. Венъ ружъ, монсье... Апорте венъ ружъ, можно? — обратился Николай Ивановичъ къ хозяину.

Тотъ пожалъ плечами и отвѣчалъ:

— Oui, monsieur. Je vous procurerai...

— Видиши, видиши! Красное вино есть-же!

— Но вѣдь это только пойло. А я ъесть хочу. Понимаешь ты—ъсть! — раздраженно сказала Глафира Семеновна.

— Ну, такъ булки спроси, ежели ничего нѣтъ. Красное вино съ булочкой отлично.

— Же ве манже, монсье, — опять обратилась къ хозяину Глафира Семеновна. — Ну, ле венъ ружъ. Бъенъ. И апорте муа хоть дю пянъ блянъ. Же ве супе.

— Oh, que c'est dommage, que nous n'avons rien pour vous donner à manger, madame, — отвѣчалъ хозяинъ, покачавъ головой. — Mais du vin et du pain je vous apporterai tout de suite. Une bouteille?*) — освѣдомился онъ.

— Де... де... де! — закричалъ Николай Ивановичъ, понявъ, что спрашиваетъ хозяинъ, и показалъ ему два пальца, прибавивъ: — Де бутель!

— Нонъ, нонъ. Энъ... Селеманъ энъ, — подхва-

---

*) О, какъ это жалко, что у насть ничего нѣтъ, чтобы дать вамъ покушать, мадамъ; но вина и хлѣба я вамъ сейчасъ принесу. Одну бутылку?

тила Глафира Семеновна и строго сказала мужу: — не дамъ я тебѣ напиваться!

Хозяинъ недоумѣвалъ.

— Une bouteill ou deux? — спрашивалъ онъ.

— Энъ, энъ... — показала одинъ палецъ Глафира Семеновна.

Хозяинъ удалился и черезъ минутъ десять принесъ на подносѣ бутылку краснаго вина, два стакана, большой кусокъ хлѣба, кусочекъ масла и полдюжины персиковъ, прибавивъ:

— Voilà, madame, c'est tout ce que nous avons à présent. Bonne nuit, madame *) — раскланялся онъ и исчезъ.

Глафира Семеновна принялась намазывать масломъ почерствѣлый уже съ утра хлѣбъ и съ горестью воскликнула:

— И это въ Парижѣ должна я такъ ужинать, въ городѣ, который славится всякой ъдой, откуда къ намъ въ Россію разные знаменитые повара ъдутъ. Ну, смотрите: черствый хлѣбъ, какое-то горькое масло, помятые персики.

— Должно быть здѣсь въ Парижѣ не ужинаютъ, что-ли—отвѣтилъ Николай Ивановичъ.—Вѣдь и у насъ есть такіе города. Про калужанъ вонъ говорятъ, что калужане тоже не ужинаютъ, а пойдяты, да такъ и спятъ.

— Глупыя и пьяныя остроты. Молчите!

— Да что ты сердишься-то, Глаша! Красненькое винцо есть, хлѣбъ есть—ну, и слава Богу.

— Это вамъ, пьяницѣ, лестно красное вино, а я чаю хочу. Нѣть, при такихъ парижскихъ порядкахъ завтра надо непремѣнно спиртовую лампу себѣ купить, спирту и жестяной чайникъ. Скипятилъ на лампѣ воду, заварилъ чай—и чудесно. Да не забыть-бы завтра булокъ и закусокъ на ночь купить.

— Какъ-же ты будешь завтра покупать закуски, ежели ты даже не знаешь, какъ закуски по-французски

---

*) Вотъ все, мадамъ, что у насъ нашлось. Доброй ночи.

называются? Вѣдь ужъ давеча въ ресторанѣ стала втуникъ.

— Въ словарѣ спрвлюсь.

Поужинавъ хлѣбомъ съ масломъ и персиками, Глафира Семеновна запила все это краснымъ виномъ съ водой и легла спать. Николай Ивановичъ допилъ остатки краснаго вина и тоже началъ укладываться.

XXXVII.

Ночь въ гостиницѣ была проведена Николаемъ Ивановичемъ и Глафирай Семеновной безъ приключений. Утромъ напившись кофе, Глафира Семеновна принялась одѣваться, чтобыѣхать на выставку.

На этотъ разъ она уже не надѣла ни шелковаго платья, какъ вчера, ни бархатнаго пальто, ни бриллиантовъ.

— Не стоитъ, не передъ кѣмъ рядиться. Вчера на выставкѣ, судя по нарядамъ, словно однѣ кухарки и горничныя были,—говорила Глафира Семеновна. — Да что горничныя? Наша Афимья вырядится въ праздникъ да пойдетъ со двора, такъ куда наряднѣе вчерашихъ тряпичницъ на выставкѣ.

Облеклась она въ простенькое сѣрое шерстяное платье, въ дорожный ватерпруфъ и въ ту самую шляпку, въ которойѣхала въ вагонѣ, и вышла съ мужемъ на улицу.

На этотъ разъ супруги уже не были плохи и спросили внизу у хозяина печатный адресъ тѣхъ меблированныхъ комнатъ, гдѣ они остановились.

— Теперь ужъ не будемъ блуждать ночью по улицамъ, отыскивая свою гостиницу, — бормотала Глафира Семеновна, радуясь своей запасливости.—Въ случаѣ, если гдѣ въ незнакомыхъ улицахъ запутаемся—сейчасъ извозчику карточку покажемъ: „Коше... вуаля куда... алле... вези“... — вотъ и вся недолга... А ты, милый мой, ужъ, пожалуйста, не напивайся сегодня. А то вчера дорвался до винища и давай лакать.

— Да меня, Глаша, и вчера бы не осатанило, ежели-

бы я плотно пообѣдалъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — А это я вчера съ голоду. Ну, какой у насъ былъ обѣдъ!

— Ну, не скажи! Ты вѣдь цѣлый графинъ коньяку въ театрѣ выхлебалъ. Съ этого и послѣ какого угодно сытнаго обѣда всякий осатанѣеть.

— Все-таки мы ужъ сегодня гдѣ-нибудь въ другомъ ресторанѣ пообѣдаемъ, а не во вчерашнемъ. Ну, заплатимъ восемь четвертаковъ съ носу безъ вина, десять четвертаковъ, только-бы чтобъ было пищи до отвалу. Узнаемъ, гдѣ самый лучшій ресторанъ, войдемъ въ него и такъ-таки гарсона и спросимъ: „Комбянь стоитъ манже до отвалу?“ Какъ по-французски называется „до отвалу“?

— До отвалу?—задумалась Глафира Семеновна и отвѣчала: — Не знаю... Ты все про такія слова меня спрашиваешь, про которыхъ насъ не учили. Да что-жъ тутъ!—прибавила она. — Мудрость-то не велика объяснить, чтобы поняли. Скажемъ, чтобъ большой обѣдъ подали... „Гранъ дине“... Вотъ, моль, „жюскиси“—ну, и покажу на горло. Чтобъ, моль, быть сыту по горло.

— Такъ ужъ ты, пожалуйста, объясни гарсону, какъ только мы будемъ обѣдать. „Гранъ дине“... Это отлично. А ежели ужъ придется опять не дине, а порціями брать, то мы будемъ всего по двѣ порціи на каждого требовать и много-много блюдъ назакажемъ. Виши, здѣсь порціи-то какія маленькия.

Черезъ пять минутъ супруги наняли извозчика и вѣхали въ экипажъ на выставку.

XXXVIII.

У кассы, гдѣ продаются билеты для поднятія на Эйфелеву башню, — хвостъ. Пришлось становиться и ждать очереди.

— Вотъ живутъ-то! Куда ни сунься, — вездѣ очереди жди. Хвостъ, хвостъ и хвостъ... Весь Парижъ въ хвостахъ,—ропталъ Николай Ивановичъ.—На выставку

входишь — хвостъ, на башню лѣзешь — хвостъ. Вчера даже обѣдать шли въ хвостѣ.

— На башню лѣзть, такъ хвостъ-то даже и лучше. Всегда одуматься можно, пока въ хвостѣ стоишь, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Уйдемъ Николай Иванычъ, отсюда... Ну, что намъ такое башня! Да провались она совсѣмъ.

— Что ты! что ты! Ни за что на свѣтѣ! Продвигайся, продвигайся...

Билеты взяты. Публика стремится къ подъемной машинѣ. Здѣсь опять хвостъ.

Подъемной машины еще не было. Она была на верху. Но вотъ заскрипѣли блоки, завизжали колеса, катящіяся по рельсамъ, и громадная карета начала спускаться.

— Фу, прямо на нась. Даже духъ замираеть. А запрутъ въ курятникъ да начнутъ поднимать, такъ еще хуже будетъ, — продолжала бормотать Глафира Семеновна, держась за пальто мужа.

— А ты зажмурься—вотъ и не будетъ страшно.

Три раза поднималась и опускалась карета, пока супругамъ пришла очередь занять въ ней мѣста. Наконецъ, они вошли и помѣстились на деревянныхъ скамейкахъ, стоящихъ въ рядахъ. Дверцы кареты задвинулись. Глафира Семеновна перекрестилась и слегка зажмурилась. Свистокъ, и карета, глухо постукивая колесами о рельсы, начала плавно подниматься наверхъ. Глафира Семеновна невольно взвизгнула и вѣпѣлась въ рукавъ мужа. Она, дѣйствительно, боялась, пѣблѣднѣла и слезливо моргала глазами. Николай Ивановичъ, какъ могъ, успокаивалъ ее и говорилъ:

— Эка дура, эка дура! Ну, съ чего ты? Вѣдь и я съ тобой... Полетимъ внизъ, такъ ужъ вмѣстѣ.

Наконецъ, карета остановилась, и кондукторъ открылъ дверцу.

— Ну, вотъ и отлично... Ну, вотъ и прїѣхали... Ну, вотъ и первый этажъ. Чего тутъ бояться? — старался ободрить Николай Ивановичъ жену, выводя ее изъ кареты.

— Господи! Пронеси только благополучно! Угод-

ники Божіи, спасите... — шептала та. — Вѣдь какой грѣхъ-то дѣлаемъ, взобравши сюда. За вавилонское столпотвореніе какъ досталось людямъ! Тоже вѣдь башня была.

— Вавилонская башня была выше.

— А ты видѣлъ? Видѣлъ ее?

— Не видаль, да вѣдь прямо сказано, что хотѣли до небесъ...

— А не видаль, такъ молчи!

— Я и замолчу, а только ты успокойся, Христа ради. Посмотри: вѣдь никто не робѣетъ. Женщинъ много, и ни одна не робѣетъ. Вонъ католической попъ ходить — какъ ни въ чемъ не бывало. Батюшки! Да здѣсь цѣлый городъ! Вонъ ресторанъ, а вотъ и еще...

— Тебѣ только рестораны и замѣчать. На что другое тебя не хватить, а на это ты мастеръ.

— Да, вѣдь, не выколоть-же, душечка, себѣ глаза. Фу, сколько народу! Даже и къ рѣшеткѣ-то не пробраться, чтобы посмотреть внизъ. Ну, какъ эдакую уйму народа вѣтромъ сдунуть? Такого и вѣтра то не бываетъ. Протискивайся, протискивайся скорѣй за мной, — тянулъ Николай Ивановичъ жену за руку, но та вдругъ опять поблѣднѣла и остановилась.

— Шатается... Чувствую, что шатается, — прошептала она.

— Да полно... Это тебѣ только такъ кажется. Ну, двигай ножками, двигай. Чего присѣла, какъ насѣдка! Всѣ веселы, никто не робѣетъ, а ты...

— У тѣхъ своя душа, а у меня своя...

Кое-какъ супруги протискались къ рѣшеткѣ...

— Фу, вышь какая! А только вѣдь еще на первомъ этажѣ, — воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Люди-то, люди-то, какъ букашки внизу шевелятся. Дома-то, дома-то? Смотри-ка, какіе дома-то! Какъ изъ картъ. Батюшки! Вдалъ то какъ далеко видно. Сена-то, какъ ленточка, а пароходики на ней, какъ игрушечные. А вонъ вдали еще рѣчка. Знаешь, что, Глаша, я думаю, что ежели въ подзорную трубу смотрѣть, то отсюда и наша Нева будетъ видна.

Глафира Семеновна молчала.

Супруги протискивались къ столику, за которымъ пожилая женщина въ черномъ платьѣ продавала почтовыя карточки съ изображеніемъ Эйфелевой башни.

— Катръ... Катръ штукъ... Или даже не катръ, а сенкъ, — сказалъ Николай Ивановичъ, выкидывая на столъ пятифранковую монету.

— Je vous en prie, monsieur, — отсчитала продавщица карточки и сдала сдачу.

— Учтивый народъ, вотъ за что люблю! Все „же ву при“, все „monsie“ — восторгался Николай Ивановичъ. — Ну, Глаша, теперь въ ресторанъ, гдѣ тирольки съ рогами. Надо-же вѣдь гдѣ-нибудь письма-то написать. Кстати и тиролекъ этихъ самыхъ посмотримъ.

— Да ужъ иди, иди. Счастливъ твой богъ, что у меня ноги съ испугу дрожать, и я рада-радешенька, только-бы мнѣ присѣсть гдѣ, а то ни за что-бы я не пошла ни въ какой ресторанъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

Супруги направились въ Эльзасъ-Лотарингскую пивную.

XXXIX.

Эльзасъ-лотарингская пивная, уставленная множествомъ маленькихъ столиковъ, была переполнена публикой. За столиками пили пиво и писали открытые письма знакомымъ. Между столиками шныряли прислуживавшія въ пивной женщины въ шерстяныхъ зеленыхъ юбкахъ, бѣлыхъ кисейныхъ лифахъ съ широкими рукавами буфами и съ переплетомъ изъ черныхъ лентъ, на груди и на спинѣ. Головной уборъ женщинъ состоялъ изъ широкихъ черныхъ лентъ, прикрепленныхъ на макушкѣ громаднымъ бантомъ, концы которого поднимались кверху, какъ-бы рога. Женщины разносили пиво и чернильницы съ перьями для писанія писемъ, но большинству посѣтителей чернильницъ не хватало, и приходилось писать карандашомъ. Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна помѣстились за столикомъ.

— Де бъеръ. . скомандовалъ Николай Ивановичъ и подошедшей къ столу женщинѣ. — Де, — прибавилъ онъ, показалъ ей два пальца, улыбнулся и проговорилъ: — Ахъ, ты рогатая, рогатая! Признавайся: многихъ-ли сегодня забодала? Глаша! Переведи по-французски!

— Да ты въ умѣ? — вскинулась на него супруга. — Онъ будетъ при мнѣ съ паршивой дѣвчонкой любезничать, а я ему переводи!

— Какая-же она паршивая дѣвчонка! Она прислужающая гарсонша, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Ну, довольно. Алле, мадамъ, и апорте де бъеръ.

— Deux boks? — переспросила прислуга.

— Бъеръ, бъеръ и больше намъ ничего не надо, — отвѣчала Глафира Семеновна, думая, что подъ словомъ “bok” нужно понимать еще какое-нибудь угощеніе. — Какой-то бокъ предлагаетъ! — замѣтила она мужу.

— Да, можетъ, бокъ-то значитъ — чернильница.

— Чернильница анкріеръ. Это-то я знаю. Учиться въ пансіонѣ да не знать, какъ чернильница по-французски!

— Такъ спроси чернильницу-то. Вѣдь будемъ письма писать. Эй, гарсонша! — крикнулъ вслѣдъ прислугѣ Николай Ивановичъ, но та не вернулась на зовъ.

Черезъ минуту она явилась съ двумя стаканами пива и поставила на столъ.

— Лянкріеръ... Апорте лянкріеръ... — обратилась къ ней Глафира Семеновна.

— A présent nous n'en avons point, madame, — развела та руками. — Si vous voulez un crayon? — предложила она и вынула изъ кармана карандашъ.

— Да можно-ли карандашомъ-то писать письма? — усомнился Николай Ивановичъ, вертя въ рукахъ карандашъ.

— Ecrivez seulement, monsieur, écrivez, — ободряла прислуга, понявъ его вопросъ по недоумѣнію на лицѣ, и прибавила: — Tout le monde écrit avec le crayon.

— Пиши карандашомъ. Что за важность! Всѣ пишутъ, сказала Глафира Семеновна.

— Нѣть, я къ тому, что я хотѣлъ также написать

и его превосходительству Алексѣю Петровичу, съ которымъ состою членомъ въ пріютѣ: такъ по чину-ли ему будетъ карандашомъ-то? Какъ-бы не обидѣлся?

— Изъ поднебесья-то письма посылаешь, да чтобы стали обижаться! Слава Богу, что здѣсь на Эйфелевой башнѣ хоть карандашъ-то нашелся. Пиши, пиши!

Николай Ивановичъ взялъ въ руку карандашъ и написалъ:

„Ваше превосходительство, Алексѣй Петровичъ! Находясь на Эйфелевой башнѣ, съ глубокимъ чувствомъ вспомнилъ объ васъ и повергаю къ стопамъ вашего превосходительства мой низкій поклонъ, какъ славянинъ славянину, и пью за ваше здоровье въ тирольскомъ ресторанѣ“...

Написавъ первое письмо, онъ тотчасъ прочелъ его женѣ и спросилъ:

— Ну, что: хорошо?

— Къ чemu ты тутъ славянство-то приплелъ? — спросила Глафира Семеновна.

— А это онъ любить. Пушай. Ну, теперь Михаилу Федорычу Трынкину .. То-то жена его расцарапается отъ зависти, прочитавъ это письмо! Вѣдь она раззванила всѣмъ знакомымъ, что ѳдетъ съ мужемъ заграницу, а мужъ-то, кажется, предъ кредиторами кафтанъ выворачивать вздумалъ.

Было написано и второе письмо. Оно гласило:

„Милостивый государь, Михаилъ Федорычъ! Вознесшись на самую вершину Эйфелевой башни съ супругой и находясь въ поднебесье, куда даже птицы не залетаютъ, я и жена шлемъ вамъ поклонъ съ этой не-объятной высоты, а также и супругъ вашей Ольгѣ Трасьевнѣ. Тамъ, гдѣ мы сидимъ, летаютъ облака и натыкаются на башню. Вся Европа, какъ на ладони, сейчасъ мы видѣли даже Америку въ бинокль. Страшно, но очень чудесно. Сначала оробѣли, но теперь ничего, и пьемъ пиво. Поклонъ сосѣдямъ по рынку. Будьте здоровы“.

Прочтено женѣ и второе письмо.

— Какія такія облака на башню натыкаются? Что ты врешь! — удивленно спросила та.

— Пущай. Ну, что за важность! Главное, мнѣ, чтобы Ольгу-то Тарасьевну раздразнить. Да давеча и на самомъ дѣлѣ, одно облако...

— Ничего я не видала. И, наконецъ, про Америку...

— Да брось. Ну, теперь кому?... Теперь напишу Скалкину,—сказалъ Николай Ивановичъ и сталъ писать. Въ письмѣ стояло:

„Изъ дальнихъ французскихъ странъ, среди бу-
шующей бури на Эйфелевой башнѣ, посылаю тебѣ,
Иванъ Лукьянъчъ, свой поклонъ. Насилу поднялись.
Вѣтромъ такъ качало, что просто ужаси. Ежели тебѣ
на пароходѣ было страшно, когда вѣсъ качало вѣтромъ
во время поѣздки на Валаамъ, то тутъ во сто разъ
страшнѣе. Жена упала даже въ обморокъ, но ее спасъ
спиртомъ одинъ англичанинъ. А я ни въ одномъ глазѣ...
Эйфелева башня въ десять разъ выше петербургской
думской каланчи, а наверху флагъ. Мы сидимъ около
этого флага и пьемъ шампанское, которое здѣсь де-
шевле пареной рѣпы“.

— Для чего-же ты врешь-то все?—замѣтила мужу
Глафира Семеновна, когда письмо было прочитано.

— Душечка, да нешто онъ можетъ узнать, что я
вру? Пущай... Такъ лучше... Зависти будетъ больше.
Вѣдь и Скалкинъ бахвалилъ, что поѣдетъ заграницу на
выставку, однако, вотъ не попалъ,—отвѣчалъ Николай
Ивановичъ. Кому-бы еще написать?—задумался онъ.

— Да брось ты писать. Давай, я только маменькѣ
напишу,—сказала Глафира Семеновна и, придвинувъ къ
себѣ карточку, принялась писать, говоря вслухъ.

„Любезная мамаша, здравствуйте. Вчера мы благо-
олучно прїѣхали въ городъ Парижъ, а сегодня въ воз-
душной каретѣ поднялись на Эйфелеву башню“...

— А сама зачѣмъ врешь?—попрекнуль жену Николай Ивановичъ.—Даже маменькѣ родной врешь. Какая такая воздушная... карета?

— А клѣтка-то, въ которой мы поднимались?
Вѣдь она воздушная... вѣдь мы по воздуху...

— Врешь!.. По рельсамъ катились.

— Но все-таки вѣдь наверхъ, на воздухъ взби-
рались, а не на гладкомъ мѣстѣ.

— Пиши ужъ, пиши... Богъ съ тобой!

— Пожалуй, я слово „воздушной“ зачеркну...

— Да ничего, ничего. Напиши только, что птицы такъ и гнались за нами.

— Зачѣмъ-же я буду писать, чего не было?

— Ну, тогда я напишу Терентьевымъ, что тебя на высотѣ большой орелъ клюнулъ и чуть шляпку съ тебя не сорвало, но я его убилъ зонтикомъ.

— Нѣть, нѣть... маменька исцугается. Она и такъ плакала, когда мы уѣзжали, и беспокоилась обо мнѣ. Надо ее успокоить.

„Обнимаю вѣсъ и цѣлую съ высоты Эйфелевой башни ваши ручки и прошу родительского благословенія, навѣки нерушимаго. Погода отличная и тутъ совсѣмъ не страшно. Николай Иванычъ также цѣлуетъ вѣсъ“. Вотъ и все...

— Непремѣнно напишу Терентьевымъ, что орелъ хотѣлъ шляпку съ тебя сорвать, но я убилъ его зонтикомъ, — стоялъ на своемъ Николай Ивановичъ и, допивъ пиво, крикнулъ прислуживавшей женщинѣ, показывая на пустой стаканъ:

— Гарсонъ! Мамзель! Анкоръ!

XL.

Удаляясь изъ пивной, супруги опустили написанныя въ Россію открытыя письма въ почтовый ящикъ, находившійся тутъ-же въ первомъ этажѣ Эйфелевой башни, и Николай Ивановичъ сказалъ женѣ:

— Ну, теперь во второй этажѣ башни. Собирайся, Глафира Семеновна. Вонъ билетная касса.

Опять покупка билетовъ на подъемную машину. Опять хвостъ. Наконецъ, добрались до каретки подъемной машины. На этотъ разъ каретка была меныше. Глафира Семеновна ужъ безъ робости вошла въ нее. Свистокъ, и подъемная машина начала поднимать карету. Опять свистокъ, и карета остановилась. Супруги вышли изъ нея. Глафира Семеновна взглянула направо и налево,—передъ глазами только желѣзные переплеты

башни, окрашенные въ рыжеватый красный цвѣтъ, а дальше—воздухъ и ничего больше. Глафири Семеновнѣ вдругъ сдѣлалось жутко.¹ Она разставила ноги и остановилась схвативъ мужа за рукавъ.

— Николай Иванычъ, страшно. Ей-ей, я чувствую, какъ башня шатается,—проговорила она.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ... Это одно головное воображеніе. Ну, пойдемъ къ периламъ и посмотримъ внизъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ни за что на свѣтѣ! Перила обломятся, да еще полетишь, чего доброго... Да и что тутъ смотрѣть... Взбрались съ нась и довольно. Теперь и спустимся внизъ...

— Какъ внизъ? Еще два этажа.

— Ни за какія коврижки я больше подниматься не стану.

— Глаша, да какъ-же это? Добраться до второго этажа и вдругъ...

² — Слишкомъ достаточно. Вѣдь что на второмъ, то и на третьемъ этажѣ, то и на четвертомъ, только развѣ что немножко повыше. И тутъ вокругъ небеса — и ничего больше, и тамъ вокругъ небеса — и ничего больше.

— Да можетъ быть, тамъ облака...

— Ты вѣдь облака видѣлъ на первомъ этажѣ и даже писалъ объ нихъ знакомымъ, такъ чего-жъ тебѣ?.. У тебя ужъ на первомъ этажѣ облака о башню заѣвали.

— Да вѣдь это я такъ только. Ну, какъ-же не взобраться на самую вершину! Вдругъ кто-нибудь спросить...

— Разсказывай, что взбирался на самую вершину. Да ты ужъ и рассказалъ въ письмѣ къ Скалкинымъ, что мы сидимъ на самой вершинѣ около флага и пьемъ шампанское. Ну, смотри здѣсь во второмъ этажѣ все, что тебѣ надо, и давай спускаться внизъ.

Они подходили къ столику, гдѣ продавались медали съ изображеніемъ башни.

— Давай хоть пару медалей купимъ. Все-таки на манеръ башенныхъ паспортовъ будетъ, что, дескать,

были на башнѣ, — сказалъ Николай Ивановичъ и купилъ двѣ медали.

У другого столика купили они также пару моделей Эйфелевой башни, зашли и на площадку, гдѣ стояцій около телескопа французъ въ кѣпи зазывалъ публику посмотретьъ на небо, выкрикивая название планетъ и созвѣздій, которыхъ можно видѣть въ телескопъ. Уплативъ полфранка, Николай Ивановичъ взглянуль въ трубу и воскликнулъ:

— Глаша! Да тутъ среди бѣлага дня звѣзды видно — вотъ мы на какой высотѣ. Ахъ, непремѣнно нужно будетъ про это написать кому-нибудь въ Петербургъ.

Заглянула въ телескопъ и Глафира Семеновна и пробормотала:

— Ничего особеннаго. Звѣзды, какъ звѣзды.

— Да, вѣдь, днемъ, понимаешь-ли ты, днемъ!

— Стекло такъ устроено — вотъ и все.

— Воображаю я, что на четвертомъ этажѣ! Оттуда въ такую трубку, навѣрно, Лиговку увидать можно и нашъ домъ около Глазова моста. А ну-ка, мусье, наставь на Петербургъ. Глаша, скажи ему, чтобы онъ на Петербургъ трубку наставилъ.

— Вуаръ Петербургъ онъ пе? — спросила французъ Глафира Семеновна.

Тотъ отрицательно покачалъ головой и проговорилъ:

— Oh, non, madame, c'est une autre chose.

— Нельзя. Говоритъ, что нельзя... — отвѣтила Глафира Семеновна.

— Вретъ. Де франкъ, мусье. Наставь... — протянуль Николай Ивановичъ французу деньги.

Французъ не бралъ денегъ.

— Ну, труа франкъ. Не хочешь и труа франкъ? Тогда зажрался, значитъ.

— Давай скорѣй внизъ спускаться, Николай Иванычъ, — сказала Глафира Семеновна мужу. — Спустимся внизъ и будемъ искать какой-нибудь ресторанъ, чтобы позавтракать. Я страшно ъѣсть хочу. Пиво-то пили, а ъѣсть-то ничего не ъили.

— Да неужто, Глаша, мы не поднимемся на вершину?

— Нѣтъ, нѣтъ!

Шагъ за шагомъ добрались супруги среди толпы до спускной машины, которая уже сразу спускала изъ второго этажа внизъ, и стали въ хвостъ, дабы ждать своей очереди. Здѣсь Николай Ивановичъ опять увидѣлъ столикъ съ продающимися почтовыми карточками, не утерпѣлъ, купилъ еще одну карточку и тотчасъ-же написалъ въ Петербургъ самое хвастливое письмо одному изъ своихъ знакомыхъ—Терентьеву. Онъ писалъ:

„Сидя на вершинѣ Эйфелевой башни, пьемъ за ваше здоровье. Вокругъ нась летаютъ орлы и дикие коршуны и стараются заклевать нась. Вѣтеръ реветь и качаетъ башню изъ стороны въ сторону. Сейчасъ одинъ орелъ вѣпился въ шляпку Глафиры Семеновны и хотѣлъ сорвать, но я убилъ его зонтикомъ. Находимся на такой ужасной высотѣ, что даже днемъ звѣзды на небѣ видны, хотя теперь солнце. Каждая маленькая звѣзда кажется здѣсь аршина въ три величины, а луна такъ больше Гостиаго двора и на ней видны люди и разные звѣри. Спускаемся внизъ, потому что ужъ больше невтерпѣжъ сидѣть. Прощайте. Будьте здоровы“.

Письмо это Николай Ивановичъ не прочелъ женѣ и сразу опустилъ его въ почтовый ящикъ.

Черезъ четверть часа супруги сидѣли въ каретѣ спускной машины и катились по отвѣснымъ рельсамъ внизъ.

— Вотъ спускаться, такъ совсѣмъ не страшно, — говорила Глафира Семеновна. — Точь-вѣ-точъ съ ледяныхъ горъ на Крестовскомъ катишься.

— Ахъ, Глаша, Глаша! Какого мы дурака сломали, что на вершину башни не поднялись! — вздыхалъ Николай Ивановичъ.

— Ничего не значитъ. Дома въ Петербургѣ всѣмъ будемъ рассказывать, что около самаго флага сидѣли, — отвѣчала супруга.

Позавтракать супругамъ удалось на этот разъ довольно плотно.

Они вышли изъ ресторана вполнѣ довольные судьбой. Мимо нихъ шли катальщики кресель въ сѣрыхъ нанковыхъ блузахъ и въ синихъ кѣпи съ краснымъ кантомъ, везя предъ собой кресла.

— Не хочешь-ли на французѣ покататься? — предложилъ женѣ Николай Ивановичъ, кивая на кресло.

— Дѣйствительно, было-бы хорошо, потому я страсть какъ устала, но ужъ очень стыдно, — отвѣчала Глафира Семеновна. — Вдругъ человѣкъ на человѣкѣ!..

— Ты дама, а не человѣкъ. Мужчинѣ это точно, что стыдно. Эй, ломъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ катальщику. — Или какъ тебя? Гарсонъ! Нѣть не гарсонъ. Какъ катальщикъ-то, Глаша, по-французски?

— Да развѣ можно всѣ французскія слова знать! Вѣдь я не француженка. Помани его—онъ и остановится.

— Эй, эй! Лошадь на двухъ ногахъ! Шевалье! — махалъ зонтикомъ Николай Ивановичъ.

Катальщикъ направилъ къ нему свое кресло.

— На шевалье-то откликнулся. Вѣрно, ихъ здѣсь шевалью зовутъ, — улыбнулся Николай Ивановичъ и, указавъ на Глафиру Семеновну, прибавилъ: — Пуръ ля дамъ. Комбъянъ?

— Oh, monsieur, jai sais, que madame sera aimable,— отвѣчалъ катальщикъ.

— Сколько? Глаша! Сколько онъ сказалъ?

— Да онъ ничего не сказалъ.

— Не торговавшись все-таки нельзя. Богъ знаетъ, сколько слупить. Ну, на энъ франкъ мадамъ покататься? Согласенъ? Энъ франкъ... — показалъ Николай Ивановичъ катальщику одинъ палецъ.

— Oui, oui, monsieur... je comprends... Prenez place, madame, s'il vous plait.

Глафира Семеновна сѣла въ катальное кресло. Катальщикъ всталъ сзади кресла и спросилъ кудаѣхать.

— Куда, Николай Ивановичъ? — обратилась она къ мужу.

— Почемъ-же я-то знаю! Куда глаза глядятъ, туда пускай и ъдетъ.

— Прямо, прямо. Ту друа... — скомандовала Глафира Семеновна.

Катальщикъ покатилъ кресло. Николай Ивановичъ шелъ рядомъ и говорилъ женѣ:

— Пріѣдешь въ Петербургъ, такъ по крайности будетъ чѣмъ похвастать: на французѣ ъздила. Вотъ ты этимъ французомъ-то своей теткѣ Парасковьѣ Кузьминишинѣ носъ и утри. Она тебѣ разсказывала, что когда въ Іерусалимъ Богу молиться ъздила, такъ ъхала и на ослахъ, и на козлахъ, и на верблюдахъ. Вотъ ты ей, вернувшись, и подпусти штучку: „вы, молъ, тетенька, и на козлахъ, и на ослахъ, и на верблюдахъ въ чужихъ краяхъ ъздили, а я на французѣ“... Это по нашему— рубль помирить и пять рублей въ гору.

— Да куда-же, Николай Иванычъ, ъхать-то? — спрашивала мужа Глафира Семеновна.

— Спроси у катальщика, что здѣсь есть особенно замѣчательнаго.

Глафира Семеновна подумала, сложила въ головѣ французскую фразу и спросила своего катальщика:

— Экуте... Кескилья иси ремаркабль? Монтре ну, же ву при...

— Oh, oui, madame. Les sauvages est-ce que vous avez vu?

— Что онъ говоритъ, Глаша?

— Дикихъ людей предлагаетъ посмотретьъ.

— Дикихъ? отлично. Пусть везетъ къ дикимъ. Вези, вези.

— Ну навонъ па вю ле соважъ... Алле... Себъенъ ле соважъ.

— Oui, madame. Vous verrez quelque chose d'admirable... Ils tangent, ils dansent, ils chautent, ils travaillent, — говорилъ катальщикъ и покатилъ кресло по направлению къ берегу Сены.

Не доѣзжая до берега Сены, катальщикъ вдругъ воскликнулъ надъ кресломъ Глафиры Семеновны:

— *L'isba russe! Madame, est-ce que vous avez vu l'isba russe?*

— Батюшки! Въ самомъ дѣлѣ, русская изба, — проговорила Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ, видиши русскую избу? Надо зайти.

— Еще бы... Здѣсь навѣрное и наши русопяты есть. Мусье, держи направо къ избѣ.

— А друать, а друать.. — командовала Глафира Семеновна.

Катальщикъ подкатилъ кресло къ маленькому деревянному зданію съ ажурными украшеніями, изображающему изъ себя что-то въ родѣ избы. Около зданія была даже скворечница на шестѣ. Глафира Семеновна быстро соскочила съ кресла и направилась въ дверь. Проколъзнула за ней и Николай Ивановичъ. Тотчасъ противъ двери стоялъ прилавокъ, и за нимъ помѣщались двѣ дѣвушки въ платьяхъ, напоминающихъ сарафаны, съ заплетенными косами, въ повязкахъ въ родѣ кокошниковъ, съ пестрыми бусами на шеяхъ. Дѣвушки продавали точеные изъ дерева игрушки, изображающія лошадокъ, козловъ, мужиковъ, медвѣдей. На прилавкѣ лежали также монастырскія четки съ крестиками, деревянныя ложки съ благословляющей рукой на концѣ черенка. За прилавкомъ на полкѣ виднѣлся тульскій самоваръ, очень плохой ларецъ съ фольговыми украшеніями, обитый по краямъ жестью, и нѣсколько красныхъ лукошечкъ новгородской работы. Надъ полкой было повѣшено полотенце съ вышитыми красной бумагой пѣтухами на концахъ, а въ углу помѣщался образъ темнаго письма съ серебрянымъ вѣнчикомъ, вставленный въ кіоту.

— Ну, вогъ, наконецъ-то и наши православные! Сейчасъ потолкуемъ по-русски послѣ долгаго говѣнья, — заговорилъ Николай Ивановичъ, подходя къ одной изъ дѣвушекъ въ сарафанѣ. — Здорово, землячка. Питерская, что ли, или изъ Москвы? — спросилъ онъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него упорнымъ взглядомъ, покачала головой и отвѣчала:

— Je ne comprends pas, monsieur...

— Какъ?! Русская дѣвица и по-руски не говорить! Дѣвушка смотрѣла и улыбалась.

— Да неужто въ самомъ дѣлѣ не говорите или притворяетесь? Притворяетесь, притворяетесь, — продолжалъ Николай Ивановичъ.

— Переодѣтая француженка—вотъ и все. Теперь я даже по физіомордіи вижу, что француженка, — сказала Глафира Семеновна.

— Ахъ, шутъ ихъ возьми! Избу русскую выстроили, а не могли русскихъ дѣвокъ привезти! Да неужто же, мамзель, вы такъ-таки ни одного слова по-руски?

— На зюнь сель мо ля рюссы? — перевела дѣвушкѣ Глафира Семеновна.

— Samowar... Kabak... Kosuchka... Tchai... Vodka... Lubli stalovatza... — послышалось въ отвѣтъ.

— Довольно, довольно... — замахалъ руками Николай Ивановичъ.

— Achetez quelque chose, monsieur! Vous aurez le souvenir d'isba russe... — предлагала дѣвушка игрушки.

— Брысы! И говорить съ тобою не желаю послѣ этого.

Николай Ивановичъ подошелъ къ другой дѣвушкѣ въ сарафанѣ.

— Тоже франсѣ? Или, можетъ статься, на грѣхъ еще нѣмка? — задалъ онъ вопросъ.

— Nous ne sommes des russes, monsieur. Nous sommes de Paris...

— Тыфу ты пропасть!

— Voilà le russe... Voilà qui parle russe...^{*)}—указала дѣвушка на токарный станокъ, за которымъ сидѣлъ молодой парень въ красной кашемировой рубахѣ и лакированныхъ сапогахъ съ наборомъ и что-то мастерилъ.

Парень улыбался. Николай Ивановичъ подошелъ къ нему.

— Русскій, землякъ?

^{*)} Вотъ русскій. Вотъ кто говорить по-руски.

— Точно такъ-сь, — отвѣчалъ тотъ по-русски. —

Изъ Сергіевскаго посада, изъ-подъ Москвы.

— Руку! Глаша! Русскій... Нашъ русопятъ. Протягивай ему руку... Не слыхали вѣдь мы еще въ Парижѣ русскаго-то языка... И ругаться умѣешь?

— Еще бы... — опять улыбнулся парень.

— Отчего же вы русскихъ-то бабъ или дѣвокъ не захватили?

— Да вѣдь возня съ ними. Тутъ въ русскомъ отдѣлѣ была привезена одна—ну, сбѣжала.

— Куда? съ кѣмъ?

— Да тоже съ русскимъ. Купецъ, говорять, какой-то. На Тирольскія горы повезъ, что ли. Самъ поѣхалъ печенку лѣчить, и она съ нимъ. Въ началѣ лѣта это еще было.

— Нравится ли Парижъ-то?

— Пища плоха, господинъ. Щей нѣть, а супы ихніе жидкіе до смерти надоѣли. Водочки нѣть.

— Да, братъ, насчетъ водки срамъ. Я самъ затосковалъ. Венъ ружъ пьешь, что-ли?

— Потребляемъ малость. Ну, коньякъ есть. А только это не та музыка.

— Пойдемъ, выпьемъ коньяку, землякъ...

— Нѣть, нѣть... — запротестовала Глафира Семеновна. — Какая тутъ выпивка! Пойдемъ дикихъ смотрѣть. Вѣдь мы на дикихъ отправились смотрѣть.

— Да нельзя же, Глаша, съ землякомъ не выпить! Вѣдь настоящій русскій человѣкъ.

— Въ другой разъ выпьешь. Вѣдь еще не завтра изъ Парижа уѣзжаемъ. Пойдемъ, Николай Иванычъ.

— Да вѣдь мы только по одной собачкѣ...

— Нѣть, нѣть... Прошлый разъ уже мнѣ надоѣло съ тобой съ пьянымъ-то возиться.

— Э-эхъ! — крякнулъ Николай Ивановичъ. — Правду ты, землякъ, говоришь, что съ бабами здѣсь возня. Ну, до свиданія. Мы еще зайдемъ.

— Счастливо оставаться, ваша милость.

Николай Ивановичъ протянулъ руку парню и, переругиваясь съ женой, вышелъ изъ избы.

Катальщикъ повезъ Глафиру Семеновну дальше.

XLIII.

Запахло, по выражению Гейне, запахомъ, неимѣющимъ ничего общаго съ одеколономъ. Катальщикъ подкатилъ кресло къ каменнымъ мазанкамъ съ плоскими крышами съверо африканскихъ народовъ, которыхъ онъ и называлъ „дикими“ (*sauvages*). Николай Ивановичъ шелъ рядомъ съ кресломъ Глафиры Семеновны. Виднѣлись каменные низенькие заборы, примыкающіе къ мазанкамъ и составляющіе дворы. Мелькали смуглолицые мужчины изъ аравийскихъ племенъ, прикрытые грязными бѣлыми лохмотьями, босые, съ голыми ногами до колѣнъ, въ тюрбанахъ, но часто обнаженные сверху до пояса, чернобородые, черноглазые, съ бѣлыми широкими зубами. Нѣкоторые изъ нихъ торговали подъ плотными навѣсами, прикрѣпленными къ заборамъ, засахаренными фруктами, нанизанными на соломинки, винными ягодами, миндаземъ, орѣхами и какими-то вышитыми цвѣтными тряпками, выкрикивая на плохомъ французскомъ языке: „Де конфитюръ, мадамъ! А бонъ марше, а бонъ марш!“ Выкрикивая название товаровъ, они переругивались на свое мъ гортанномъ нарѣчіи другъ съ другомъ, скаля зубы и показывая кулаки, для привлечения покупателей звонко хлопали себя по бедрамъ, свистѣли и даже пѣли пѣтухомъ.

— *Les sauvages...* — отрекомендовалъ катальщикъ.

— Дикіе... — перевела Глафира Семеновна, вылезая изъ кресла. — Надо посмотреть. Пойдемъ, Николай Иванычъ. Разсчитывайся съ французомъ и пойдемъ.

Николай Ивановичъ расплатился съ катальщикомъ, и они отправились къ самымъ мазанкамъ. Около мазанокъ было сырьо, грязно, мѣстами даже стояли лужи помоеvъ, валялись обѣдки, орѣховая скорлупа, кожура плодовъ, кости.

— Полубѣлаго сорта эти дикіе-то, а не настоящіе, — сказалъ Николай Ивановичъ. — Настоящій дикій человѣкъ — черный.

Маленький арабченокъ, голоногій и только съ

головы до раздвоенія туловища прикрытый бѣлой рваной тряпицеей, тотчасъ-же схватилъ Глафиру Семеновну за полу ватерпруфа и заговорилъ что-то на гор-тannomъ нарѣчіи, таша къ мазанкѣ.

— *Dix centimes, madame, dix centimes...* — выда-валась въ его рѣчи французская фраза.

Николай Ивановичъ крикнулъ ему „брысь“ и замахнулся на него зонтикомъ, но онъ не отставалъ, скалилъ зубы и сверкалъ черными, какъ уголь, гла-зенками.

— Да куда ты меня ташишь-то? — улыбнулась Глафира Семеновна.

— *Dix centimes, et vous verrez notre maison...* — повторялъ арабченокъ.

— Домъ свой показать хочетъ. Не страшно, Николай Ивановичъ, къ нимъ идти-то?

— Ничего, я думаю. Въ случаѣ чего — вонъ городовой стоитъ.

Повинуясь арабченку, они подошли къ мазанкѣ и вошли въ переулокъ, еще болѣе грязный. Подведя къ низенькой двери, ведущей въ мазанку и завѣшанной грязнымъ ковромъ, арабченокъ вдругъ остановился около нея и загородилъ входъ.

— *Dix centimes...* — строго сказалъ онъ, протя-гивая руку.

— Дай ему, Николай Ивановичъ, мѣдяшку. Де-сять сантимовъ просить. Тамъ у тебя мѣдяки въ кар-манѣ есть... — сказала Глафира Семеновна мужу.

— На, возьми, чортъ съ тобой...

Николай Ивановичъ протянулъ арабченку десяти-сантимовую мѣдную монету. Арабченокъ приподнялъ коверъ и пропустилъ въ дверь Глафиру Семеновну, но передъ Николаемъ Ивановичемъ тотчасъ-же опять загородилъ входъ.

— *Dix centimes, monsieur...* — заговорилъ онъ опять.

— Да вѣдь ужъ далъ я тебѣ, чертенку, трешницу.

— *Dix centimes pour madame, dix centimes pour monsieur...*

— Николай Иванычъ, что-же ты? Гдѣ ты? Я боюсь одна! — послышалось изъ мазанки.

— Сейчасъ, сейчасъ... Да пусти-же, чортова кукла! — оттолкнулъ онъ арабченка и ворвался въ дверь за женой.

Арабченокъ завизжалъ, вскочилъ въ мазанку и повисъ на рукѣ у Николая Ивановича, крича:

— Dix centimes, dix centimes...

— Вотъ неотвязчивый-то... Да погоди, дай посмотретьть. Потомъ дамъ, можетъ быть и больше.

— Dix sentimes, dix centimes... — не унимался арабченокъ и даже впился Николаю Ивановичу въ руку зубами.

— Кусаться? Ахъ, ты, чортъ проклятый! На подавись.

— Получивъ еще монету, арабченокъ успокоился, подбросилъ ее на рукѣ и вмѣстѣ съ другой монетой тотчасъ опустилъ въ мѣшокъ, сдѣланный изъ паголенки женскаго полосатаго чулка, висящаго у стѣны у входа. Мѣшокъ былъ уже наполовину набитъ мѣдяками.

— Каково! Кусаться вздумалъ, пострѣленокъ... — сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.

— Да вѣдь съ ними надо осторожно. Они дикие... — отвѣчала та. — А только къ чему онъ нась притащилъ сюда? Здѣсь и смотрѣть-то нечего.

Смотрѣть было, дѣйствительно, нечего. Сидѣла на циновкѣ грязная смуглая пожилая женщина въ бѣломъ покрывалѣ на головѣ, съ голыми ногами, съ голой отвисшей грудью и, прижавъ къ груди голаго ребенка, кормила его. Далѣе помѣщалась, поджавъ подъ себя ноги, передъ ткацкимъ станкомъ молоденькая дѣвушка въ бусахъ на шеѣ и ткала коверъ. Въ углу храпѣлъ, лежа внизъ лицомъ, на циновкѣ арабъ, но отъ него виднѣлись только голыя ноги съ неимовѣрно грязными пятками. Въ мазанкѣ царствовалъ полумракъ, ибо маленькое грязное окошко освѣщало плохо, воздухъ былъ сперть, пахло дѣтскими пеленками, пригорѣлымъ саломъ.

— Тыфу, мерзость! Пойдемъ назадъ... — прогово-

риль женъ Николай Ивановичъ и вывель ее изъ ма-
занки въ переулокъ.

Арабченокъ опять вертѣлся около нихъ.

— Dix centimes, monsieur...—Dix centimes. Je vous montrerai quelque chose, — кричаль онъ, протягивая руку.

— Какъ, и за выходъ платить надо? Ну, братъ, ужъ это дудки! — возмутился Николай Ивановичъ. — Городовой! Гдѣ городовой!

— Онъ еще показать что-то хочетъ. Пусть возь-
метъ мѣдячокъ. Вѣдь бѣдный... Ницій... — сказала Глафира Семеновна и, взявъ у мужа монету, передала арабченку.

Получивъ деньги, арабченокъ въ мгновеніе ока сбросилъ съ себя тряпки, которыми былъ прикрытъ съ головы; очутился весь голый и сталъ кувыркаться на грязной землѣ. Глафира Семеновна плюнула и пота-
щила мужа изъ переулка.

XLIV.

Вечерѣло. Надъ Парижемъ спускались уже су-
мерки, когда супруги обошли рядъ восточныхъ по-
строекъ, составляющихъ улицу. Пора было помышлять
и обѣ обѣдѣ.

— Я ъесть хочу. Ты хочешь кушать, Глаша?—
спросилъ супругу Николай Ивановичъ.

— Еще бы не хотѣть! Даже очень хочу. Цѣлый
день на ногахъ, цѣлый день слоняемся по выставкѣ, да
чтобы не захотѣть! Только не будемъ обѣдать на вы-
ставкѣ, а пообѣдаемъ гдѣ-нибудь въ городѣ. Мало-ли
тамъ ресторановъ.

— Ну, ладно. А теперь на загладку прокатимся на
ослахъ, да и велимъ вывезти нась прямо къ выходу.

— Нѣть, нѣть. Что-ты! Вотъ еще что выдумалъ!—
воспротивилась Глафира Семеновна.

— Да отчего же? Ослы вѣдь бѣгутъ тихо. Они не
то, что лошади. Да кромѣ того, ихъ подъ уздцы осли-
ные извозчики ведутъ. Опасности, ей-ей, никакой.

— Боюсь, боюсь.

— Бояться, душечка, тутъ нечего. Ты видѣла, когда давеча англичанка ъхала? Самымъ спокойнымъ манеромъ. Да еще какая англичанка-то! Восьмипудовая и вотъ съ какимъ брюхомъ!.. Доѣхали бы до выхода, а тамъ взяли бы колясочку и велѣли бы извозчику везти нась въ самый лучшій ресторанъ. Чего тутъ?.. А вечеромъ въ театръ.

— Да, право, Николай Иванычъ, я верхомъ никогда не ъзжала.

— Да вѣдь это осель, а не лошадь, — уговаривалъ Николай Ивановичъ жену.—Вонъ даже маленькия дѣвочки ъздятъ. Ну, смотри, какъ маленькая дѣвочка хорошо ъдетъ,—указалъ онъ на нарядно одѣтую всадницу лѣтъ двѣнадцати въ коротенькомъ платьице и черныхъ чулкахъ. — А завтра на выставку ужъ не поѣхали бы, а отправились бы по магазинамъ покупать для тебя парижскіе наряды. Какъ магазинъ-то хороший называется, который тебѣ рекомендовали?

— Магазинъ де-Лувръ.

— Ну, вотъ, вотъ... А только сейчасъ ужъ проѣдемся на ослахъ. Пожалуйста, проѣдемся. Знаешь, для чего я прошу? Минѣ хочется похвастаться передъ Скалкиными. Сегодня вечеромъ и написалъ бы имъ письмо, что ъздили мы на ослахъ съ дикимъ арабскимъ проводникомъ, который пѣлъ арабскія пѣсни, что осель взбѣсился, закусилъ удила и помчался прямо по направлению къ бушующей рѣкѣ, — еще моментъ, и ты бы погибла въ волнахъ, но я бросился за тобой и на краю пропасти остановилъ разсвирѣпѣвшаго осла...

— Схвативъ его за хвостъ?—перебила мужа Глазира Семеновна.

— Зачѣмъ-же за хвостъ. Схватилъ его подъ уздцы. Съ опасностью для своей жизни схватилъ подъ уздцы.

— Ахъ, Николай Иванычъ, какъ ты любишь враты! И что это у тебя за манера!

— Не враты, душечка, а просто это для прикраски.

— Да, пожалуй, поѣдемъ. А только, вѣдь, никакого удовольствія.

— Ну, какъ никакого! Эй, ослятникъ! Балахон-

никъ! — крикнулъ Николай Ивановичъ пріютившагося
около стѣны погонщика съ осломъ.

Балахонникъ, замѣтивъ, что ему машутъ, тотчасъ
же подташилъ осла къ супругамъ и оскалилъ зубы.

— Къ выходу! Къ воротамъ, гдѣ ля портъ, — ска-
заль Николай Ивановичъ. — Да вотъ что. Махни-ка
второго осла. Энъ лань пуръ ма фамъ и энъ лань пуръ
муа. Глаша! Да переведи же.

— Де зань. Иль фо ну де зань!... — перевела
Глафира Семеновна и показала балахоннику два пальца.

Тотъ тотчасъ пронзительно свистнулъ, положивъ
два пальца себѣ въ ротъ, и замахалъ руками. Откуда то
изъ-за угла показался еще балахонникъ съ осломъ и
подвель его въ поводу къ супругамъ.

— Садись, Глаша... Давай я тебя подсажу, —
сказалъ Николай Ивановичъ супругѣ. — Ну, облокотись
на меня и влѣзай.

Николай Ивановичъ наклонился. Глафира Семе-
новна одной рукой схватилась за сѣдло осла, а другой
уперлась въ спину Николая Ивановича и занесла ногу
въ стремя, но вдругъ вскрикнула:

— Ай, ай! Балахонникъ за ногу... за ногу хва-
тается!

— Ты что, распроканалія, протобестія, свиное ухо
эдакое! — накинулся на балахонника Николай Ивано-
вичъ и замахнулся зонтикомъ. — Ты за ногу... Ты за
пье хвате... Ежели ты, арабская твоя образина...

Балахонникъ сидѣлъ, опустившись на корточки,
скалилъ зубы и бормоталъ что-то по-своему, показывая
себѣ на ладонь. Наконецъ, онъ произнесъ на ломанномъ
французскомъ языкѣ:

— Мете пье, мадамъ, мете пье...

— Ахъ, онъ хочетъ, чтобъ я ногу ему на руку
поставила! — воскликнула Глафира Семеновна. — Вотъ
онъ почему меня за ногу хваталъ. Но все-таки какъ же
онъ смѣеть самовольно за ногу! Посади меня, Николай
Иванычъ, на осла.

Но прежде, чѣмъ Николай Ивановичъ бросилъ свой
зонтикъ и взялся за Глафиру Семеновну, балахонникъ

уже схватилъ ее въ охапку и, какъ перышко, посадилъ на осла.

— Стой, стой, мерзавецъ! — крикнула было Глафира Семеновна, но она уже сидѣла въ сѣдлѣ.

Балахонникъ издалъ какой-то гортанный звукъ и потащилъ за поводъ осла.

— Погоди! Погоди! Мы вмѣстѣ поѣдемъ! — восклицалъ ему вдогонку Николай Ивановичъ, поспѣшно карабкался и, наконецъ, подсаженный балахонникомъ, усѣлся и крикнулъ ему:

— Пошелъ! Дуй бѣлку въ хвостъ и гриву! До-
гоняй жену!

• XLV.

Покатавшись на ослѣ и разсчитавшись съ погон-
щиками, супруги взяли извозчика. Когда они усѣлись
въ коляску, тотъ обернулся къ нимъ лицомъ и спросилъ,
куда ъхать, повторяя обычное:

— *Quelle rue, monsieur? Quel numѣro?*

— Да не номера, не въ номера... А надо обѣдать
ъхать... Дине, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Монltre, у онъ пе тре бьянъ дине. Ме тре
бьянъ, — прибавила Глафира Семеновна.

— *Qui, madame, —* сказалъ извозчикъ и повезъ
по улицамъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять обернулся и
проговорилъ:

— *Il me semble, que vous êtes des étrangers. Et
apr s dinner? Apr s dinner vous allez au th  tre? N'est-ce
pas? Alors, je vous conseille le th  tre Edem. C'est ravissant.*

— Смотри-ка, Николай Иванычъ, какой любезный
извозчикъ-то! Даже театръ рекомендуетъ, — замѣтила
Глафира Семеновна. — Кошѣ! Кель театръ ву заве ди?

— *Edem, madame. Ce n'est pas loin de l'Op ra.*

— Оперу тамъ поютъ? — переспросилъ у жены
Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ говоритъ, что театръ-то нахо-
дится недалеко отъ Оперы. Помнишь, мы проѣзжали
мимо громаднаго театра, такъ вотъ около.

— А спроси-ка, какое тамъ представлениe. Можетъ быть, опять танцы животомъ, такъ ну ихъ къ чорту.

— А кесилья данъ сеть театръ? — задала вопросъ извозчику Глафира Семеновна.

— C'est le ballet, madame.

— Балетъ тамъ представляютъ.

— Слышу, слышу. Это-то я понялъ. Я ужъ теперь къ французскому языку привыкъ, — похвастался Николай Ивановичъ.—А только ты все-таки, Глаша, спроси, какой балетъ. Можетъ быть, опять животный балетъ. Здѣсь въ Парижѣ что-то мода на нихъ. Въ три театра мы заходили на выставкѣ—и въ трехъ театрахъ балетъ животомъ.

— Дѣйствительно, эти танцы животомъ противны.

— То-есть они не противны, но ежели все одно и одно...

— Молчи, пожалуйста. Коше! Кель балеть данъ сеть театръ?

— Exelsior. Ah, madame, c'est quelque chose d'énorme.

— Да дансь де вентръ?

— O, non, non, madame. C'est quelque chose de ravissant. Grand corps de ballet... Mais il vous faut procurer les pillets... à présent.

Черезъ десять минутъ извозчикъ подвезъ супруговъ къ театру, помѣщающемуся въ небольшомъ переулкѣ за Большой Оперой. Надъ театромъ красовались вывеска „Edem“. На дверяхъ были наклеены громадныя афиши съ изображеніемъ сценъ изъ балета „Экзельсіоръ“. Тутъ были нарисованы и желѣзнодорожный поѣздъ съ паровозомъ, и пароходъ, скалы, пальмы, масса полураздѣтыхъ танцовщицъ, и посреди всего этого стояла на одной ногѣ, очевидно, балерина, изъ которой летѣли искры.

— Афишка-то атуристая, на манеръ балаганной,—
сказалъ Николай Ивановичъ.

— Ничего. Возьмемъ два билета. Извозчикъ хватить балетъ. Здѣсь извозчики все знаютъ, — отвѣчала Глафира Семеновна.

Запасшись билетами, супруги поехали обедать.

Извозчикъ привезъ ихъ къ какому-то зданію и сказалъ по-французски:

— Вотъ здѣсь хорошиѣ обѣды. Вы останетесь до-вольны. Это пассажъ. Войдите и вы увидите ресторанъ.

Супруги вошли въ ресторанъ. Ресторанъ быль блестящій и буквально залитъ газомъ, но рекомендо-ванный обѣдъ не понравился супругамъ, хотя онъ и состоялъ изъ восьми перемѣнъ. Супъ быль жидокъ; вмѣсто рыбы подали креветки съ соусомъ провансаль, которыхъ Глафира Семеновна и не ъла, мяса, подан-наго на гренкѣ, быль данъ такой миниатюрный кусо-чекъ, что Николай Ивановичъ въ одинъ разъ запихалъ его въ ротъ. Далѣе слѣдовали донышки артишоковъ, какой-то неизвѣстно изъ чего приготовленный, бѣлый соусъ, половина крылышка пудлярдки съ салатомъ, пуд-дингъ съ абайономъ, дыня и кофе. Въ обѣдъ быль введенъ также пуншъ глясэ. Взяли за все это по 6 франковъ съ персоны, кромѣ вина.

— Гдѣ-же хваленая парижская ъда-то? — спраши-валъ Николай Ивановичъ послѣ обѣда, допивая остатки краснаго вина. — Взяли за обѣдъ по шести француз-скихъ четвертаковъ, что, ежели перенести на наши деньги, составляетъ по курсу два рубля сорокъ копѣекъ, а ей-ей, я ни сытъ, ни голоденъ. А у насъ въ Петер-бургѣ за два рубля у Донона такъ накормятъ, что до отвалу. А здѣсь я, ей-ей, ни сытъ, ни голоденъ. Ты знаешь, послѣ обѣда я всегда привыкъ всхрапнуть, а послѣ этого обѣда мнѣ даже спать не хочется. Эхъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я теперь поѣлъ бы хо-рошихъ свѣжихъ щей изъ грудинки, поросенка со сме-таной и хрѣномъ, хорошій бы кусокъ гуси съ яблоками съѣлъ. А здѣсь ничего этого нѣтъ, — ропталъ онъ. — Мало ъдятъ французы, мало. Спросить развѣ сейчасъ себѣ цѣлую пулярдку? Ей ей, я ъсть хочу.

— Да полно тебѣ! Послѣ театра поѣшь, — отвѣ-чала Глафира Семеновна. — Для твоей толщины впро-голодь даже лучше быть. Расплачиваіся скорѣй за обѣдъ да поѣдемъ домой. Мнѣ нужно переодѣться для театра. Вѣдь ужъ навѣрное у нихъ въ Парижѣ хоть въ театрѣ-то бываетъ нарядная публика.

По афишкѣ представлениѣ въ театрѣ Эдемъ было назначено въ восемь часовъ. Супруги подѣхали къ театру безъ четверти восемь, но подѣзда театра быль еще даже и не освѣщенъ, хотя около подѣзда уже толпилась публика и разгуливалъ городовой, попыхивая тоненькой папирской сарогал. Николай Ивановичъ толкнулся въ двери—двери были заперты.

— Кескесе? Ужъ не отмѣнили-ли представлениѣ?— обратился онъ къ женѣ.

— Да почемъ-же я знаю!—отвѣчала Глафира Семеновна.

— Такъ спроси у городового.

— Какъ я спрошу, если я по-французски театральныхъ словъ не знаю. Впрочемъ, около театра толпится публика,—стало быть, не отмѣнили.

Пришлось дожидаться на улицѣ, что было очень непріятно, такъ какъ пошелъ дождь, а Глафира Семеновна была въ нарядномъ шелковомъ платьѣ, въ свѣтлыхъ перчаткахъ, въ хорошей ажурной шляпкѣ съ цветами. Николай Ивановичъ раскрылъ надъ ней зонтикъ и банился.

— Вотъ безобразіе-то! Пріѣхали за четверть часа до представлениѧ, а еще и въ театрѣ не пускаютъ, — говорилъ онъ и прибавилъ: — да нѣтъ ли тутъ какого-нибудь другого подѣзда? Можетъ быть, это подѣзда для галлереи, для дешевыхъ мѣстъ? Глаша, ты бы спросила у городового.

— Пе тетръ иль я энъ отръ портъ? — обратилась Глафира Семеновна къ городовому, но получила отрицательный отвѣтъ и передала обѣ этомъ мужу.

— Странно, что даже на извозчикахъ никто не подѣзжаетъ, — продолжалъ удивляться Николай Ивановичъ.

Публика, являющаяся пѣшкомъ и подъ зонтиками, все прибывала и прибывала. Мужчины являлись съ засученными снизу у щиколокъ ногъ брюками. Тѣ, которые явились къ театру до дождя, принялись также

засучивать брюки. Всъ старались стать подъ небольшой навѣсь подъѣзда, а потому тѣснота усиливалась.

— Береги брилліантовую брошку, Глаша, а то какъ бы не слизнули, — замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.

Стоящій около него пожилой человѣкъ въ черной поярковой шляпѣ и съ маленькими бакенбардами петербургскихъ чиновниковъ улыбнулся на эти слова и проговорилъ по-русски.

— Посовѣтуйте также вашей супругѣ и карманы беречь. Здѣсь, въ Парижѣ, множество карманниковъ.

— Батюшки! Вы русскій? — радостно воскликнулъ Николай Ивановичъ. — Очень пріятно, очень пріятно. Глаша, русскій... Представьте, у меня даже сердце чуяло, что вы русскій.

Можетъ быть потому, что курю русскую папиросу фабрики Богданова съ изображеніемъ орла на мундштуке? — спросилъ бакенбардистъ, показывая папиросу.

— Да нѣтъ-же, нѣтъ... Я не только что орла, я даже и папиросы-то у васъ не замѣтилъ. Просто лицо ваше мнѣ почему-то показалось русскимъ. Знаете... эдакій обликъ... Позвольте отрекомендоваться: Николай Ивановичъ Ивановъ, петербургскій купецъ, а это жена моя. Господи, какъ пріятно съ русскимъ человѣкомъ за границей встрѣтиться!

И Николай Ивановичъ, схвативъ бакенбардиста за руку, радостно потрясъ ее. Тотъ въ свою очередь отрекомендовался:

— Коллежскій совѣтникъ Сергѣй Степановичъ Передрягинъ, — произнесъ онъ.

— Вотъ, вотъ... Лицо-то мнѣ ваше именно и показалось коллѣжскимъ. Знаете, такой видъ основательный и солидный. Вѣдь здѣсь французы — что! Мелочь, народъ безъ всякой солидности. А ужъ порядки у нихъ, такъ это чортъ знаетъ, что такое! Вотъ хоть бы то, что въ восемь часовъ назначено представлѣніе въ театрѣ, а еще театръ не отворенъ и даже подъѣздъ не освѣщенъ, хотя теперь уже безъ пяти минутъ восемь.

— Да, да!.. Это у нихъ вездѣ такъ. Такой обычай, что отворяютъ только передъ самимъ началомъ представлѣнія. Газъ берегутъ, — отвѣчалъ бакенбардистъ.

— Да вѣдь ужъ теперь передъ самыи предста-
вленіемъ и есть! Скоро восемь.

— Объявляютъ въ восемь, а начинаютъ около
половины девятаго.

— Какъ! Еще полчаса ждать? Да вѣдь у меня
жена вся промокнетъ. Она вонъ во все лучшее выря-
дилась.

— Напрасно. Здѣсь, въ театрахъ, не щеголяютъ
нарядами. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше.

— Такъ гдѣ-же щеголяютъ-то?

— Да какъ вамъ сказать... Ну на скачкахъ...
Пожалуй, и въ театрѣ, но только въ театрѣ Большой
Оперы.

Въ это время блеснуль яркій свѣтъ, и освѣтились
электрическіе фонари у подъѣзда.

— Ну, слава Богу... — проговорилъ Николай
Ивановичъ. — Пожалуй, скоро и въ театрѣ впустятъ.

Наконецъ, двери отворились, и публика хлынула
въ подъѣздъ.

— Вы гдѣ сидите? — спрашивалъ Николай Ива-
новичъ бакенбардиста.

— Въ креслахъ балкона.

— Ахъ, какая жалость, что не вмѣстѣ! А мы въ
креслахъ внизу. Землякъ! Землякъ! Хоть бы намъ
поужинать сегодня какъ-нибудь вмѣстѣ. Нельзя ли въ
фойѣ увидаться, чтобы какъ-нибудь сговориться!

— Хорошо, хорошо.

Бакенбардистъ сталъ подниматься на лѣстницу.

XLVII.

Представленіе фантастического балета „Экзель-
сіоръ“ началось. Декорации были великолѣпныя, ко-
стюмы тоже, но танцевала только балерина, исполняю-
щая главную роль, остальныи-же исполнительницы ба-
лета, хоть и были одѣты въ коротенькия балетныя
юбочки, только позировали съ гирляндами цвѣтовъ въ
рукахъ, съ тюлевыми шарфами, съ стрѣлами, съ фла-
гами, но въ танцы не пускались. Онъ откидывали то

правыя ноги, то лѣвые, то наклонялись корпусомъ впередъ, то откидывались назадъ—и только. Это не уклонилось отъ взоровъ супруговъ.

— Удивительное дѣло: только одна танцовщица и распинается въ танцахъ, а всѣ другія только на мѣстѣ толкуются да ноги задираютъ,—сказалъ Николай Ивановичъ, когда балерина чуть-ли не въ десятый разъ стала выдѣлывать замысловатое соло на пуантахъ. — У насъ ужъ ежели балетъ, то всѣ прыгаютъ, всѣ стараются, а здѣсь кордебалетъ какъ будто только на манеръ мебели.

— Все-таки хорошо, все-таки интересно. Ты посмотри, какая роскошная обстановка, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— Ей-ей у насъ, въ Петербургѣ балетъ лучше. Театра такого роскошнаго нѣтъ, а балетъ лучше.

— Ну, какъ - же лучше - то! Смотри, смотри: принесли лѣстницы и забрались на ступеньки. Вонь какъ высоко стоять и руками машутъ. Вѣдь это цѣлая гора изъ людей.

— Вѣрно. Но танцовальнаго-то дѣйствія все-таки нѣтъ. Ты посмотри: одна только танцовщица и надсаживается, взмылилась, отъ нея ужъ парѣ валить, а ей никто не помогаетъ. Балетъ долженъ состоять изъ танцевъ. Всѣ пляшутъ, всѣ подпрыгиваютъ, всѣ кружатся,—вотъ это я понимаю.

— Вѣрно, ужъ здѣсь такой обычай...

Прошло нѣсколько картина, и опустили занавѣсь.

Въ антрактѣ супруги гуляли по роскошному фойѣ и отыскивали земляка, познакомившагося съ ними въ подъездѣ театра.

XLVIII.

Землякъ вскорѣ былъ найденъ въ фойѣ театра. Онъ самъ искалъ супруговъ.

— Ну, какъ вамъ понравился балетъ?—спросилъ онъ Николая Ивановича.

— Ничего. Декорациіи отличныя, костюмы тоже.

Ну, а что насчетъ танцевъ—у насъ въ Петербургѣ куда лучше и шикарнѣе. Помилуйте, вѣдь здѣсь въ балетѣ всего только одинъ бабецъ и танцуетъ, а остальныя только съ боку на бокъ на мѣстѣ переваливаются, руками машутъ и улыбки строятъ.

— Здѣсь всегда только одна танцовщица, а остальное кордебалетъ.

— Да и кордебалета нѣтъ. Какой это къ чорту кордебалетъ! Вспомните, какъ у насъ въ балетѣ танцуютъ. Выскочать двѣ штучки, отмахаются на удивленье, а за ними ужъ, смотришь, выскочили четыре и откальваются еще лучше. Только эти кончили—третьяго цвѣта шесть штукъ выскакиваются и еще мудренѣе танецъ докладываютъ. А за этой шестеркой восьмерка летитъ, за восьмеркой — десять штукъ и только ужъ послѣ всѣхъ вылетаетъ госпожа балерина первый сортъ и начинаетъ балетныя штуки выдѣлывать. Вотъ это балетъ! Послушайте, позвольте вамъ предложить выпить чего-нибудь для первого знакомства, — сказалъ Николай Ивановичъ земляку.—Гдѣ здѣсь буфетъ?

— Да здѣсь буфета нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Въ театрѣ, да нѣтъ буфета! Что вы!

— Въ очень немногихъ театрахъ въ Парижѣ есть буфетъ. А гдѣ и есть, то даже не въ театрѣ, а подъ театромъ—и входъ съ улицы.

— Ну, порядки парижскіе! Театры безъ буфетовъ! Поужинать-то все-таки послѣ театра куда-нибудь пойдемъ?

— Да некуда. Все будетъ заперто. Здѣсь въ Парижѣ, въ одиннадцать часовъ вечера уже всѣ рестораны закрыты.

— Да неужели всѣ?

— Есть два-три ресторана съ ночной торговлей, но тамъ по ночамъ берутъ за все двойную плату.

— Пустяки. Поѣдемте. Только бы поужинать да съ хорошимъ землякомъ побесѣдоватъ. Столько времени русскаго человѣка въ глаза не видалъ, да стану я какія-нибудь цѣны разсчитывать...

— Неловко вамъ въ эти рестораны ночью съ женоюѣхать.

— Отчего?

— Оттого, что тамъ исключительно только однѣ кокотки по ночамъ бывають. Туда послѣ театровъ только съ кокотками Ѳздятъ.

— Николай Ивановичъ, поѣдемъ туда!—воскликнула вдругъ Глафира Семеновна. — Покажи мнѣ, какія такія парижскія кокотки.

— Да что ты, что ты, матушка! — махалъ руками Николай Ивановичъ.—Развѣ это можно?

— Отчего-же? Ну, кто нась здѣсь въ Парижѣ знаетъ? Рѣшительно никто не знаетъ.

— Но вѣдь и тебя самое могутъ за кокотку принять.

— А пускай принимаютъ. Что-жъ изъ этого? Вѣдь я буду съ мужемъ, съ тобой.

— Что ты говоришь, Боже мой, что ты говоришь!

— Пойдемъ, Николай Ивановичъ. Съ мужемъ жена можетъ гдѣ угодно быть.

— Но вѣдь тебя какой-нибудь пьяный можетъ схватить, обнять, поцѣловать. Я не стерплю—и выйдетъ скандалъ, драка... Нѣтъ, нѣтъ...

— Неловко вамъ туда, сударыня, Ѳхать, положительно неловко,—сказалъ землякъ.

— Экіе вы, господа, какіе! Ничего настоящаго парижскаго я не увижу. Вѣдь этими самыми кокотками Парижъ-то и славится, — пробормотала Глафира Семеновна.

— Полно, полно... Не мели вздору, — строго замѣтилъ ей Николай Ивановичъ и опять обратился къ земляку:—Но вѣдь есть же здѣсь и семейные люди... Гдѣ-же они ужинаютъ?

— Въ большинствѣ случаевъ здѣсь совсѣмъ не ужинаютъ. Поздній обѣдъ — чуть не въ восемь часовъ вечера, такъ какой-же ужинъ! Но ежели семейные люди хотятъ по ночамъ Ѳсть, то они ранѣе покупаютъ себѣ что-нибудь изъ холодныхъ закусокъ и Ѳдятъ дома.

— Эхъ, жалко, что мы не можемъ съ вами поужинать!—досадливо пробормоталъ Николай Ивановичъ.

— Тогда завтра можемъ пообѣдѣть, — отвѣчалъ

землякъ.—Вы завтра будете на выставкѣ? Вотъ назначимъ тамъ какой-нибудь пунктъ и встрѣтимся.

Надоѣла ужъ выставка-то. Завтра мы думаемъ пошататься по магазинамъ. Она вонъ хочетъ себѣ что-нибудь въ магазинѣ де-Лувръ купить.

— И отлично. И я тамъ буду. Вотъ тамъ и встрѣтимся. Въ которомъ часу?

— Часовъ въ одиннадцать.

— Върно, ужъ будете шелковыя матеріи для жены покупать? Такъ спросите шелковое отдѣленіе во второмъ этажѣ и будьте тамъ.

Въ это время въ фойе раздался звонокъ, возвѣщающій, что сейчасъ поднимутъ занавѣсь.

— Звонять. Сейчас начнется актъ. Пойдемте на места... — сказалъ землякъ, пробираясь изъ фойэ въ коридоръ, и, раскланявшись съ супругами, сказалъ: — Такъ завтра въ магазинъ Лувръ? До свиданія.

Супруги также направились въ театральную залу.

XLIX

ромъ они могли заварить чай. Гдѣ купить спиртъ — они не знали, не знали даже, какъ онъ называется по-французски, чтобы спросить его.

— Дѣлать нечего, придется опять безъ чаю спать ложиться, — сказалъ Николай Ивановичъ и, тяжело вздохнувъ, прибавилъ: — Эхъ, жизнь парижская! А говорить еще, — цивилизованная.

— Подъѣздъ гостиницы, какъ и вчера, былъ уже запертъ. Они позвонили. Отворилъ имъ опять самъ хозяинъ безъ сюртука, въ одномъ жилетѣ и въ туфляхъ. На площадкѣ около лѣстницы, стояли двѣ складныя кровати, и на каждой изъ нихъ изъ-подъ одѣяла торчало по головѣ въ бѣлыхъ спальныхъ колпакахъ. Въ одной изъ головъ супруги, при свѣтѣ привернутаго, еле мерцающаго рожка газа, узнали голову слуги, прислуживавшаго имъ въ номерѣ.

— А что, венъ ружъ можно а презанъ получить? Онъ пе? — спросилъ Николай Ивановичъ хозяина.

Тотъ поморщился, но все-таки отвѣтилъ, что можно. Очевидно, всякая жизнь въ этой маленькой гостиницѣ совсѣмъ уже кончалась къ одиннадцати часамъ вечера, и постояльцы и прислуга послѣ этого времени спали.

Поднявшись по слабо освѣщенной лѣстницѣ къ себѣ наверхъ, они нашли на полу около двери мѣдный подсвѣчникъ съ огаркомъ и груду спичекъ, зажгли свѣчку и вошли въ свою комнату. Вскорѣ явилось и вино. Его принесъ самъ хозяинъ, поставилъ на столъ и наставительно произнесъ:

— Je dois vous dire, monsieur, qu'а onze heures nous finissons dѣj  notre travail. Il faut se reposer. Bon soir, monsieur et madame *), — раскланялся онъ и ушелъ.

— Что онъ сказалъ? — опять обратился къ женѣ Николай Ивановичъ.

— Рѣшительно ничего не поняла, — отвѣчала та.

— Ахъ, француженка, француженка! Чему только вѣсть въ пансіонѣ учили!

---

*) Долженъ вамъ сказать, господинъ, что въ 11 часовъ мы уже кончаемъ работать. Надо отдыхать. Доброй ночи...

— Учили, но не этимъ словамъ. И, наконецъ, въ пансионѣ, когда мы переводили что-нибудь съ французскаго, то всегда со словаремъ.

Утромъ, когда супруги проснулись, первая мысль была о чаѣ.

— Глаша! Какъ-бы чайку-то заварить? — началъ Николай Ивановичъ, потягиваясь въ постели.—Вѣдь ни разу еще заграницей мы настоящимъ манеромъ чаю не пили. Не знаю, какъ у тебя, но у меня просто тоска по чаѣ. Привыкъ я по десять стакановъ въ день охолащивать — и вдругъ такое умаленіе, что ни одного! Сейчасъ мы позовемъ коридорнаго, и расталкуй ты ему, Бога ради, чтобы онъ намъ купилъ бутылку спирту для спиртовой лампы къ тагану.

— А вотъ я сейчасъ въ словарѣ посмотрю, какъ спиртъ по-французски, — сказала Глафира Семеновна, заглянула въ книгу и отвѣчала: — Спиртъ — эспри... эспри де венъ...

Супруги одѣлись и позвонили слугу, который и явился въ свое мъ неизмѣнномъ колпакѣ изъ писчей бумаги и въ войлочныхъ туфляхъ.

— *Plait-il, monsieur,* — остановился онъ въ выжидательной позѣ и глупо улыбаясь.

— Пуве ву зашете пур ву энъ бутель эспри де венъ? — задала ему вопросъ Глафира Семеновна.

Тотъ улыбнулся еще глупѣе и отвѣтилъ:

— *L'esprit de vin... C'est la boisson russe?.. Oui, madame...^{*)}.*

Онъ побѣжалъ внизъ и черезъ четверть часа, весь запыхавшійся, вернулся съ бутылкой спирту и двумя рюмками на подносѣ.

— Смотри, Николай Иванычъ, онъ воображаетъ, что этотъ спиртъ мы пить будемъ, — улыбаясь, замѣтила Глафира Семеновна мужу.—Пуркуа ле веръ? Иль не фо па ле веръ, — обратилась она къ слугѣ.

Тотъ опять глупо ухмыльнулся и спросилъ:

— *Mais comment est-ce due vous prendrez, madame, sans verre?*

^{*)} Спиртъ. Это русскій напитокъ? Да, мадамъ.

— Вотъ дуракъ-то!—вырвалось у Глафиры Семеновны. — Да это развѣ пить? Развѣ это пуръ буаръ? Се не па пуръ буаръ.

— Comment donc pas, boire? Et j'ai'ili, madame, que les russes prennent tout ça avec grand plaisir. C'est l'eau de vin russe... *)

— Да это идіотъ какой-то! Алле, алле... Положительно онъ думаетъ, что мы будемъ пить этотъ спиртъ... Се пуръ феръ тэ... Компренэ ву? Пуръ тэ. Вотъ.

И въ доказательство Глафира Семеновна показала коридорному купленные ею наканунѣ два жестяные чайника и таганъ.

— Ah! — ухмыльнулся коридорный, но не уходилъ.—Il faut voir, comment vous ferez le thé, madame! **).

— Алле, алле...

Но онъ стоялъ и продолжалъ улыбаться.

— Pardon, madame, il faut voir... .

Глафира Семеновна налила спирту въ лампочку тагана, зажгла свѣтильню, вылила въ чайникъ графинъ воды и поставила чайникъ кипятиться на таганѣ.

Коридорный покачивалъ головой и твердилъ:

— C'est curieux, c'est curieux... Le thé à la russe... C'est curieux... ***).

— А правда, мадамъ, что въ Петербургѣ ходятъ по улицамъ медвѣди и никогда лѣта не бываетъ, а всегда снѣгъ? — спросилъ онъ по-французски, но Глафира Семеновна не поняла его вопроса и сказала:

— Разбери, что онъ бормочетъ, Николай Иванычъ! Да выгони ты его, Бога ради. Я говорю — алле, алле, а онъ стоитъ и бормочетъ.

— Гарсонъ! Вонъ! Проваливай! — крикнуль Николай Ивановичъ и энергически указалъ на дверь.

Шагъ за шагомъ, оглядываясь и покачивая головой, коридорный вышелъ за двери.

*) Какъ не пить? Я читалъ, мадамъ, что русскіе пьютъ это съ большими удовольствіемъ. Это русская водка.

**) Надо посмотрѣть, какъ вы дѣлаете чай, мадамъ.

***) Это любопытно... чай по-русски... Это любопытно.

— Дикіе, совсѣмъ дикіе здѣсь люди, — сказала Глафира Семеновна. — А еще Парижъ! Про Парижъ-то вѣдь у нась говорять, что это высшая образованность.

Вскорѣ вода въ тоненькомъ жестяномъ чайникѣ закипѣла, и Глафира Семеновна, насыпавъ чай въ другой чайникъ, принялась его заваривать. Черезъ минуту супруги наслаждались чаепитіемъ.

— Соленаго-то съ вечера поѣвши, такъ на утро куда хорошо основательно чайкомъ побаловаться, — говорилъ Николай Ивановичъ, выпивъ стаканъ чаю и принимаясь за второй.

— Конечно, ужъ во сто разъ лучше, чѣмъ ихнене кофейное хлебово изъ суповыхъ чашекъ суповыми ложками хлебать.

Пили они чай изъ стакановъ, находившихся въ ихъ комнатѣ при графинахъ съ водой, безъ блюдечекъ и при одной чайной ложечкѣ, захваченной для дороги изъ Петербурга. Дабы не распалять еще разъ любопытства коридорнаго относительно питья спирта и приготовленія чая, они не звали его вторично и не требовали чайной посуды.

L.

Напившись въ охотку чаю съ бутербродами, супруги стали собираться въ магазинъ де-Лувръ. Глафира Семеновна одѣлась уже скромно—въ простенькое шерстяное платье и въ незатѣйливый ватерпруфъ изъ легонькой матеріи.

Уличное движеніе было въ полномъ разгарѣ, когда супруги вышли изъ гостиницы, и, пройдя переулки, свернули на большую улицу Лафаетъ. Городскіе часы, выставленные на столбу на перекресткѣ улицы, показывали половину одиннадцатаго. Громыхали громадные омнибусы, переполненные публикой, вереницей тянулись одноконные коляски извозчиковъ, тащились парные ломовыя телѣги съ лошадьми, запряженными въ рядъ и цугомъ, хлопали бичи, подобно ружейнымъ

выстрѣламъ, спѣшили, наталкиваясь другъ на друга и извиняясь, пѣшходы; у открытыхъ лавокъ съ выставками различныхъ товаровъ на улицѣ, около дверей, выкрикивали цѣны товаровъ и даже потрясая самыми товарами.

— Tout en soie... Quatre-vingt centimes le mѣtre,— визгливымъ голосомъ кричала миловидная молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ и бѣломъ передникѣ, размахивая распущенными кускомъ красной шелковой ленты.

— Аисине сонсигтэнс! — басиль какои-то рослый усатый приказчикъ въ дверяхъ лавки, показывая проходившей публикѣ поярковую шляпу и въ то-же время доказывая, что шляпа не боится дождя, поливалъ ее изъ хрустального графина водой.

Около нѣкоторыхъ изъ этихъ товарныхъ выставокъ съ обозначеніемъ цѣнъ на каждомъ предметѣ толпилась и публика и рылась въ товарѣ, торговалась, почти совершенно загораживая тротуаръ, такъ что не-желающимъ протискиваться сквозь толпу приходилось сходить на мостовую. А на мостовой среди проѣзжавшихъ извозчичьихъ экипажей, омнибусовъ и ломовыхъ телѣгъ лавировали разносчики съ лотками, корзинами и ручными телѣжками, продавая зелень, плоды, печенѣе и тому подобные предметы. Разносчики выкрикивали:

V'la d's artichauts! Ma botte d'asperges! Des choux des haricots! Des poireaux des carottes!

Къ этимъ крикамъ присоединились и крики блузниковъ-мальчишекъ, сующихъ проходящимъ листки съ рекламами и объявленіями отъ разныхъ магазиновъ, крики продавцовъ газетъ, помахивающихъ листами нумеровъ и рассказывающихъ содержаніе этихъ нумеровъ.

Какои-то мальчишка - газетчикъ, махая руками, очень сильно толкнулъ Глафиру Семеновну, такъ что та даже соскочила съ тротуара и сказала:

— Вотъ подлецъ-то! И чого это только поліція смотритъ и не гоняетъ ихъ съ дороги!

— Дѣйствительно, безпорядокъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ, замахиваясь на убѣгающаго мальчишку зонтикомъ. — И вѣдь что обидно: не можешь

даже обругать его, мерзавца, не зная по-французски ругательныхъ словъ. Глаша! — обратился онъ къ женѣ: — Ты-бы мнѣ хоть три-четыре ругательныхъ слова по-французски сказала, чтобы я могъ выругаться при случаѣ.

— Какъ я скажу, ежели я сама не знаю... Насъ ругательнымъ словамъ въ пансіонѣ не учили. У насъ пансіонъ былъ такой, что даже двѣ генеральскія дочки учились. Все было на деликатной ногѣ, такъ какъ же тутъ ругательствамъ-то учить!

— Да, это дѣйствительно. Но должна-же ты знать какъ мерзавецъ по-французски.

— Не знаю.

— А подлецъ?

— Тоже не знаю. Говорю тебѣ, что все было на деликатной ногѣ.

— По-русски его ругать — никакого толку не будетъ, потому онъ все равно не пойметъ, — разсуждалъ Николай Ивановичъ. — Ты не знаешь, какъ и дубина по-французски?

— Не знаю. Дерево — арбръ, а какъ дубина — не знаю. Да отругивайся покуда словами: кошонъ и лянь, что значить оселъ и свинья.

— Что эдакому оболтусу, который тебя толкнулъ, свинья и осель? Надо какъ-нибудь похлеще его обремизить, чтобы чувствовалъ.

— Да вѣдь это покуда. Ну, а насчетъ хлесткихъ словъ я дома въ словарѣ справлюсь. Кошонъ — очень дѣйствительное слово.

Случай обругать сейчасъ-же и представился. Изъ-за угла выскочилъ блузникъ съ корзинкой, наполненной рыбой. Съ крикомъ: „il arrive, il arrive l'maqnegeau!“ онъ наткнулся на Николая Ивановича и хотя тотчасъ-же извинился, сказавъ: „pardon, monsieur“, но Николай Ивановичъ все-таки послалъ ему вдогонку слово „кошонъ“. Услыхавъ это слово, блузникъ издалека иронически крикнулъ ему:

— Merci, monsieur, pour l'amabilit .

— Не учаялся, подлецъ? — грозно обернулся Николай Ивановичъ къ блузнику и спросилъ жену, что такое сказаль блузникъ.

— За любезность тебя благодарить, — отвѣчала Глафира Семеновна.

— За какую любезность?

— А вотъ, что ты его кошономъ назваль. Учти-
вости тебя учить. Онъ тебя хоть и толкнулъ, но изви-
нился, а ты ему все-таки „кошонъ“.

— Ахъ, онъ подлецъ!

— Николай Ивановичъ обернулся къ блузнику и
издали погрозилъ ему кулакомъ. Блузникъ улыбнулся
и въ свою очередь погрозилъ Николаю Ивановичу ку-
лакомъ.

— Скажите на милость, еще смѣеть въ отвѣтъ
кулакомъ грозиться! — воскликнулъ Николай Ивановичъ
и хотѣль броситься къ блузнику, но Глафира Семе-
новна удержала его за рукавъ.

— Оставь... Ну, что затѣвать скандалъ!.. Брось.
Вѣдь можетъ выйти драка. Плюнь... — сказала она.
Супруги выходили на площадь Большой Оперы.

LI.

На площади Большой Оперы супруговъ осадили
со всѣхъ сторонъ барышники, предлагающіе билеты на
вечерній оперный спектакль. Барышника осаждали
супруговъ даже и тогда, когда эти послѣдніе подошли
къ городовому и стали его разспрашивать, какъ пройти
въ Луврскій магазинъ, — и городовой, нисколько не
препятствовалъ этой осадѣ, что несказанно удивило ихъ.

— Смотри: стало-быть здѣсь дозволено барышни-
чать театральными билетами, — замѣтила Глафира Семе-
новна мужу. — Вѣдь прямо въ глазахъ городового
предлагаютъ, даже около него — и городовой хоть-
бы что!

Разспрашивая дорогу, супруги добрались, наконецъ,
до Луврскаго магазина и вошли въ одну изъ распахну-
тыхъ широкихъ дверей его. Уже на подъездѣ ихъ
поразила толпа покупателей, остановившихся около сдѣ-
ланной въ дверяхъ выставки товаровъ съ крупной
вывѣской надъ выставкой „osca-sion“, то-есть — по

слушаю. Мужчины и дамы рылись въ набросанномъ безъ системы товарѣ, состоящемъ изъ лентъ, косыночекъ, кружевъ, платочковъ, и читали нашипленныя на нихъ цѣны. Приказчикъ съ карандашомъ за ухомъ только наблюдалъ за роющейся публикой и ежеминутно выкрикивалъ по-французски:

— Цѣны написаны... Выбирайте сами!... Цѣны рѣшительныя!..

Пришлось протискаться сквозь толпу.

Въ самомъ магазинѣ было также тѣсно. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ высились вывѣски, гласящія: касса № 1-й, касса № 2-й и такъ далѣе. Товары были выложены на прилавкахъ, громадными штабелями стояли на полу, лежали на этажеркахъ, висѣли на стѣнахъ. И чего, чего тутъ не было. Куски всевозможныхъ матерій, цѣлые вороха перчатокъ, женскихъ корсетовъ, готоваго платья, лентъ, обуви. Около всего этого толпились покупатели. Дамы, разумѣется, преобладали. Приказчики и приказчицы, облеченные исключительно во все черное, съ неизмѣннымъ карандашомъ за ухомъ, еле успѣвали отвѣтывать на вопросы. Одинъ приказчикъ продавалъ сразу двумъ-тремъ покупателямъ. Не взирая на громадное помѣщеніе, было жарко, душно; воздухъ былъ спертъ.

— Эка машина магазинъ-то! — невольно вырвалось у Николая Ивановича, когда супруги прошли два десятка шаговъ.

— Я читала въ описаніи, что здѣсь больше тысячи приказчиковъ и приказчицъ, — отвѣтала Глафира Семеновна, у которой глаза такъ и разбѣгались по выставленнымъ товарамъ.

— Ну, покупай, что тебѣ требуется. За поднятіе на Эйфелеву башню тебѣ ассигновано на покупки четыреста французскихъ четвертаковъ.

— Пятьсотъ-же вѣдь ты ассигновалъ. Ну скажите на милость, вотъ ужъ утягивать начинаетъ. Пятьсотъ, пятьсотъ. Я очень хорошо помню, что пятьсотъ. Даже еще шестьсотъ.

— Да ужъ покупай, покупай. Вонъ приказчикъ

замухрышка освободился, у него и спроси, что тебе нужно.

— Да все нужно. А только дай прежде оглянуться. Боже мой, какъ дешевы эти носовые платки съ Эйфелевой башней! По шестидесяти сантимовъ за штуку. Вѣдь это на наши деньги... Сколько на наши деньги?

— Двадцать двѣ, двадцать три копѣйки. А только вѣдь это дрянь.

— Какъ дрянь? Для подарковъ отлично. Прѣдемъ изъ-за границы, надо что-нибудь подарить на память роднымъ и знакомымъ.

— Ты платье-то прежде себѣ купи. Тебѣ вѣдь я платье обѣщалъ.

— Платье потомъ. Антанде, монсѣе, комбъянъ куть се мушуаръ? — спросила Глафира Семеновна проѣгавшаго мимо приказчика съ ворохомъ товара, указывая на платочки.

— *Les prix sont écrits, madame* *), — отвѣчалъ тотъ, не останавливаясь.

— Монсѣе, монсѣе! Венѣ зиси. Же ве зашете!.. — обратилась она къ другому приказчику, завязывавшему что-то въ бумагу.

— *Tout est écrit, madame. Il faut choisir seulement... Ayez la bonté* **)... — далъ этотъ отвѣтъ и не двинулся съ мѣста.

— Что за невѣжіе здѣшніе приказчики! Ни одинъ не трогается! Послушайте, кто же здѣсь продаетъ? — крикнула Глафира Семеновна уже по-русски.

Отвѣта не послѣдовало. Приказчики продолжали заниматься своимъ дѣломъ: что-то увязывали, что-то писали на бумажкахъ, куда то бѣжали.

— Да отбери, что тебѣ надо, а потомъ и будемъ торговаться, — сказалъ Николай Ивановичъ.

Мало-по малу быль отобранъ цѣлый ворохъ всякой дряни. Глафира Семеновна указала на него приказчику и сказала:

*) Цѣны написаны, маламъ.

**) Все написано, мадамъ. Надо только выбирать. Пожалуйста.

— Пейэ. Иль фо пейэ. Комбъянъ?

Приказчикъ сталъ разбирать товаръ и считалъ его стоимость на бумажкѣ. Вышло сорокъ два франка съ сантимами, и онъ объявилъ сумму.

— Сорокъ довольно,—сказалъ ему Николай Ивановичъ.—Карантъ. Ассе карантъ, а остальное въ скидку. Вѣдь это дрянь.

— Nous avons des prix fixes, monsieur... .

— Знаемъ мы эти прификсы-то! Вездѣ и съ прификсами скидываютъ. Карантъ, а больше не дамъ. Карантъ.

— Oh, поп, monsieur.

И приказчикъ, начавшій уже было завязывать товаръ въ бумагу, снова развернулъ его.

— Ну пренонъ, ну пренонъ. Карантъ де е сантимъ оси... — кивнула ему Глафира Семеновна и замѣтила мужу:—Здѣсь не торгуются.

— Вздоръ. На томъ свѣтѣ и то торгуются.

Приказчикъ пригласилъ ихъ для расчета въ кассу.

LII.

Супруги поднялись по чугунной лѣстницѣ во второй этажъ Луврскаго магазина. Второй этажъ былъ занятъ преимущественно готовыми нарядами, мужскими и женскими. Здѣсь уже не было такъ называемыхъ „occasian’овъ“, то есть выставокъ товаровъ, продающихся по случаю, съ уступкой, а потому той толпы, которая стояла и двигалась внизу, не было. Въ отдѣленіи дамскихъ нарядовъ приказчики и приказчицы были уже болѣе прифранченные, болѣе элегантные, чѣмъ внизу. На большинствѣ приказчиковъ виднѣлись черные фраки, самыя лица приказчиковъ были какъ-то особенно вылощены, бороды и усы приглажены и приложены волосокъ къ волоску и отъ нихъ отдавало тонкими духами. Приказчики эти очень напоминали танцмейстеровъ. Они становились то-и-дѣло въ красивыя заученные позы передъ покупательницами: при отвѣтахъ какъ-то особенно наклоняли головы, подобно манежнымъ лоша-

дямъ. Приказчицы также рѣзко отличались отъ приказчицъ нижняго этажа. Онѣ всѣ на подборъ были одѣты хоть и въ черныя, но въ самыя новомодныя платья различныхъ послѣднихъ фасоновъ. На головахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ красовались элегантныя кружевныя наколки. Очевидно, что онѣ были одѣты въ модели магазина и служили вывѣсками.

Супруги прошли по всему этажу, пока дошли до отдѣленія дамскихъ платьевъ и „confectiоns“. Глафира Семеновна восторгалась на каждомъ шагу, поминутно останавливалась и покупала разной ненужной дряни. Николай Ивановичъ, таскавшій сзади покупки, превратился уже совсѣмъ въ выючное животное, когда они прибыли въ отдѣленіе готовыхъ дамскихъ платьевъ.

— Сѣсть бы гдѣ-нибудь,—проговорилъ онъ, увидя стулья и отдуваясь. — Скверная здѣсь манера въ Парижѣ за посидѣнья на стульяхъ платить, но я бы ужъ, чортъ съ ними, пожалуй-бы заплатилъ.

-- Садись, садись здѣсь, теперь можешь и отдохнуть, потому мы именно туда и пришли, куда намъ надо, сказала Глафира Семеновна. — Вѣдь это-то и есть отдѣленіе готовыхъ платьевъ. Видишь, готовыя платья, въ витринахъ висятъ. Смотри, смотри, какая прелестъ! — воскликнула она приходя въ восторгъ и указывая на бальное платье.

Въ этотъ моментъ передъ ней какъ изъ земли выросла рослая продавщица въ черномъ шелковомъ платьѣ съ громадными буфами на плечахъ, доходящими до ушей, и съ большимъ воротникомъ а-ля Марія Антуанета. Ежели бы не желтый кожаный сантиметръ, перекинутый черезъ шею, то ее можно бы было принять за королеву изъ трагедіи.

— Модель этого платья, мадамъ, получила на нынѣшней выставкѣ большую золотую медаль, — заговорила она по-французски.—*C'est le dernier mot de la mode...*

— Же ве энъ робъ де суа нуаръ... — обратилась Глафира Семеновна къ продавщицѣ. — Черное шелковое платье думаю я себѣ купить,—сказала она мужу.

— Гм... — пробормоталъ Николай Ивановичъ и,

сложивъ пакеты съ покупками на столъ, сталъ отирать лобъ и лицо носовымъ платкомъ.

Потъ съ него лиль градомъ.

— Je vous montrerai, madame, quelque chose d'extraordinaire, — заговорила продавщица и крикнула: — Мадемуазель Элизъ! Мадамъ Перокэ!

Двѣ другія продавщицы тотчасъ-же откликнулись на ея призывъ и вопросительно остановились. Первая продавщица тотчасъ-же поманила ихъ. Онѣ подошли и, вставъ передъ Глафиroy Семеновной въ позу манекеновъ, начали вертѣться.

— Выбирайте только фасонъ, мадамъ... Есть или вотъ этотъ, — продолжала по-французски первая продавщица, указывая на двухъ другихъ продавщицъ. — А вотъ и третій фасонъ, — прибавила она и сама медленно повернулась, показывая бока, задъ и передъ своего платья.

Глафира Семеновна поняла, что ей сказали по-французски, но не рѣшалась указать на фасонъ:

— И сеть бъенъ, и сеть бъенъ... — отвѣчала она. — Сеть оси бъенъ... Иль фо регардэ труа фасонъ.

— Tout de suite, madame... Voulez-vous vous assoir... C'est monsieur votre mari? — указала она на Николая Ивановича.

— Вуй, мари.

Продавщица предложила стулъ и Николаю Ивановичу.

— Prenez place, monsieur... Придется вамъ подождать довольно долго. Дамы вообще не скоро рѣшаются на выборъ костюмовъ. А чтобы вамъ не скучать, вотъ вамъ и сегодняшній номеръ „Фигаро“. Пожалуйста.

— Мерси, — сказалъ Николай Ивановичъ, грузно опустился на стулъ и, раскрывая поданный ему номеръ французской газеты, сталъ его разматривать, дѣля видъ, что онъ что-нибудь понимаетъ.

Продавщица между тѣмъ вытаскивала изъ витринъ платья, показывала ихъ и тарантила безъ умолку передъ

Глафири Семеновной. Глафири Семеновнѣ все что-то не нравилось.

— Же ве съ висюлеками... Компренѣ? Съ висюлеками... Гарни авекъ висюлеки, — старалась она объяснить продавщицѣ. — Авекъ же и пасмантири.

— О, мадамъ, да это нынче не носять!

— Ноњъ, ноњъ... Же вю о театрѣ. И много, много пасмантири. Боку.

— Мадемуазель Годенъ! — снова выкрикнула продавщица четвертую толстеньку и невысокаго роста продавщицу и, указывая на ея платье Глафири Семеновнѣ, прибавила по-французски: — Вотъ все, что дозволяеть послѣднее слово моды по части отдѣлки стеклярусомъ. Фигура мадемуазель Годенъ также вполнѣ подходитъ къ вашей фигурѣ. У мадемуазель Годенъ такая-же прелестная грудь, какъ у васъ, такой же полный станъ. Дать больше отдѣлки съ сутажемъ и стеклярусомъ, — значило бы выступить изъ предѣловъ моды и компрометировать фирму. Надо вамъ примѣрить вотъ это платье. *Voyons, madame... Ayez la bonté de venir ici.*

И продавщица, перекинувъ на руку платье, привлѣсила Глафири Семеновну за ширмы на примѣрку. Глафири Семеновна удалилась за ширмы вмѣстѣ съ продавщицей, но продавщица тотчасъ-же выскочила оттуда и сказала Николаю Ивановичу:

— Монсье, можете приединуться къ ширмамъ и переговариваться съ мадамъ, дабы не очень скучать въ разлукѣ.

Сказано это было, разумѣется, по-французски. Николай Ивановичъ ничего не понялъ и удивленно выпучилъ на продавщицу глаза. Та видя, что онъ не понимаетъ ее, стала приглашать жестами и даже поставила для него другой стулъ около ширмъ. Николай Ивановичъ покрутилъ головой и пересѣлъ. Продавщица, между тѣмъ, опять удалилась за ширмы и безъ умолку заговорила.

— Глаша! Понимаешь-ли ты хоть капельку, что она стрекочеть? — крикнулъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень мало понимаю, но чувствую, что она хочетъ на меня напустить туманъ.

— Ну, то-то... И мнѣ кажется, что она тебѣ зубы заговариваетъ. Ты очень-то не поддавайся. Да вотъ еще что. Вѣдь это такой магазинъ, что здѣсь чего хочешь, того просишь. Тутъ всякие товары есть. Такъ ты спроси у ней, нельзя-ли мнѣ чего-нибудь выпить. Пить смерть хочется.

— Неловко, Николай Иванычъ,—послышалось изъ-за ширмъ. — Ну, суди самъ: какъ же въ модномъ-то магазинѣ...

— Да вѣдь здѣсь въ отдѣленіяхъ виномъ торгуютъ. Правда, не распивочно, но все-таки торгуютъ. Такъ вотъ бы красненькаго бутылочки... Можно, я чай, это сдѣлать для хорошаго покупателя. Вѣдь мы не на грошъ купить пришли. Четвертаковъ-то этихъ французскихъ ой ой сколько отсчитаемъ. Такъ ты спроси.

— Языкъ не поворачивается. Помилуй, вѣдь здѣсь не выпивное заведеніе.

— Такъ что-жъ изъ этого? Въ Петербургѣ мнѣ изъ парчевого магазина за пивомъ посылали, когда разсчитывали, что я на сотню куплю.

— Потерпи немножко. Потомъ ужъ вдвое выпьешь. Я не буду препятствовать.

— Эхъ, тяжко! Наѣлись дома ветчины и сыру, и теперь во рту даже пѣна какая-то отъ жажды,—вздохнулъ Николай Ивановичъ и, опять раскрывъ номеръ „Фигаро“, уткнулъ въ него носъ.

LIII.

Прошло болѣе получаса, а Глафира Семеновна все еще примѣряла за ширмами платья. Николай Ивановичъ, все еще сидѣвшій около ширмъ, сначала началъ зѣвать, а потомъ уже и клевать носомъ.

— Глаша! Скоро ты тамъ?

— Какъ скоро! До сихъ поръ я еще не могу выбрать фасона платья. Главное дѣло, что ни мадамъ меня не понимаетъ, ни я ее не понимаю. Всѣ слова по

части дамскихъ нарядовъ я очень хорошо знаю по-французски, но здѣсь, въ Парижѣ, какія-то особенные слова, какимъ насъ никогда не учили,—послышался голосъ Глафиры Семеновны изъ-за ширмъ.

— Такъ этакъ ты, пожалуй, еще и черезъ часъ не кончишь съ выборомъ фасоновъ.

— Не знаю, право, не знаю. Выберу платье и потомъ мнѣ нужно будетъ выбирать накидку. Я накидку какую-нибудь хочу себѣ купить для театра. Потомъ мнѣ нужно шляпку... Нельзя-же быть въ Парижѣ, да модной шляпки себѣ не купить.

Николай Ивановичъ досадливо заскоблилъ затылокъ.

— Такъ я бы прошелся по магазину да поискалъ бы вчерашняго земляка. Навѣрное онъ бродить по магазину и ищетъ насъ. Я пойду и посмотрю его.

— Николай Иванычъ, я боюсь одна.

— Да чего-жъ тебѣ бояться-то? Я приду къ тебѣ. Всѣ покупки я здѣсь оставлю. Возьми ихъ къ себѣ за ширму.

Николай Ивановичъ всталъ со стула и отправился бродить по магазину. Не успѣлъ онъ пройти и трехъ отдѣленій, какъ натолкнулся на земляка. Землякъ стоялъ въ отдѣленіи непромокаемыхъ матерій и выбиралъ себѣ пальто.

— А, почтеннѣйший! Гдѣ это вы пропадаете? А я васъ искалъ, искалъ и найти не могъ, — проговорилъ онъ при видѣ Николая Ивановича.

— Да вѣдь жена зашла въ отдѣленіе дамскихъ нарядовъ и застряла тамъ. И посейчасъ тамъ за ширмами сидитъ и фасоны себѣ выбираетъ. Съ бабами, сами знаете, бѣда... Землякъ! Не сходимъ ли мы куданибудь выпить? Пить смерть хочется. А черезъ полчасика вернемся...

— Сходимъ, сходимъ. Тутъ вотъ какъ разъ противъ магазина есть кофейня.

Землякъ, не найдя себѣ по вкусу непромокаемаго пальто, отошелъ отъ прилавка и черезъ нѣсколько минутъ былъ вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ въ кофейнѣ, находящейся противъ Луврскаго магазина.

— Пивка, что-ли, хватимъ?—спрашивалъ Николай Ивановичъ земляка.

— Зачѣмъ пивка? Въ Парижѣ надо пить красное вино, — даль отвѣтъ землякъ и приказалъ подать бутылку вина.

Они чокнулись. Зашелъ разговоръ, гдѣ сегодня обѣдать, гдѣ провести вечеръ.

— Вечеромъ-то-бы въ какое-нибудь эдакое заведеньице почикантнѣе, позанятнѣе, позабористнѣе, въ какой-нибудь кафе шантанчикъ эдакій, гдѣ разныя канашки черноглазыя поютъ, — съ улыбочкой и подмигнувъ глазомъ сказалъ Николай Ивановичъ. — Вѣдь, вѣрно, есть такія заведенія.

— Какъ не быть! Такихъ заведеній, много, но съ женой-то вамъ неудобно, жена-то вамъ помѣхъ,—отвѣчалъ землякъ.

— Такъ-то оно такъ, но жена моя баба походная.

— Какая бы походная ни была, а все ужъ не дозволить вамъ развернуться съ какими-нибудь черноглазыми канашками, какъ вы выражаетесь.

— Это ужъ само собой.

— А въ Парижѣ-то вѣдь только и пріѣзжаютъ за этимъ. При женѣ вы какъ тамъ хотите, все вродѣ какъ-бы на службѣ, все вродѣ какъ-бы въ подчиненіи, а безъ нея-то у васъ душа бы раздалась. Погуляли бы вволю.

— Вѣрно, вѣрно.

— И угораздило это вѣсъ, батенька, въ Тулу съ своимъ самоваромъ пріѣхать! — продолжалъ землякъ.

— Какъ такъ? То есть вы про что? — недоумѣвалъ Николай Ивановичъ.

— Какъ въ Тулу со своимъ самоваромъ не ѳздятъ потому, что тамъ ихъ много, такъ и въ Парижѣ со своей бабой не ѳздятъ, потому что бабъ здѣсь не обещься.

— Ахъ, вотъ вы про что. Да, да это правильно. Ну, да ужъ обузу захватиль, такъ дѣлать нечего, отъ нея не отбояришься. Такъ гдѣ бы сегодня пообѣдать. Вы Парижъ знаете?

— Знаю. Бывалъ. Второй разъ здѣсь.

— Такъ вотъ порекомендуйте, гдѣ бы посытнѣе.
А то здѣшніе обѣды все какіе-то жидкие.

Землякъ задумался.

— Ни разу не обѣдали у ротисьера? — спросилъ онъ Николая Ивановича.

— А что такое ротисьеръ?

— Жарильщикъ, по нашему, жарковникъ, спеціалистъ по жареному, по жаркому. Большая закусочная лавка эдакая. Не пугайтесь, не пугайтесь, не на манеръ нашей петербургской закусочной лавки, а нѣчто шикарное. Выберемъ мы себѣ хороший кусокъ мяса, хорошую птицу — и тутъ-же при насть спеціалистъ этотъ для насть все это и зажаритъ.

— Что-жъ, это хорошо. Можно выбрать побольше и ужъ наѣсться до отвалу. А то въ здѣшнихъ ресторанахъ подаются порціи меньше воробышаго носа. И индѣйку зажарить можно?

— Цѣлаго борова зажарятъ.

— Вотъ и отлично. Ну, а театръ, театръ? Только что-нибудь позабавнѣе.

— Въ американскомъ циркѣ были? Джигитовку и сраженіе дикихъ индѣйцевъ видѣли?

— Гдѣ-же видѣть, батенька, коли мы всего три дня въ Парижѣ.

— Такъ вотъ и поѣдемте туда. Это за городомъ... Такъ въ циркѣ?

— Индѣйку єсть въ закусочную и индѣйцевъ глядѣть въ циркъ. Хорошо.

Выпивъ бутылку краснаго вина, земляки опять отправились въ Луврскій магазинъ.

Глафира Семеновна попрежнему все еще возилась за ширмами съ продавщицей.

— Глаша! Ты здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь... Вообрази, все еще фасона настоящимъ манеромъ не могу себѣ выбрать, — отвѣтала Глафира Семеновна изъ-за ширмы.

Выйдя изъ магазина, супруги и землякъ тотчасъ же сѣли въ омнибусъ, идущій въ Портъ-Сенъ-Дени, и черезъ четверть часа, пріѣхавъ на мѣсто, входили въ съѣстную лавку ротисьера.

Съѣстная лавка состояла изъ большого зала съ множествомъ маленькихъ мраморныхъ столиковъ. Въ глубинѣ зала помѣщались два громадные очага, напоминающіе каминъ, и на этихъ очагахъ на механическихъ вертелахъ жарилось мясо, пулярдки и дичь. Проливавающейся на уголья жиръ дѣлалъ воздухъ чаднымъ. Около самыхъ очаговъ чадъ стоялъ какъ бы туманомъ, и въ этомъ туманѣ виднѣлись бѣлые куртки и бѣлые колпаки поваровъ. Что то шипѣло, что-то вспыхивало, визжала вентиляція, гремѣла посуда. По другой стѣнѣ стояла горкой выставка провизіи. Тутъ лежали сырья ощищанныя индѣйки, пулярдки, гуси, поражающіе своей бѣлизной, украшенные кружевомъ, высѣченными изъ писчей бумаги. Лежало мясо въ кружевныхъ папиль-откахъ, ноги телятины и барадины, убранныя тоже бумажными украшеніями и цвѣтами изъ рѣпы, моркови, рѣдкіи и свеклы.

Когда супруги вошли въ съѣстную лавку, за мраморными столиками, не взирая на раннее для обѣда въ Парижѣ время, сидѣло уже человѣкъ тридцать публики, пило и ъло. Имъ прислуживали женщины, одѣтые въ коричневыя платья, бѣлые чепцы и передники.

Вотъ та самая закусочная, о которой я вамъ говорилъ, — сказаль супругамъ землякъ.

Глафира Семеновна сморщила носикъ и отвѣчала:

— Да тутъ отъ чада расчихаешься.

— А вотъ подите — ъдоки считаютъ этотъ чадный запахъ за особенный шикъ.

— Да оно даже пріятно, когда ъсть хочешь, — проговорилъ Николай Ивановичъ. — Вотъ теперь такъ засосало подъ ложечкой, что я готовъ одинъ цѣлаго гуся съѣсть.

— И съѣдимъ. Сюда только, извините за выраженіе, обжоры и ходягъ, — подхватилъ землякъ.

Они подошли къ выставкѣ провизіи и стали смотрѣть на лежащее на мраморной доскѣ мясо и въ рисунокъ уложенныхъ на капустныхъ листьяхъ птицъ. Глаза Николая Ивановича устремились на гигантскаго тулузскаго гуся.

— Эхъ, гусь-то какой! Крокодилъ, а не гусь. Не вѣльть-ли намъ изжарить гуська?

— Да вѣдь ужъ рѣшили индѣйку, — отвѣчалъ землякъ. — Вонъ индѣйка лежитъ, напоминающая гипопотама.

— Глаза-то ужъ очень разбѣгаются. И на индѣйку разыгрался аппетитъ, и насчетъ гуся пришла фантазія,— облизывался Николай Ивановичъ, глотая слюнки. — Глафира Семеновна, семъ-ка мы и гуся и индѣйку закажемъ.

— Послушай, Николай Иванычъ, да развѣ это можно втроемъ съѣсть!

— Не знаю, какъ ты, а я во время моего житья заграницей такъ оголодалъ, что готовъ цѣлаго борова съѣсть! Помилуйте, порціи подавали съ мѣдный пятакъ! Да наконецъ, если бы мы и не съѣли всего — эка важность!

— Здѣсь мы можете съѣсть поль-индѣйки, полгуся, а остальное вамъ завернуть въ бумагу, — и вы возьмете домой, — замѣтилъ землякъ.

— Вотъ и отлично. Что не доѣдимъ, то намъ, Глаша, на ужинъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и, обратясь къ стоявшему около нихъ красивому повару-усачу, сказалъ: — Ле гусь и сеть индѣйка пуръ ну и чтобы тре бѣянъ было.

Землякъ тотчасъ-же подхватилъ и объяснилъ повару по-французски.

— Pour trois personnes seulement, monsieur? — спросилъ поваръ, удивленно выпучивая глаза.

— Такъ что-жъ, что пуръ труа? Что не доѣдимъ — съ собой возьмемъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Да немного, братъ, я думаю, и съ собой-то братъ придется. Постой, постой... — остановилъ онъ повара, взявшаго уже съ мраморной доски гуся

и индѣйку и собиравшагося удалиться къ очагу. — Анкоръ ля въяндъ... мяса надо, нельзя безъ мяса...

— Полно, Николай Иванычъ, ну, куда намъ столько! — вскинула на него глаза Глафира Семеновна.

— Матушка, я оголодалъ въ Парижъ. Какъ вы думаете, землякъ, не заказать-ли намъ еще телячей грудинки, что-ли?

— Грудинка, гусь, индѣйка — да этого и не вынесешь.

— Не знаю, какъ вы, а я вынесу. Ужъ очень я радъ, что до настоящей Ѳды-то добрался.

— Довольно, довольно. Вотъ теперь нужно только спросить, какой у нихъ супъ есть.

— Нѣтъ-ли щецъ кислыхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Этого вы здѣсь въ Парижѣ ни за какія деньги не достанете. *Quelle soupe est-ce que vous avez aujourd'huic?* — спросилъ землякъ повара и, получивъ отвѣтъ, сказалъ: — Только бульонъ и супъ пюре изъ зеленаго гороха. Вы какъ хотите, а мнѣ при индѣйкѣ и гусѣ, кромѣ бульона, ничего не выдержать.

— Супъ пюре... пюре, мосье... Онъ — бульонъ, а же — пюре, — закивалъ повару Николай Ивановичъ и прибавилъ: — все-таки посытнѣе. Ну, такъ вотъ: ле индѣйка, ле гусь и супъ пюре и бульонъ. Ахъ, да... Стой, стой! Салатъ анкоръ. Боку салатъ.

Предвкушая блаженство сытнаго обѣда, Николай Ивановичъ улыбнулся и радостно потиралъ руки.

— Винца-то красненькаго намъ подадутъ, землякъ? — спросилъ онъ.

— Сколько угодно. А вмѣсто водки мы коньяку выпьемъ, — отвѣтилъ землякъ.

LV.

Когда супруги и землякъ усѣлись за столъ, къ нимъ подбѣжала миловидная женщина въ коричневомъ платкѣ, бѣломъ передникѣ и бѣломъ чепцѣ и загремѣла тарелками, разставляя ихъ на столъ.

— А скатерть, а скатерть на столъ? — заговорилъ Николай Ивановичъ.

— Здѣсь скатерти не полагается, — отвѣчалъ за женщину землякъ. — Чистый бѣлый мраморный столъ вотъ и все. Простота и опрятность. Посмотрите также на сервировку. Вѣдь эдакой тарелкой можно гвозди въ стѣну заколачивать, до того она толста.

— Коньякъ, мадамъ, коньякъ... Апортэ... — торопилъ прислугу Николай Ивановичъ.

— Cognac? A présent? — удивленно спросила та. — Mais vous n'avez pas encore mangé...

— Да, да... Это по-русски... — пояснилъ ей на французскомъ языкѣ землякъ. — Въ Россіи всегда пьютъ крѣпкое вино передъ ъдой, а не послѣ ъды. Это для аппетита. Принесите намъ, пожалуйста, флакончикъ коньяку и порцію сыру.

Коньякъ поданъ. Мужчины начали пить. Прислуга съ удивленіемъ наблюдала за ними издали, пожимала плечами и переглядывалась съ другой прислугой, указывая на мужчинъ глазами. Поданъ супъ. Мужчины выпили коньяку и передъ супомъ. Видя это, прислуга чуть не расхохоталась и поспѣшно отвернулась, еле удерживая смѣхъ. Это не уклонилось отъ взора Николая Ивановича.

— Чего это ихъ коробить? — спросилъ онъ земляка.

— Не принято здѣсь пить коньякъ передъ ъдой. Его пьютъ только послѣ ъды, и вотъ этимъ прислуживающимъ барынькамъ и кажется это дико.

— Дуры, совсѣмъ дуры!

Но вотъ появилась и индѣйка съ гусемъ, еще только снятые съ вертела, шипящіе въ своемъ собственномъ жирѣ, распространяющіе запахъ, разжигающій аппетитъ. Ихъ несли двѣ женщины на двухъ блюдахъ. Сзади ихъ шествовалъ поваръ съ ножами за поясомъ и съ салатникомъ, переполненнымъ салатомъ. Женщины и поваръ никакъ не могли сдерживать улыбки. Поваръ даже не утерпѣлъ и проговорилъ:

— Voyons, messieurs... Il faut avoir grand appétit pour manger tout ça *).

---

*) Посмотримъ. Надо имѣть большой аппетитъ, чтобы все это скушать.

Онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ, спросилъ, не нужно ли разнять птицъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, разрѣзalъ ихъ самымъ артистическимъ образомъ. Николай Ивановичъ накинулся на гуся, Глафира Семеновна и землякъ навалились на индѣйку.

— Каково изжарено-то? — торжествующе спрашивалъ землякъ.

— Прелестъ! — отвѣчалъ Николай Ивановичъ, набивая себѣ ротъ.

Поваръ и прислуживающія женщины стояли въ отдаленіи, съ любопытствомъ смотрѣли на ъдоковъ и, улыбаясь, перешептывались. Женщинъ стояло уже не двѣ, а пять-шесть. Къ любопытнымъ присоединился еще и поваръ. Очевидно, они даже спорили, съѣдяты ли посѣтители все безъ остатка или спасаютъ. Но птицы были громадны. Глафира Семеновна первая оттолкнула отъ себя тарелку. Землякъ тоже скоро спасовалъ. Дольше всѣхъ ъдль Николай Ивановичъ, кладя себѣ поперемѣнно на тарелку то кусокъ гуся, то кусокъ индѣйки, но и онъ вскорѣ отеръ губы салфеткой и сказалъ:

— Ассе. Теперь венъ ружъ... Теперь краснымъ винцомъ позабавимся. Вотъ это настоящій обѣдъ, вотъ это я понимаю! — воскликнулъ онъ. — Мерси, землякъ, что указалъ мѣсто, гдѣ можно поѣсть вволю.

Онъ взялъ его за руку и потрясъ ее.

У прислуги и поваровъ замѣтно было движеніе.

„Je disais que c'est difficile“ *), заговорилъ усатый поваръ и получилъ отъ другого повара какую-то серебряную монету. Очевидно, что они держали pari, будуть ли съѣдены гусь и индѣйка, — и усатый поваръ выигралъ pari.

Землякъ поманилъ къ себѣ прислуживавшую при столѣ женщину и отдалъ приказъ, чтобы остатки жаркого были завернуты въ бумагу, что и было исполнено. Подавая на столъ пакетъ съ остатками жаркого, женщина сказала по-французски:

— Вамъ вотъ втроемъ не удалось и половины

---

*) Я сказалъ, что это трудно.

съѣсть отъ двухъ птицъ, а два мѣсяца тому назадъ насъ посѣтилъ одинъ англичанинъ, который одинъ съѣлъ большого гуся.

Землякъ тотчасъ-же перевелъ это своимъ собесѣдникамъ.

— Ничего не значитъ. И я бы съѣлъ цѣлаго гуся, ежели бы сейчасъ же послѣ обѣда соснуть часика два, а вѣдь намъ нужно сегодня идти въ театръ, — сказалъ Николай Ивановичъ, наливая себѣ и земляку краснаго вина въ стаканы.—Ну-съ, за упокой гуся. Славный былъ покойникъ! Чокнемтесь, землякъ.

— Извольте. Но надо также помянуть и индѣйку. За упокой индѣйки... Большого достоинства была покойница.

— Да, да... спасибо имъ обоимъ... По ихъ милости я въ первый разъ заграницей наѣлся досыта.

И Николай Ивановичъ и землякъ сдѣлали по большому глотку вина изъ своихъ стакановъ.

LVI.

Уже стемнѣло, когда компанія покончила съ своимъ обильнымъ, но не разнообразнымъ обѣдомъ. Николай Ивановичъ и землякъ выпили много и порядочно разгорячились. Николай Ивановичъ хотѣлъ пить еще, но землякъ остановилъ его.

— Довольно, довольно. Пора и въ циркъ на представлѣніе индѣйцевъ, а то опоздаемъ, — сказалъ онъ. — Циркъ этотъ отсюда не близко. Онъ за городомъ. Положимъ, мы туда поѣдемъ по желѣзнай дорогѣ Сeinture, но когда еще до станціи дойдешь. А выпить мы и въ циркѣ можемъ.

Они захватили съ собой остатки жаркого, вышли изъ съѣстной лавки и отправились на станцію желѣзной дороги.

Станція желѣзной дороги находилась подъ горой. Поднявшись по каменнымъ ступенямъ на горку, супруги, предводительствуемые землякомъ, свернули въ какую-то улицу и, наконецъ, вошли въ садъ. У воротъ съ нихъ

взяли по франку за входъ. Садъ представлялъ изъ себя лужайки, очень мало засаженыя деревьями и кустарниками. Между кустарниками и деревьями то тамъ, то сямъ виднѣлись коническая хижины индѣйцевъ. Изъ верхнихъ концовъ конусовъ валилъ дымъ. Нѣсколько полуголыхъ ребятишекъ съ бронзовыми лицами и длинными черными, какъ вороново крыло, прямymi, какъ палки, волосами играли около хижинъ. На лугу бродилъ тощій буйволъ; около одной изъ хижинъ завывала привязанная на веревкѣ тощая собака. Все это было видно при яркомъ освѣщеніи газомъ.

Издали доносились звуки оркестра.

— Надо спѣшить. Въ циркѣ ужъ началось, — сказалъ землякъ.

Они прошли мимо сіяющаго огнями балагана съ надписью „Restaurant“.

— Вотъ и выпить есть гдѣ. Отлично... — замѣтилъ Николай Ивановичъ. — Землякъ, землякъ! Нѣть-ли здѣсь какого-нибудь дикаго питья? Вотъ бы попробовать. Вѣдь индѣйцы-то не Магомету празднуютъ, стало быть, имъ хмельное разрѣшено.

— Это ужъ мы послѣ, Николай Ивановичъ, послѣ. Пойдемте скорѣй въ циркъ, на мѣста. Видите, публики-то въ саду совсѣмъ нѣть. Она вся на мѣстахъ.

Представленіе дѣйствительно началось. На аренѣ подъ открытымъ небомъ носились на бойкихъ, но невразныхъ лошаденкахъ человѣкъ десять въ сѣрыхъ поярковыхъ шляпахъ, въ цвѣтныхъ курткахъ и съ ружьями за плечами. Они пронзительно гикали, махали арканами и гнались за убѣгавшей отъ нихъ лошадью. Сдѣлавъ по аренѣ круга три, они, наконецъ, нагнали лошадь. Одинъ изъ нихъ накинулъ на лошадь арканъ и остановилъ ее. Пойманная лошадь металась, становилась на дыбы, лягалась. Второй и третій арканы, накинутые на нее всадниками, повалили ее на землю.

— Разбойниковъ это они, что-ли, представляютъ? — спросила Глафира Семеновна земляка.

— Охотниковъ въ американскихъ степяхъ. Они дикую лошадь поймали, повалили ее и вотъ теперь надѣваютъ на нее узду.

За декораціей, изображающей вдали холмы и на нихъ домики американской деревушки, послышались дикі крики. Охотники, возившіся около дикой, только что взнужданной лошади, бросили ее, вскочили на своихъ лошадей "опять понеслись по аренѣ". Крики за холмами усилились, превратились въ ревъ, и изъ-за холмовъ показались скачущіе на неосѣдланныхъ лошадяхъ индѣйцы съ развѣвающимися длинными волосами и накинутыми на плечи полосатыми плащами. Они гнались за охотниками.

— Вотъ разбойники, индѣйцы разбойники. Они дѣлаютъ нападеніе на охотниковъ. Видите, гонятся за ними, — сказалъ землякъ.

Раздались выстрѣлы, лязгъ оружія, нѣсколько всадниковъ повалились съ лошадей, въ пороховомъ дымѣ смѣшились индѣйцы и охотники. Когда дымъ разсѣялся, охотники были уже со связанными руками, индѣйцы уводили ихъ и ихъ лошадей за декорацію, изображающую холмы съ деревушкой. На лошади одного изъ индѣйцевъ между шеей лошади и туловищемъ индѣйца лежалъ охотникъ со свѣсившимися руками и ногами. Еще одинъ индѣецъ тащилъ за собою по землѣ на арканѣ другого охотника.

— Прощай, охотнички! Индѣйцы побѣдили и повели ихъ въ плѣнъ на жаркое, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— Да неужто съѣдять? — поспѣшно спросила Глафира Семеновна.

— А то какъ-же? Порядокъ извѣстный. Вѣдь они людоѣды. Изъ одной ноги бифштексы, изъ другой бефъ-строгановъ, изъ третьей какой-нибудь тамъ антре-котъ, — шутилъ Николай Ивановичъ.

— Да неужели настоящимъ манеромъ съѣдять?

— Нѣтъ, нѣтъ. Вѣдь это только представеніе. Кто-же имъ позволить здѣсь въ Парижѣ людоѣдствовать! — успокоилъ Глафиру Семеновну землякъ.

— Ну, то-то... а я ужъ думала...

— А ничего нѣтъ интереснаго въ этомъ дикомъ представлениіи, — проговорила Глафира Семеновна, зѣвая въ руку. — Тоска.

— Необыкновенно бойкія лошади, молодецкая ъзда индѣйцевъ и ихъ ловкость — вотъ что интересно, — отвѣчалъ землякъ.

— Полноте, полноте... Наші казаки куда лучше всѣ эти штуки на лошадяхъ продѣлываютъ, — возразилъ Николай Ивановичъ.

LVII.

Представленіе индѣйцевъ, дѣйствительно, было донельзя однообразно. Въ первомъ отдѣлѣніи они гнались за охотниками, нападали и сражались съ ними, въ слѣдующемъ отдѣлѣніи они то же самое продѣлывали, настигнувъ фургонъ съ европейскими переселенцами. Глафира Семеновна зѣвала, зѣвалъ и Николай Ивановичъ, не отставалъ отъ него и землякъ.

— Пойдемъ-ка мы лучше побродимъ по саду, да зайдемъ къ этимъ самымъ дикимъ въ ихъ домики и посмотримъ, какъ они живутъ,—сказалъ Николай Ивановичъ. — Чего тутъ-то глаза плятить. Ей-ей, никакого интереса въ этихъ скачкахъ. Посмотрѣли, и будетъ. Кстати-же тамъ и ресторанъ. Вставай, Глаша.

— Да ужъ лучше, дѣйствительно, по саду походить,—согласилась Глафира Семеновна, вставая съ мѣста.

Безпрекословно поднялся и землякъ. Они вышли изъ амфитеатра и по дорожкамъ сада направились къ жилищамъ индѣйцевъ.

Въ палаткахъ индѣйцевъ шла стряпня. Оставшіяся въ палаткахъ женщины, очевидно, приготовляли ужинъ для своихъ мужчинъ, гарцующихъ въ настоящее время на аренѣ. Николай Ивановичъ, Глафира Семеновна и землякъ подняли войлокъ, висѣвшій у входа, и вошли въ одну изъ такихъ палатокъ. Тамъ было дымно. Горѣлъ костеръ, разложенный на землѣ, и надъ костромъ висѣлъ котелокъ съ варящейся въ немъ пшеницей кашей. Около костра на корточкахъ сидѣли двѣ женщины — одна старая, другая молодая. Старая мѣшала деревянной палкой кашу въ котлѣ. Молодая, имѣя въ рукѣ серповидный коротенький ножъ, разрѣзала мясо на мел-

кіе кусочки, продѣлывая эту работу прямо на землѣ съ притоптанной травой. Женщины были въ одиѣхъ только шерстяныхъ короткихъ и чрезвычайно узкихъ юбкахъ полосатаго рисунка и въ грязныхъ рубашкахъ безъ рукавовъ. Ноги у обѣихъ были босыя. Голова старой женщины была повязана пестрымъ платкомъ; молодая женщина была простоволосая, но зато на шеѣ имѣла нѣсколько нитокъ цвѣтныхъ бусъ. При входѣ посѣтителей, женщины заговорили что-то на своеемъ нарѣчіи. Наконецъ молодая стрѣльнула глазами въ сторону Николая Ивановича, поднялась съ земли и, подойдя къ нему, положила ему на плечи руки и улыбнулась.

— Мосье... Ашете абсантъ... Ашете абсантъ пуръ ну... — сказала она и стала ласково трепать Николая Ивановича по щекамъ.

— Брысь, брысь!... — замахалъ тотъ руками и пятясь.

Но женщина не унималась. Она схватила его за руки и стала притягивать къ себѣ, какъ бы стараясь, чтобы онъ ее поцѣловалъ.

— Да чего ты пристала-то, черномазая? — бормоталь Николай Ивановичъ, стараясь высвободить свои руки изъ рукъ женщины, но та была сильна, и это не такъ легко было сдѣлать. Она продолжала держать его руки и говорила все ту же фразу:

— Ашете абсантъ пуръ ну, ашете абсантъ.

— Она просить, чтобы вы купили ей аниской водки, — перевѣз землякъ Николаю Ивановичу.

— Водки? Такъ чего же она мнѣ руки-то ломаетъ? И вѣдь какая сильная, подлецъ?

Николай Ивановичъ косился на жену. Та уже вспыхивала, блѣднѣя и краснѣя отъ ревности, и наконецъ, проговорила:

— Вотъ нахалка-то! Николай Иванычъ! Да что-жъ ты стоишь-то, да за руки ее держиши! Пойдемъ вонъ... Выходи...

— Она меня держитъ, а не я ее... Пусти, черномазая! — рванулся онъ, вырвавъ одну руку, но женщина, улыбаясь и показывая бѣлые зубы, держала его за другую и бормотала:

— Ашете абсантъ, ашете абсантъ.

— Николай Иванычъ! Да что жъ ты въ самомъ дѣлѣ!..—возвысила голосъ Глафира Семеновна.—Вѣдь сказано, чтобы ты выходилъ!

— Душечка... Она меня держить...

Онъ погянулся къ выходу и, такъ какъ его держали, вытащилъ за собой изъ палатки женщину. Та, предполагая, что Николай Ивановичъ согласился уже купить ей абсенту и сейчасъ поведетъ ее въ ресторанъ, обняла его другой рукой за шею, поцѣловала и заговорила:

— Мерси, мерси... Аллонъ, аллонъ...

Но тутъ Глафира Семеновна не выдержала. Она взмахнула дождевымъ зонтикомъ и съ крикомъ: „ахъ, ты подлая индѣйская морда!“ ударила женщину по головѣ. Взвизнула въ свою очередь и женщина. Увидавъ, что ударъ нанесенъ ей Глафири Семеновной, она выпустила изъ руки руку Николая Ивановича, бросилась на Глафиру Семеновну и вцѣпилась въ ея ватерпруфъ, сверкая глазами и бормоча непонятныя слова. Глафира Семеновна разсвирѣпѣла и тоже держала ее за воротъ рубахи.

— Меня хватать? Меня? Ахъ ты, индѣйка мерзкая! Да я тебѣ всѣ бѣльмы твои выцарапаю... — бормотала она.

— Глаша, оставь, оставь... — началъ было Николай Ивановичъ, оттаскивая за плечо жену, но было уже поздно...

Въ одно мгновеніе Глафира Семеновна и индіянка вцѣпились другъ дружкѣ въ волосы и упали на траву, баражаясь и царапаясь.

— Господи! Да что же это такое! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и бросился разнимать дерущихся.— Землякъ! Да что же вы-то сложа руки стоите? Помогите и вы!—закричалъ онъ земляку.

Землякъ тоже началъ разнимать. Онъ сѣлъ на индіянку и старался отдернуть ея руку отъ Глафиры Семеновны; но тутъ выбѣжала изъ палатки старая индіянка и, заступаясь за молодую, принялась тузить кулаками по спинѣ земляка, Глафиру Семеновну и Никола-

ляя Ивановича. Сдѣлалась общая свалка. Къ происшествію, между тѣмъ, заслыша крики, подбѣгали гарсоны изъ ресторана, пугаясь въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ передникахъ; стремились мальчишки и индѣйцы.

Кое-какъ сѣпившихся женшинъ расташили. Женщины еле переводили духъ и каждая по-своему выкрикивала угрозы.

— Наглая индѣйская тварь! Потаскушка! Въ моихъ глазахъ и вдругъ смѣеть къ моему мужу цѣловаться лѣзть! Я покажу тебѣ, мерзавка! — слышалось у Глафиры Семеновны.

Бормотала что-то и индіянка, показывая кулаки.

Шляпка Глафиры Семеновны валялась на травѣ, вся измятая, валялся и переломанный зонтикъ.

— Ахъ, срамъ какой! Ахъ, срамъ какой! Глаша, Глаша! Да уймись же... — говорилъ Николай Ивановичъ, передавая растрепанную Глафиру Семеновну тоже растрепанному и безъ шляпы земляку, и принялъся поднимать шляпы и зонтикъ.

Гарсоны и собравшаяся публика, держась за бока, такъ и покатывались со смѣха.

LVIII.

Когда супруги пришли въ себя, то прежде всего они набросились другъ на друга съ упреками.

— Тебѣ хотѣлось, чтобы все это произошло, ты искалъ этого, ты нарочно лѣзъ на дикихъ. У тебя только и разговора было, что о дикихъ. Радъ теперь, что такой скандалъ вышелъ? — говорила, чуть не плача, Глафира Семеновна Николаю Ивановичу.

— Душенька, ты сама виновата. Ты первая хватила эту самую индѣйку зонтикомъ по головѣ, — отвѣчалъ тотъ.

— Да, хватила, но я хватила за дѣло. Какъ она сѣла къ тебѣ лѣзть! Вѣдь лѣзла цѣловаться съ тобой, вѣдь она облапливала тебя. Будто я не видѣла! И главное, при женѣ, при законной женѣ, мерзавка, это дѣлаетъ.

— Да почемъ она знала, что ты моя жена?

— А! Ты еще хочешь защищать ее? Ты радъ былъ, радъ, что она съ тобой обнималась и цѣловаться лѣзла! Ну, да, конечно, ты искалъ этого, ты самъ лѣзъ на это. Жаль, что я вмѣстѣ съ ней и тебя зонтикомъ по башкѣ не откатала.

— Вовсе я не того искалъ и не на то лѣзъ. Очень мнѣ нужно обниматься и цѣловаться съ грязной вонючей бабой! Отъ нея лукомъ такъ и разило.

— Молчи. Вы любите это. Вамъ какая угодно будь грязная и вонючая баба, но только бы не жена.

— Ахъ, Глаша, Глаша, какъ ты несправедлива! Я просто хотѣлъ покормить эту индѣйку остатками гуся. Никогда я не видалъ, какъ ёдятъ дикіе, хотѣлъ посмотрѣть—и вотъ...

— Ну, довольно, довольно! Дома ужъ я съ тобой поговорю! Пойдемъ домой!

— Ты, душечка, прежде успокойся, приди въ себя. Нельзя въ такомъ видѣ ёхать домой. Зайдемъ прежде вотъ въ ресторанчикъ. Тамъ есть навѣрное уборная, и ты поправишься, приведешь въ порядокъ свой костюмъ, потомъ мы выпьемъ чего-нибудь холодненькаго... — уговаривалъ Николай Ивановичъ жену.

— Чтобы я послѣ этого скандала да пошла въ ресторанъ! Да вы съ ума сошли! Ужъ и здѣсь-то надѣнами всѣ лакеи смѣются, а тамъ-то что будетъ!

— Не станутъ они тамъ смѣяться. Здѣсь они смѣются просто сгоряча. А поразмысливъ, они очень хорошо поймутъ, что это не скандалъ, а просто недоразумѣніе. Зайдемъ, Глаша, въ ресторанъ. Ты хоть не-множко придешь въ себя.

— Я стыда на себя этого не возьму. Какъ я послѣ этого буду глядѣть въ глаза прислугѣ? Вѣдь всѣ лакеи видѣли, какая у насъ была свалка.

— Эка важность! Ну, кто насъ здѣсь знаетъ! Рѣшительно никто не знаетъ.

— Нѣть, нѣть, не проси. Домой.

Глафира Семеновна наксоро начала приводить свой костюмъ въ порядокъ. Къ ней подошелъ землякъ, до

сихъ поръ разговаривавшій о чёмъ-то съ гарсономъ ресторана, и принялася ее уговаривать.

— И я бы совѣтовалъ вамъ зайти въ ресторанъ и успокоиться. Здѣсь есть отдѣльные кабинеты. Можно было бы отдельный кабинетъ взять. А что вы опасаетесь насищекъ ресторанный прислуги, то это совершенно напрасно,—сказалъ онъ.—Напротивъ, все сочувствіе на вашей сторонѣ. Я вотъ сейчасъ разговаривалъ съ гарсонами, такъ они возмущены поведеніемъ этой индѣйской бабенки. Оказывается, что съ вами это уже не первый случай. Были такие случаи и съ другими. Они рассказываютъ про ужасное нахальство этихъ индѣйскихъ бабъ. Прежде всего онѣ ужасныя пьяницы и распутницы, и какъ только появляется какой-нибудь мужчина, сейчасъ же онѣ нагло лѣзутъ къ нему съ объятіями и требуютъ абсенту. Гарсоны удивляются, какъ до сихъ поръ полиція не можетъ обуздатъ этихъ индѣекъ.

— Нѣть, нѣть, и вы мнѣ зубы не заговорите. Довольно... Домой...—стояла на своемъ Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ! Да что-жъ вы стали! Двигайтесь къ выходу!—крикнула она на мужа.

Николай Ивановичъ поднялъ съ травы пакетъ съ остатками жаркого и медленно направился къ выходу изъ сада. За нимъ шелъ землякъ. За землякомъ слѣдовала Глафира Семеновна.

— И гдѣ-же эдакіе скандалы происходятъ, что дикія дѣвчонки безнаказанно могутъ лѣзть на женатыхъ мужчинъ, да еще къ тому же при ихъ женахъ? Въ Парижѣ. Въ самомъ цивилизованномъ городѣ Парижѣ! — не унималась она. — Ну, хваленый Парижѣ! Нѣть, подальше отъ этого Парижа. Слушайте, Николай Иванычъ! Я завтра же хочуѣхать вонъ изъ этого проклятаго Парижа,—обратилась она къ мужу.

— Но, душечка, мы еще ничего порядкомъ не осмотрѣли на выставкѣ. Мы еще не видали художественного отдѣла.

— Чортъ съ ней и съ выставкой!

— Но ты забыла, что въ Луврскомъ магазинѣ за-

казала себѣ разные наряды, а эти наряды будуть готовы только еще послѣ завтра.

Завтра же пойду въ магазинъ и буду умолять приказчицъ, чтобы онѣ мнѣ приготовили все къ вечеру. Къ вечеру приготовлять, а ночью—маршъ домой.

— Побудемъ хоть еще денька три на выставкѣ,— упрашивалъ Николай Ивановичъ.

— Чтобы опять на дикихъ нарваться? Благодарю покорно. Домой, домой и домой.

— Сама виновата. Не слѣдовало эту бабу зонтикомъ бить. Я и самъ бы сумѣлъ отбояриться отъ этой бабы.

— Ты отбояриться? Да ты радъ былъ. У тебя даже въ глазахъ какіе-то дьявольскіе огни забѣгали отъ радости, — ну, я и не стерпѣла. Да и какъ стерпѣть, если при мнѣ, при законной женѣ, на мужа дикая баба лѣзеть.

Глафира Семеновна быстро направилась къ выходу. У выхода, при усиленномъ свѣтѣ фонарей, Николай Ивановичъ замѣтилъ, что у ней расцарапана щека и сочится кровь. Онъ сказалъ ей объ этомъ и прибавилъ:

— Приложи къ щекѣ платочекъ. Индѣйка-то, должно быть, какой-нибудь маленький прыщичекъ у тебя на щекѣ сковырнула, и до крови...

— Плевать! На зло не приложу. Глядите на меня и казнитесь, — отвѣчала Глафира Семеновна сердито.

По желѣзной дорогѣ домой супруги уже не поѣхали. У входа въ садъ стоялъ извозчикій экипажъ. Николай Ивановичъ нанялъ экипажъ и посадилъ въ него супругу. Когда онъ прощался съ землякомъ, землякъ шепнулъ ему:

— Я говорилъ вамъ, что въ Тулу со своимъ самоваромъ неѣздить, и вотъ сегодня были ясныя на это доказательства. Не будь при васъ сегодня самовара въ видѣ супруги, никакой-бы непріятности не вышло, и мы провели бы отлично вечеръ, даже, можетъ быть, въ сообществѣ дикихъ индѣекъ. До свиданья! Адресъ вашъ знаю и завтра утромъ постараюсь провѣдѣть васъ, — прибавилъ онъ, раскланиваясь и съ Николаемъ Ивановичемъ и съ Глафирай Семеновной.

На другой день поутру, когда Николай Ивановичъ, проснувшись, потянулся и открылъ глаза, Глафира Семеновна была уже вставши. Она стояла въ юбкѣ и ночной кофточкѣ передъ зеркаломъ, вглядывалась въ свое лицо и пудрилась. Увидѣвъ, что мужъ проснулся, она обернулась къ нему и проговорила:

— Мерзавка дикая то въ трехъ мѣстахъ мнѣ лицо исцарапала. Подлая тварь! Ну, да ей тоже отъ меня зонтикомъ досталось. Кажется, я ей губу разсѣкла и глазъ подправила. Жаль только, что зонтикъ-то сломался. А на тебя, Николай Ивановичъ, я просто удивляюсь..

— Въ чемъ, въ чемъ, душечка?

— А въ томъ, что каждая юбка для тебя милье жены.

— Но чѣмъ же я виноватъ, что она сама ко мнѣ лѣзла? Ты видѣла, что какъ только мы вошли, она сейчасъ же схватила меня за руки.

— Врешь, врешь! Ты самъ былъ радъ. Иначе бы ты долженъ былъ сразу ударить ее по зубамъ и тащить къ городовому.

— Здравствуйте! Ты благодари Бога, что городового-то около не было, а то послѣ драки не миновѣбы намъ полицейского участка.

— За что?

— За нарушеніе общественного спокойствія и оскорблениѣ тишины.

— Такъ вѣдь она первая начала. Какъ она смѣеть трогать общественное спокойствіе законной жены? Это и есть нарушеніе оскорблениія...

— За ласку не наказываютъ, а вѣдь въ драку-то ты первая полѣзла. Ты ее первая зонтикомъ.

— Ну, довольно, довольно. Все-таки я въ этомъ поганомъ Парижѣ, гдѣ на каждомъ шагу дикіе, оставаться больше не намѣрена. Сегодня зайдемъ въ Луврскій магазинъ, попросимъ, чтобы платья мои были готовы сегодня вечеромъ или завтра утромъ, и — вонъ изъ Парижа.

— Ну, душечка, мы еще самаго Парижа-то не видали.

— Сегодня возьмемъ извозчика и объездимъ Парижъ. На выставку, гдѣ дикий на дикомъ ѳдетъ и дикимъ погоняетъ, я ни ногой. Такъ вы и знайте! Прежде всего я хочу посмотретьъ Латинскій кварталь, что это за Латинскій кварталь такой. А то во французскихъ романахъ читаю про Латинскій кварталь, и вдругъ его не видала. Вотъ это интересно. Тамъ и Агнеса-цвѣточница жила, тамъ и ...

Николай Ивановичъ что-то хотѣлъ возражать, но Глафира Семеновна перебила его.

— Молчите, молчите. Всякій бы на вашемъ мѣстѣ послѣ вчерашняго скандала молчалъ, поджавши хвостъ, а вы...

— Но вѣдь скандалъ сдѣлала ты, а не я...

— Довольно!

И Глафира Семеновна не дала говорить мужу.

Приготившись дома чай и напившись чаю, они часу въ двѣнадцатомъ дня вышли изъ гостиницы. Было воскресеніе. Парижъ праздничаль. Лавки и магазины были на половину закрыты. На улицахъ совсѣмъ было не видать блузниковъ, не видать было и свободныхъ извозчиковъ, хотя съ сѣдоками они двигались цѣлыми вереницами. Омнибусы были переполнены публикой и тащили народъ въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ. Глафира Семеновна, все еще раздраженная, бѣжала впередъ, Николай Ивановичъ шелъ за ней сзади. Такъ они пробѣжали двѣ-три улицы.

— Удивительно, что ни одного извозчика! — сердито проговорила Глафира Семеновна.

— Праздникъ. Всѣ разобраны. Видишь, народъ гуляетъ, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Я думаю, что Луврскій-то магазинъ сегодня заперть.

— Врете, врете вы! Это вы нарочно, чтобы намъ подольше въ Парижѣ оставаться. Но заперть онъ или не заперть — мы все равно въ него поѣдемъ.

Возлѣ небольшого ресторана супруги увидѣли извозчика колясочку. Извозчикъ, пожилой толстый человѣкъ съ гладкобритымъ, необыкновенно добродушнымъ

полнымъ лицомъ, подвязывалъ къ мордѣ лошади торбу съ кормомъ.

— Кошѣ! Ву зеть либръ? — спросила Глафира Семеновна извозчика.

Извозчикъ галантно снялъ шляпу и отвѣчалъ по-французски:

— Да, мадамъ, я не занятъ, но нужно завтракать, *il faut que je repasse mon café*. Если хотите подождать, пока я позавтракаю, то я къ вашимъ услугамъ. *C'est seulement un quart d'heure...* Присядьте здѣсь, спросите себѣ что нибудь и подождите меня. Я сейчасъ.

Отойдя отъ лошади извозчикъ даже стуль подвигнулъ Глафири Семеновнѣ. Такая галантность поразила ее, и она, улыбнувшись, сказала: „мерси“.

— Удивительно смѣшной извозчикъ, — обратилась она къ мужу. — Просить подождать, покуда онъ позавтракаетъ. И какъ учтиво! Вотъ бы нашимъ извозчикамъ поучиться. Ты видишь, онъ даже и стуль подвигнулъ мнѣ. Дѣлать нечего, надо будетъ подождать его, потому что извозчиковъ свободныхъ нѣтъ, а пѣшкомъ я бѣгать не намѣрена. Садись. Кстати спросимъ себѣ что-нибудь перекусить. Я тоже ѳѣть хочу.

Николай Ивановичъ и Глафира Семеновна помѣстились за столикомъ около двери въ ресторанчикъ. Извозчикъ, войдя въ ресторанчикъ и вернувшись оттуда, что-то смакуя жирными крупными губами, помѣстился за другимъ столикомъ, невдалекѣ отъ супруговъ.

— *Il fait beau temps, madame. N'est-ce pas?* — обратился онъ къ Глафири Семеновнѣ съ улыбкою.

Та ничего не отвѣтила и толкнула ногой мужа.

— Боже мой, онъ не только сѣлъ около насъ, но даже заговариваетъ съ нами о погодѣ, — сказала она.

— Пожалуйста, только не дѣлай скандала, сдѣлай одолженіе, безъ скандала...

— Зачѣмъ же тутъ скандалъ? Онъ очень учтиво... Но я не знаю, право, отвѣчать ему или не отвѣчать, ежели еще заговорить. Все-таки извозчикъ.

— Отвѣть, ежели слова знаешь. Тебя не убудетъ.

Женщина въ бѣломъ чепцѣ, передникѣ и съ буketомъ на груди принесла па столикъ извозчику кусокъ хлѣба, нѣсколько редисокъ и кусочекъ масла на тарелочкѣ. Извозчикъ принялся закусывать.

LX.

Поджидая завтракающаго извозчика, супруги спросили себѣ сандвичей и краснаго вина и съ любопытствомъ смотрѣли, какъ онъ, сидя около нихъ, закусывалъ редиской и хлѣбомъ съ масломъ. Уничтоживъ редиску, онъ спросилъ себѣ ломотокъ сыру и краснаго вина и опять принялся ъсть.

— Редиска... сыръ... Сметри, смотри... Да онъ завтракаетъ совсѣмъ на аристократической манеръ... — подтолкнула Глафира Семеновна мужа. — Вотъ какъ здѣсь въ Парижѣ извозчики то живутъ: красное вино за завтракомъ пьютъ.

Наконецъ, извозчикъ залпомъ допилъ изъ чашки остатки кофе, положилъ на столъ за завтракъ деньги и, вставъ изъ-за стола, сказалъ:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, мадамъ. Благодарю за вашу любезность, что подождали меня. Прошу васъ въ экипажъ.

Поднявшись изъ-за столика и супруги. Глафира Семеновна шла впередъ, Николай Ивановичъ слѣдовалъ сзади. Они подошли къ экипажу, и лишь только Глафира Семеновна приготовилась садиться и занесла ногу на подножку экипажа, извозчикъ тотчасъ же подставилъ ей руку, свернутую калачикомъ. Глафира Семеновна остановилась и недоумѣвала.

— Обопрitezь, обопритеся, мадамъ, на мою руку, — заговорилъ извозчикъ, и тутъ же прибавилъ: — О, я вижу теперь, что этотъ господинъ вашъ мужъ, а мужья вообще плохіе кавалеры.

Глафира Семеновна оперлась на руку извозчика и, поблагодаривъ, сѣла въ экипажъ.

— Каковъ извозчикъ-то! — толкнула она усаживаю-

шагося съ ней рядомъ мужа.—Боже мой, да это даже и не похоже на извозчика, до того онъ учтивъ.

— На чай хочется получше получить—вотъ онъ и подлашиваетъ.

— Однако, посмотри, какъ ловко онъ подалъ руку; совсѣмъ на офицерскій манеръ. Ты прими въ соображеніе, что вѣдь онъ стариикъ.

— Наполировался. Старику-то наполироваться еще легче.

Извозчикъ между тѣмъ влѣзъ въ козлы, и экипажъ поѣхалъ.

— Удивительно, какой элегантный извозчикъ, — продолжала Глафира Семеновна.—Ты знаешь, онъ даже и тебя осудилъ, что ты не подсадилъ меня въ экипажъ.

— А за это ему по шапкѣ. Какое такое онъ имѣеть право надъ сѣдокомъ смѣяться?

— Ну, ну... Пожалуйста, пожалуйста... Ты бы вотъ лучше вчерашнюю дикую-то бабу по шапкѣ! А то тебя на это не нашлось. Ты вотъ полированнаго чоловѣка хочешь по шапкѣ.

— Не смѣйся надъ сѣдокомъ въ глазахъ жены...

— Оставь, Николай Иванычъ, оставь. Раскаиваюсь, что и сказала тебѣ.

Подѣлѣвали къ Луврскому магазину.

— Вотъ Луврскій магазинъ,—отрекомендовалъ извозчикъ, обернувшись къ сѣдокамъ въ полъ-оборота.—Сегодня воскресенье, и онъ запертъ, но совсѣмъ побывать вамъ въ немъ въ другіе дни.

— Команъ ферме? Ахъ, комъ се домажъ! — заговорила Глафира Семеновна. — Николай Иванычъ, вѣдь магазинъ-то запертъ,—обратилась она къ мужу.

— Я говорилъ тебѣ.

— Какъ же намъ теперь попросить, чтобы сегодня вечеромъ вещи-то мои были готовы? Мнѣ положительно не хочется еще на день оставаться въ Парижѣ. Кошѣ! Пе тонъ постучать энъ пе а ля портъ? Пе тетръ отворять. Увриръ могутъ? Вуй?.. Вѣдь есть же тамъ хоть артельщики дежурные? Аrete кошѣ...

Глафира Семеновна остановила извозчика, вышла

изъ экипажа и стала искать звонка около двери магазина, но звонка не оказалось. Она стукнула въ дверь.

— Безполезно, мадамъ. Сегодня не отворять, — сказалъ ей извозчикъ. — Сегодня всѣ амплуайе праздничаютъ, находятся гдѣ-нибудь за городомъ на легкомъ воздухѣ и проводятъ время съ дамами сердца.

Постучавъ еще нѣсколько разъ въ дверь, Глафира Семеновна снова усѣлась въ экипажъ и сердито сказала мужу:

— Ну, все равно, останемся еще на одинъ день въ Парижѣ, только зарубите себѣ на носу, что я на выставку къ проклятымъ дикимъ положительно уже больше ни ногой.—Кошѣ! Картье Латенъ, же ву при!— скомандовала она извозчику.

LXI.

Супруги ъхали почти шагомъ. Извозчикъ помимо обличия къ сѣдокамъ и, указывая на какое-либо зданіе, бормоталъ безъ умолку. Лицо его то улыбалось, то принимало серьезное выраженіе, говорилъ онъ то съ восторгомъ, то съ грустью, то прищелкивалъ языкомъ, кивалъ головой. Очевидно, онъ и самъ восхищался Парижемъ.

— Говорить красно, а поди разбери, что онъ такое бормочетъ!—сказалъ Николай Ивановичъ женѣ.— Понимаешь что-нибудь, Глаша?

— Въ томъ-то и дѣло, что мало. А очень жаль. То-есть названія церквей-то и улицъ я понимаю. Вотъ сейчасъ проѣзжали мимо биржи, на которой проигрался маркизъ де-Клермонъ.

— Какой-такой маркизъ Клермонъ.

— А это изъ одного романа. Помнишь, я тебѣ читала?

— Тыфу ты пропасть! А я думалъ, какой-нибудь настоящій.

— Онъ проигрался и потомъ сдѣлался чистильщикомъ сапогъ. Да вѣдь ты и самъ, кажется, читалъ?

— Могу ли я все упомянуть. Ты знаешь мое чтеніе.

Лягу на диванъ, раскрою книгу, а черезъ минуту ужъ и сплю. Для меня читать, такъ это все равно, что сонные капли.

— Ну, я все помню, что читала. Потому-то вотъ всѣ улицы Парижа для меня и интересны, что онъ во французскихъ романахъ описываются. Изъ-за того-то я и въ Латинскій кварталъ тѣду, что по романамъ всѣ тамошнія мѣста наизусть знаю.

Въѣзжали въ Латинскій кварталъ. Извозчикъ обернулся и сказалъ по-французски:

— Вотъ что называется Латинскимъ кварталомъ.

— Да, да... Вотъ и на улицахъ ужъ не такъ много народа, какъ въ центрѣ города, — проговорила Глафира Семеновна, съ любопытствомъ смотря направо и налево... — Мерси, коше, мерси... Здѣсь вѣдь студенты, гризетки, разныя работницы, цвѣточницы живутъ, — обратилась она къ Николаю Ивановичу.

— Гм... Такъ... — Николай Ивановичъ зѣвнуль.

— Неужели тебя это не интересуетъ, Николя? А мнѣ такъ это во сто разъ интереснѣе выставки.

— Boulevard St.-Michel! — возгласилъ извозчикъ, когда они въѣхали на широкую улицу.

— Ахъ, вотъ онъ бульваръ-то Сенъ-Мишелъ, — воскликнула Глафира Семеновна. — Ну, я его такимъ и воображала. Совсѣмъ Большой проспектъ на Васильевскомъ острову. Вѣдь о бульварѣ Мишель сколько пишутъ. Страсть! Вотъ тутъ бѣлошвейка Клотильда познакомилась съ медикомъ Малине. И, навѣрное, гдѣ-нибудь тутъ есть тотъ ресторанчикъ, гдѣ они въ первый разъ завтракали. Тетка Пате этотъ ресторанчикъ держитъ. Видишь, я все помню.

— Бредишь ты, кажется!

— Да нѣтъ же, нѣтъ... Тамъ даже подробное описание было. У входа висѣли часы, а надъ часами олени рога... Вотъ ежели бы зайти, то я сейчасъ узнала бы этотъ ресторанчикъ по описанію.

Николай Ивановичъ встрепенулся.

— Что-жъ, давай, зайдемъ. . Краснаго вина я выпью съ удовольствіемъ. Извозчику можно также поднести.

— Да погоди, нужно сначала разыскать этот ресторанъ. Кошѣ! Ву саве у э ресторанъ де тантъ-Патѣ? — спросила Глафира Семеновна извозчика.

— Quel пітёго, madame? — обратился тотъ къ ней въ свою очередь.

— Нумеръ дома спрашиваетъ... Почемъ я знаю! Же не се па.

— Alors il faut chercher. C'est un restaurant russe?

— Какъ руссъ? Франс. Эта тетка Патѣ описана, какъ самая добрая женщина. Когда съ Клотильдой случился грѣхъ, и она родила ребенка, то Патѣ прибрѣла этого ребенка и вскорила на козьемъ молокѣ. А Клотильда была больна и лежала въ клиникѣ. Видишь, я все помню.

— Boulevard St.-Germain! — указалъ бичомъ извозчикъ.

— И бульваръ Сенъ-Жерменъ отлично помню. Тутъ жилъ въ мансардѣ этотъ самый...

— Да брось...

— Нѣтъ, зачѣмъ же бросать! Это пріятно вспоминать. Онъ былъ въ аптекѣ приказчикомъ.

— La rue des Ecoles. La rue St.-Jacques, — показывалъ извозчикъ.

— Все, все помню... Всѣ мѣста знакомыя.

— C'est la Sorbonne.

— Ахъ, Сорбонна! Вотъ она Сорбонна-то! Николай Ивановичъ, смотри Сорбонну. Тутъ и Жозефъ, тутъ и Лазарь учились. Вотъ, вотъ... Здѣсь-то у букиниста и нашли они рукопись шестнадцатаго столѣтія, по которой Жозефъ оказался потомкомъ герцога Оvre и полнымъ наследникомъ всѣхъ его миллионовъ.

— Гм... Гм... Такъ. А только это, душечка, совсѣмъ неинтересно.

— Да какъ же неинтересно-то, ежели кто читалъ.

— А я не читалъ. Да и вообще въ романахъ все враки.

— Враки? А вотъ посмотри, у желѣзной рѣшетки разложены книги, и букинистъ стоитъ. Такъ и въ романѣ стояло. Стало быть, это правда, а не враки. Видишь букиниста?

— Ну, ладно, ладно. Ты вотъ ресторанчикъ-то хотѣла разыскать, такъ давай разыскивать.

— Ахъ, тебѣ только бы до ресторана-то дорваться. И какой ты ненасытный!

— Дура, да вѣдь я для тебя же. Ты хотѣла.

— Collège de France — указалъ извозчикъ на зданіе.

— И коллежъ де Франсъ отлично помню. Вотъ тутъ должна быть тоже одна таверна подъ назнаніемъ „Рогъ изобилія“. Вотъ, вотъ... Навѣрное эта — оживилась Глафира Семеновна, указывая на грязненькій ресторанъ, около которого стояли двое въ сѣрыхъ блузахъ и черныхъ шляпахъ.

— Такъ зайдемъ. Что-жъ ты такъ-то, — сказалъ Николай Ивановичъ.

— И зашла бы, потому что здѣсь рѣзчикъ Каро проиграль-въ кости свою жену художнику Брюле, но я не знаю, та ли эта таверна.

— Такъ спроси. Спроси у извозчика.

— И спросила-бы, но не знаю, какъ по-французски рогъ изобилія. Кошѣ! Кошѣ! Команъ онъ номъ есть тавернъ? — обратилась Глафира Семеновна къ извозчику.

— Connais pas, madame. Mais si vous voulez visiter un restaurant où il y a une dame, qui parle russe, alors— voilà.

Извозчикъ указалъ на ресторанчикъ на другой сторонѣ улицы.

— Что онъ говоритъ? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Да вотъ указываетъ на ресторанъ, гдѣ есть какая-то дама, которая говоритъ по-русски.

— Непремѣнно надо зайти. Что же ты не велишь остановиться?

LXII.

Ресторанчикъ, въ который вошли супруги, былъ самый незврачный ресторанчикъ. Его скорѣе можно было назвать винной лавкой, гдѣ, впрочемъ, кромѣ вина,

продавались хлѣбъ, яйца, редиска и рѣдька, которые и лежали на мраморномъ прилавкѣ вмѣстѣ съ жестяными воронками, служащими для наливанія вина въ бутылки. За прилавкомъ стояла сильно разползшаяся толстая по-жилая женщина въ высокой гребенкѣ съ жемчужными бусами въ волосахъ. Женщина была громаднаго роста, брюнетка, съ дугообразными черными бровями, очевидно подкрашенными, и съ маленькими усиками надъ верхней губой. Мясистыя руки ея съ жирными пальцами въ дешевыхъ кольцахъ едва сходились на животѣ. Затянутая въ корсетъ грудь представляла цѣлую гору. Женщина была одѣта въ черное шерстяное платье. У прилавка стояли два тощіе французы въ потертыхъ пиджакахъ—одинъ съ тараканьими усами, другой съ козлиной бородкой—и любезничали съ женщиной. Ресторанчикъ состоялъ всего только изъ одной комнаты съ грязнымъ поломъ, на которомъ валялись обѣдки редиски, яичная скорлупа. На стѣнахъ висѣли плохія литографіи въ старыхъ, засиженныхъ мухами, деревянныхъ рамахъ и даже были просто намѣчены дешевенькія народныя картинки въ яркихъ краскахъ изображающія разстрѣливаніе слона во время осады Парижа, карту Европы въ лицахъ, гдѣ на мѣстѣ Россіи лежитъ громадный медвѣдь, а на мѣстѣ Германіи прусская каска со штыкомъ и т. п. Пахло виномъ. Столиковъ въ ресторанчикѣ было нѣсколько, но посѣтители сидѣли только за двумя столами. За однимъ два француза, снявъ сюртуки, играли въ домино, за другимъ—одинокій посѣтитель въ высокой французской фуражкѣ, имѣя передъ собою бутылку съ виномъ, внимательно читаль „Petit Journal“. Изъ прислуги была только одна дѣвушка, очень молоденькая, въ клеенчатомъ передникѣ и съ сумочкой у пояса. Войдя въ ресторанчикъ, Глафира Семеновна даже попятилась.

— Кабакъ какой-то... Ужъ входить-ли? — проговорила она, косясь на сидящихъ безъ сюртуковъ французовъ, дымящихъ за игрой въ домино тоненькими папиросами „капораль“.

— Ну, такъ что за бѣда? Кто насъ здѣсь знаетъ?

Зато увидимъ француженку, говорящую по-русски, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. Садись вотъ къ столику.

Когда супруги усѣлись, къ нимъ подскочила прислуживавшая дѣвушка и остановилась въ вопросительной позѣ.

— Ну съ, кто у васъ здѣсь говорить по-русски? Вы, мамзель, что-ли? — обратился къ ней Николай Ивановичъ.

— Comprends pas, monsieur... — отвѣчала та.

— Какъ не компранъ? Намъ сказали, что здѣсь говорятъ по русски.

— Ну сомъ рюссы е коше ну за ди, ке иси парль рюссы.

— Ah, oui, C'est ça... — улыбнулась дѣвушка и, обратясь къ толстой женщинѣ, стоявшей за прилавкомъ, крикнула: — Madame Bavolet! Voilà des personnes russes, qui désirent vous voir *).

Толстая женщина улыбнулась и, выплывъ изъ-за прилавка, подошла къ столу:

— Ah, que j'aime les russes! Monsieur et madame sont de Pétersbourg ou de Moscou **)? Я была въ Петербургѣ и въ Москвѣ и до сихъ поръ сохраняю самыя хорошія воспоминанія о русскихъ, — продолжала она по-французски.

— Постойте, постойте, мадамъ, — перебилъ ее Николай Ивановичъ. — Да вы говорите по-русски?

— Да, я говорю по-русски, mais à présent c'est trés difficile pour moi. Madame parle français — обратилась толстая женщина къ Глафири Семеновнѣ.

— Вуй, мадамъ, энъ пе... — неохотно дала та отвѣтъ.

— Да скажи ты ей, чтобы она присѣла-то... — сказалъ женѣ Николай Ивановичъ.

— Пренѣ плясь, мадамъ.

Женщина взяла стулъ и подсѣла къ супругамъ.

— Я — артистка, — заговорила она по-французски. — Ахъ, монсье, ежели-бы вы знали, какой я имѣла голосъ!

*) Мадамъ Баволе! Вотъ русскіе, которые желаютъ вѣсть.

**) Ахъ, какъ я люблю русскихъ! Вы изъ Петербурга или изъ Москвы?

Но я простудилась, заболѣла и потеряла мой капиталъ. Я пѣвица... Я имѣла ангажементъ и пріѣзжала пѣть въ Петербургъ. Я была и въ Москвѣ. Vous devez savoir Egareft? Jardin de Demidoff? Діемидофъ садъ,— вставила она два слова по-русски. — Вотъ была моя арена. А, монсѣ, русские умѣютъ цѣнить таланты, умѣютъ цѣнить артистовъ!

— Да вы умѣете говорить по-русски-то?... — перевилъ ее Николай Ивановичъ.

— Oh, oui, monsieur. Je me souviens de quelques mots... Isvostschik... Vino... Vodka... Botvigne... O, какое это вкусное русское блюдо—ботвинья! Botvigne avec losso sine...

— Да вѣдь это все слова, слова, а говорить-то вы не умѣете? Парле рюссь... Не компренѣ?

— Да, да... Я говорила по-русски, — но за недостаткомъ практики я забыла. Здѣсь есть русские студенты, они заходятъ ко мнѣ, и мы часто, часто вспоминаемъ о Россіи. Moujik... Boulka... na tschaï... tri roubli na tschaï... C'est pour boire...

— Песь ее знаетъ, что она бормочетъ! Ну, да наплевать! — махнулъ рукой Николай Ивановичъ и сказалъ: — Мадамъ! Ву—артистъ, а ну—маршандъ... Бю-вонъ!

— Qu'est ce que vous voulez prendre, monsieur?

— Венъ ружъ и на закуску виноградъ. Резань, резань... Но бьянъ венъ...

— Du bon vin? Il faut chercher, monsieur. Mademoiselle Marie! — обратилась толстая женщина къ дѣвушкѣ и, передавъ ей большой ключъ, стала ей говорить что-то по-французски. — Tout de suite, monsieur... Vous recevez, — кивнула она Николаю Ивановичу и опять отдалась воспоминаніямъ о русскихъ и Петербургѣ, вставляя русскія слова въ родѣ „Gostinoï dvor, pirogue russe, kvasse, stierliat, tschelovek, kosak“.

Черезъ пять минутъ дѣвушка принесла откуда-то бутылку вина и поставила ее на столъ вмѣстѣ съ стаканами.

— Voyons, monsieur, c'est quelque chose d'extraordinaire... — проговорила толстая женщина, щелкнувъ пальцами по бутылкѣ, и принялась разливать вино въ стаканы.

LXIII.

Мадамъ Баволе, жирная хозяйка винной лавки (то торговое заведеніе, гдѣ сидѣли супругъ и была винная лавка), оказалась изряднымъ питухомъ. Разливъ вино въ стаканы, она хриплымъ контральто воскликнула:

— Ah, que j'aime les russes! Ah, que je suis bien aise de voir monsieur et madame! Buvons sec! Avec les russes il faut boire à la russe *). Твое zdorovie douschinka!— произнесла, наконецъ, она три русскія слова, чокнулась съ супругами, залпомъ выпивъ стаканъ, опрокинула его себѣ на голову, звякнувъ имъ о гребенку.

— Ой, баба! Вотъ пьетъ-то! — невольно выговорила Глафира Семеновна, удивленно смотря на хозяйку.— Да это халда какая-то.

— Оставь, погоди. Все-таки человѣкъ сна бывалый въ Россіи... Пріятно... Видишь, какъ хвалить русскихъ,—перебилъ жену Николай Ивановичъ и тоже осушилъ свой стаканъ.

Глафира Семеновна только пригубила. Это не уклонилось отъ взора хозяйки винной лавки.

— О, нѣть, мадамъ... Такъ невозможно. Такъ русскіе не пьютъ. Надо пить до суха,—заговорила она по-французски и стала принуждать Глафиру Семеновну выпить стаканъ до конца.

Николай Ивановичъ хотѣлъ налить изъ бутылки вина, но бутылка была пуста. Француженка это замѣтила и сказала:

— Это была моя бутылка, монсье... C'est de moi, c'est pour les voyageurs russes que j'adore, но теперь вы можете спрашивать, что вы хотите.

— Этой бутылкой она насъ угощаетъ, — перевела мужу Глафира Семеновна. — Вотъ какая! Заграницей насъ еще никто не угощалъ, — прибавила она, и гостепріимство толстой француженки нѣсколько расположило ее въ пользу француженки. — Мерси, мадамъ, — поблагодарила ее Глафира Семеновна. — Хоть ужъ и не

*) Ахъ, какъ я люблю русскихъ! Ахъ, какъ я рада, что вижу монсье и мадамъ! Выпьемте до дна, съ русскими надо пить по-русски.

хочется мнѣ, чтобы ты еще пилъ, но надо отвѣтить ей тоже бутылкой за ея угощеніе.

— Непремѣнно, непремѣнно, — заговорилъ Николай Ивановичъ и, поблагодаривъ въ свою очередь француженку, воскликнулъ: — Шампанского бутылку! Шампань, мадамъ...

Шампанского въ винной лавкѣ не нашлось, но толстая француженка тотчасъ же поспѣшила послать за нимъ прислуживающую въ ея лавкѣ дѣвушку, и бутылка явилась. Толстая француженка сама откупорила бутылку и стала разливать въ стаканы.

— За здоровье французовъ! Пуръ ле франсэ — возгласилъ Николай Ивановичъ.

— *Vive la France!* *Vive les français!* — отвѣтила француженка, вставъ со стула, распрымилась во весь ростъ и эффектно, геройски, по театральному поднимая бокалъ.

На возгласъ „*vive la France*“ отозвались и французы безъ сюртуковъ, игравшіе въ домино, и тоже гаркнули: „*vive la France*“. Николай Ивановичъ тотчасъ же потребовалъ еще два стакана и предложилъ выпить и французамъ, отрекомендовавшись русскимъ. Французы приняли предложеніе и уже заорали „*vive la Russie*“. Всѣ соединились, присѣвъ къ столу. Дожидавшійся на улицѣ Николая Ивановича и Глафиры Семеновны извозчикъ, засыпалъ торжественные крики, тоже вошелъ въ винную лавку. Николай Ивановичъ спросилъ и для него стаканъ. Одной бутылки оказалось мало, и пришлось посыпать за другой бутылкой.

Когда появились еще двѣ бутылки шампанского, извозчикъ тоже подсѣлъ къ супругамъ. Онъ что-то старался имъ разсказать, тыкая себя въ грудь и упоминая слово *royaliste*, но ни Николай Ивановичъ, ни Глафира Семеновна ничего не поняли. Толстая мадамъ Баволе оживлялась все болѣе и болѣе. Сначала она спорила съ французами безъ сюртуковъ, упоминая съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ про императора Луи-Наполеона, и протягивая руку извозчику, потомъ, обратясь къ супругамъ, опять заговорила о Петербургѣ и кончила тѣмъ, что, взявъ стаканъ въ руки и отойдя

на середину лавки, запъла разбитымъ, сиплымъ, переходящимъ въ басъ, контральто извѣстную шансонетку: „Ah, que j'aime les militaires“. Пѣніе было безобразное, дамъ Баволе поминутно откашливалась въ руку, но тѣмъ не менѣе Николай Ивановичъ и вся мужская публика приходили въ восторгъ.

— Браво! браво! — кричалъ послѣ каждого куплета Николай Ивановичъ, неистово аплодирия.

Глафира Семеновна уже дулась и уговаривала его ъхать домой, но онъ не внималъ, и видя, что двѣ принесенные бутылки были уже пусты, стукалъ ими по мраморному столу и отдавалъ приказъ:

— Анкоръ шампань! Анкоръ де бутель! За французовъ всегда радъ выпить!

LXIV.

Пиръ, устроенный Николаемъ Ивановичемъ въ винной лавкѣ толстой мадамъ Баволе, разгорался все болѣе и болѣе. Было уже выпито восемь бутылокъ шампанского, на столѣ стояла уже плетеная корзинка съ крупными грушами и виноградомъ. Общество, состоявшее изъ супруговъ, самой мадамъ Баволе, двухъ французовъ безъ сюртуковъ и извозчика, оживлялось все болѣе и болѣе. Исключеніе представляла Глафира Семеновна, которая умоляла Николая Ивановича ъхать домой, но онъ не внималъ. Съ французами у него шли рукопожатія, похлопыванія другъ друга по плечу; одинъ изъ французовъ безъ сюртука, поминутно упоминая обѣ Эльзасъ-Лотарингіи, даже поцѣловался съ нимъ. Пили за русскихъ, пили отදльно за казаковъ и почему-то за саперовъ. Послѣдній тостъ былъ предложенъ самой мадамъ Баволе, послѣ чего она опять удалилась на середину лавку и, вставъ въ театральную позу, пропѣла вторую шансонетку, на этотъ разъ въ честь саперовъ: „Rein n'est sacré pour un saper“.

Опять крики „браво“, опять аплодисменты, хотя пѣніе было ниже всякой посредственности. Изрядная порція выпитаго вина окончательно лишила толстую

мадамъ Баволе голоса. Аплодисментами этими, однако, она, очевидно, очень дорожила. Они ей приятно напоминали ея театральное прошлое. Какъ старая кавалерийская лошадь, заслыша маршевые звуки трубы и барабана, даже въ водовозкѣ начинаетъ ступать въ тактъ и по ученому перебирать ногами, такъ и мадамъ Баволе при аплодисментахъ величественно выпрямлялась, прикладывая руку къ сердцу, и раскланивалась. Разъ она даже по старой театральной привычкѣ послала искристо аплодировавшему Николаю Ивановичу воздушный поцѣлуй, прибавивъ: „pour ton hon russe“. Глафира Семеновна ревниво вспыхнула и заговорила:

— Какъ ты хочешь, а ежели ты сейчасъ не отпра-вишься домой, я уѣду одна.

— Сейчасъ, Глашенъка, сейчасъ, погоди чу-точку... Вѣдь въ первый только разъ пришлось въ Парижѣ съ настоящими теплыми людьми встрѣтиться, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Люди то все душевые.

— Но понимаешь ты, я ѿсть хочу, ѿсть. Вѣдь мы сегодня еще не обѣдали. Въ здѣшнемъ кабакѣ ничего кромѣ гнилыхъ яицъ и редиски нѣтъ, а вѣдь это не обѣдъ.

Замѣтивъ, что Глафира Семеновна собирается уходить, къ ней подскочила и мадамъ Баволе, принявшиесь ее уговаривать, чтобы она не уходила.

— Ме ну вулонъ динэ. Ну навонъ па анкоръ дине ожурдюи, — отвѣчала ей Глафира Семеновна.

— Dîner? Vous n'avez pas dîn , madame? Alors tout de suite je vois prougerai le dîner, — и за обѣдомъ было послано.

Явился вареный омаръ, явилась ветчина и холодный паштетъ. Глафира Семеновна дулась и попробовала только ветчины, чтобы отшибить аппетитъ, такъ какъ дѣйствительно ѿсть хотѣла. Французы безъ сюртуковъ набросились на омаря.

А театральныя представенія мадамъ Баволе шли своимъ чередомъ. Кончилось тѣмъ, что мадамъ Баволе стала танцевать канканъ. Неуклюже запрыгало по винной лавкѣ ея грузное тѣло, ударяясь о стулья и столы. Тяжелыя, толстыя, какъ у слона, ноги поднимались

плохо, но тѣмъ не менѣе передъ ней бросился отплясывать и французы безъ сюртука. Мадамъ Баволе запыхивалась, еще переводила дыханіе, но все-таки продолжала выдѣлывать рѣзкія па передъ французомъ безъ сюртука. Николай Ивановичъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на танцы, воодушевился и не выдержалъ соблазна.

— То было франсе, а вотъ это а ля рюссы! — воскликнулъ онъ и самъ пустился по лавкѣ въ присядку.

Этого уже не могла вынести Глафира Семеновна. Она заплакала и выбѣжала вонъ изъ винной лавки.

— Глаша! Глаша! Куда ты? подожди немнога! — бросился за ней Николай Ивановичъ и сталъ упрашивать оставаться.

— Нѣтъ, уже силь моихъ больше нѣтъ. Довольно! — раздраженно и сквозь слезы отвѣчала она, стоя на порогѣ лавки, и крикнула въ отворенную дверь извозчику: — Коше! Же ве домой... Же ве а ля мезонъ. Вене зиси э партонъ а ля мезонъ.

Извозчикъ выбѣжалъ за Глафири Семеновной и, участливо бормоча: „Madame est malade, je vois que madame est malade“, сталъ подсаживать ее въ экипажъ.

— Да дай хоть за вино то разсчитаться — и я съ тобой поѣду, — говорилъ Николай Ивановичъ.

— Чортъ! Дьяволъ! Бездушная скотина! Не хочу съ тобойѣхать! Оставайся въ пьяной компаніи, обнимайся съ нахальной бабой... Разсчитаться съ извозчикомъ и у меня золотой найдется. Посмотрю я, какъ ты одинъ будешь шляться по Парижу безъ французского языка. Коше! Алле! Алле, коше! — приказывала Глафира Семеновна взобравшемуся уже на козлы извозчику.

На улицу выбѣжали мадамъ Баволе и французы безъ сюртуковъ и остановились около Николая Ивановича.

— Madame est partie?.. Il me semble, que madame est capricieuse, mais ne pleurez pas, nous nous amuserons bien *), — говорила мадамъ Баволе, какъ бы подсмѣиваясь надъ Николаемъ Ивановичемъ, и, взявъ его подъ руку, снова втащила въ свою лавку.

*) Мадамъ уѣхала? Мне кажется, что мадамъ капризна, но не плачьте, мы повеселимся хорошо.

Оставшись съ компанией одинъ, Николай Ивановичъ очутился совсѣмъ ужъ безъ языка. Глафира Семеновна все-таки была для него хоть какой-нибудь переводчицей. Словарь его французскихъ словъ былъ крайне ограниченъ и состоялъ только изъ хмельныхъ словъ, какъ онъ самъ выражался, тѣмъ не менѣе онъ все-таки продолжалъ бражничать съ компанией. Пришлось разговаривать съ собутыльниками пантомимами, что онъ и дѣлалъ, поясняя свою рѣчь. Хоть и заплетающимся отъ выпитаго вина языкомъ, но говорилъ онъ безъ умолку, и, дивное дѣло, при дополненіи жестами, его кое-какъ понимали. А говорилъ онъ обо всемъ: о Петербургѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о женѣ, о торговлѣ.

Далѣе Николай Ивановичъ смутно помнить, что куда-то поѣхали въ четырехмѣстномъ парномъ экипажѣ. Онъ, Николай Ивановичъ, сидѣлъ рядомъ съ мадамъ Баволе и на ней была высочайшая шляпа съ широкими полями и цѣлымъ ворохомъ перьевъ. Два француза сидѣли противъ него. Помнить онъ какой-то садъ, освѣщенный газомъ, нѣчто въ родѣ театра, сильно декольтированныхъ женщинъ, которыхъ пѣли и приплясывали, помнить звуки оркестра, помнить пеструю публику, помнить отчаянные танцы, помнить, что они что то ъли въ какой-то красной съ золотомъ комнатѣ, припоминаетъ, что онъ сидѣлъ съ какой-то француженкой обнявшись, но не съ мадамъ Баволе, а съ какой-то тоненькой, востроносой и бѣлокурой, но все это помнить какъ сквозь сонъ.

Какъ онъ вернулся къ себѣ домой въ гостиницу, онъ не зналъ, но проснулся онъ у себя въ номерѣ на постели. Лежалъ онъ хоть и безъ пиджака и безъ жилета, но въ брюкахъ и въ сапогахъ и съ страшной головной болью. Онъ открылъ глаза и увидаль, что въ окно свѣтило яркое солнце. Глафира Семеновна въ юбкѣ и въ ночной кофтѣ стояла къ нему спиной и укладывала что-то въ чемоданъ. Николай Ивановичъ на нѣкоторое время притворился спящимъ и сталъ со-

ображать, какъ ему начать рѣчъ съ супругой, когда онъ поднимется съ постели, — и ничего не сообразилъ. Голова окончательно отказывалась служить. Полежавъ еще немнога, не шевелясь, онъ сталъ осторожно протягивать руку къ ночному столику, чтобы ощупать часы и посмотрѣть, который часъ. Часы онъ ощупалъ осторожно, осторожно посмотрѣлъ на нихъ и очень удивился, увидавъ, что уже третій часъ дня; но когда сталъ класть часы обратно на столикъ, часовая цѣпочка звякнула о мраморную доску столика, и кровать скрипнула. Возившаяся надъ открытымъ сундукомъ Глафира Семеновна обернулась и, увидавъ Николая Ивановича шевелящимся и съ открытыми глазами, грозно нахмурила брови и проговорила:

— Ахъ, проснулся! Мерзавецъ!

— Глаша, прости... Прости, голубушка... Вѣдь ты сама виновата, что такъ случилось, — пробормоталъ Николай Ивановичъ, стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе нѣжности и заискивающаго тона, но голосъ хрипѣлъ и сипѣлъ послѣ вчерашняго пьянства.

— Молчи! Я покажу тебѣ, какъ я сама виновата! Еще смѣешь оправдываться, пьяница! — перебила его Глафира Семеновна.

— Ну, прости, ангельчикъ. Чувствую, что я въ твоей власти.

— Не смѣть называть меня ангельчикомъ. Зови ангельчикомъ ту толстую хабалку, съ которой ты пьянствовалъ и обнимался, а меня больше не смѣй!

— Съ кѣмъ я обнимался? Съ кѣмъ?

— Молчать! Ты, я думаю, съ цѣлымъ десяткомъ мерзавокъ обнимался, пропьянствовалъ всю сегодняшнюю ночь.

— Глаша! Глаша! Зачѣмъ такъ? Зачѣмъ такъ? Видѣть Богъ... — заговорилъ Николай Ивановичъ, поднявшись съ постели и чувствуя страшное головокруженіе.

Глафира Семеновна не выдержала. Она опустилась на открытый чемоданъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакала.

Глафира Семеновна плакала, а Николай Ивановичъ всталъ съ постели и молча приводилъ свой костюмъ въ порядокъ. Дѣлалъ онъ это не безъ особыхъ усилий. Послѣ вчерашней выпивки его такъ и качало изъ стороны въ сторону, голова была тяжела, какъ чугунный котель, глазамъ было трудно глядѣть на свѣтъ, и они слезились, языкъ во рту былъ какъ-бы изъ выдѣланной кожи. Николай Ивановичъ тщательно умылся, но и это не помогло. Онъ попробовалъ закурить папироску, но его замутило. Бросивъ окурокъ и откашлявшись, онъ подсѣль было къ Глафири Семеновнѣ.

— Прочь!—закричала та, замахнувшись на него.— Не подходи ко мнѣ. Иди къ своимъ мерзавкамъ.

— Къ какимъ мерзавкамъ? Что ты говоришь!

— А вотъ къ тѣмъ, отъ которыхъ ты эти сувениры отобралъ.

Глафира Семеновна подошла къ его пальто, висѣвшему на гвоздѣ около двери, и стала вынимать изъ кармановъ пальто пуховую пудровку, карточку съ надписью *Blanche Barbier* и адресомъ ея, гласящимъ, что она живетъ на Итальянскомъ бульварѣ, домъ номеръ такой-то. Далѣе она вынула пробку отъ хрустального флакона, смятую бабочку, сдѣланную изъ тюля и бархата, и прибавила:

— Полюбуйтесь. Это что? Откуда вы это нахватали?

Николай Ивановичъ удивленно выпучилъ глаза и развелъ руками.

— Рѣшительно не понимаю, откуда это взялось,— сказалъ онъ, но тутъ-же сообразилъ, что можно сорвать, и пробормоталъ: — Ахъ, да... Бабочку эту я для тебя купилъ, но только она смялась въ карманѣ. Очень хорошенъкая была...

— Благодарю, благодарю. Стало быть, и пробку отъ флакона тоже для меня купили, карточка какой-то Бланшъ съ адресомъ тоже у васъ для меня?

— Душечка, это, должно быть, какая-нибудь портвиха. Да, да, портвиха. Я не помню хорошенъко, я

былъ пьянъ, откровенно говорю, что я былъ пьянъ, но это непремѣнно адресъ дешевой портнихи, которую мнѣ рекомендовала для тебя мадамъ Баволе.

„Фу, выпутался“,—подумалъ Николай Ивановичъ, но Глафира Семеновна, язвительно улыбнувшись, проговорила: „Не лги, дрянь, не лги“, и полѣзла въ другой карманъ пальто, изъ котораго вытащила длинную черную, значительно заношенную и штопанную перчатку на семи пуговицахъ и спросила:

— И эту старую перчатку для меня тоже купилъ?

— Недоумѣваю, рѣшительно недоумѣваю, откуда могла взяться эта перчатка. Одно только развѣ, что этотъ французъ, съ которымъ мы вмѣстѣ пили, въ карманъ мнѣ засунулъ какъ нибудь по ошибкѣ.

— Отлично. Стало быть французъ въ женскихъ перчаткахъ выше локтя щеголялъ. Ужъ хотѣ-бы вралъ-то какъ-нибудь основательно, а то вѣдь чушь городите. Ясно, что вы обнимались съ разными мерзавками, и вотъ набрали у нихъ разнаго хламу на память. Я вѣдь, васъ, мужчинъ, знаю, очень хорошо знаю. А гдѣ ваши деньги, позвольте васъ спросить?—наступала Глафира Семеновна на мужа, который отъ нея пятился. Третьяго дня вечеромъ у васъ было въ кошелькѣ сорокъ золотыхъ, а теперь осталось только два. Тридцати восьми нѣть. Вѣдь это значитъ, что вы семьсотъ шестьдесятъ франковъ въ одинъ день промотали. Неужто же вы тридцать восемь золотыхъ пропили только въ грязномъ кабакѣ толстой тумбы?

— Да неужели только два золотыхъ осталось?

— Два, два... Вотъ, полюбуйтесь, — заговорила Глафира Семеновна, вытаскивая изъ-подъ подушки своей кровати кошелекъ Николая Ивановича и вынимая изъ него два золотыхъ.

— Не помню, рѣшительно не помню... — опять развелъ руками Николай Ивановичъ. — Должно быть, потерялъ. Сама себя раба бѣть за то, что худо жнеть. Шампанское, которое мы пили, здѣсь не ахти какъ дорого, всего только по пяти или по шести франковъ за бутылку. Не знаю... Пьянъ былъ—и въ этомъ каюсь.

— А я знаю... Эти семьсотъ франковъ ушли въ

руки и въ утробы вотъ этой Бланшъ и другихъ мер-
завокъ! — грозно воскликнула Глафира Семеновна и
ткнула Николаю Ивановичу въ носъ карточкой.—Да-съ,
ей, ей... А что это за портниха—я уже узнала. Пока
вы дрыхали до третьяго часу, я успѣла уже съѣздить
на Итальянскій бульваръ, вотъ по адресу этой карточки,
и узнала, какая это такая портниха эта самая Бланшъ
Барбье.

— Рѣшительно, ничего, душечка, не помню, рѣ-
шительно, потому что былъ пьянъ, какъ сапожникъ.
Карточка могла попасть въ карманъ отъ француза, съ
которымъ я пилъ; французъ могъ и деньги у меня
украсть. Чортъ его знаетъ, какой это такой былъ фран-
цузъ! И вѣдь дернула тебя нелегкая заѣхать вчера въ
этотъ кабакъ толстой бабы.

— Здравствуйте! Теперь я виновата. Не самъ ли
ты меня упрашивалъ заѣхать!

— Неправда. Я только одобрилъ твой планъ. Ты
отыскивала въ Латинскомъ кварталѣ какую-то таверну
„Рогъ изобилия“.

— Я отыскивала не для того, чтобы пьянствовать,
а для того, чтобы посмотретьъ то мѣсто, гдѣ, по опи-
санію романа, рѣзчикъ проигралъ свою жену худож-
нику. Я зашла только для того, чтобы имѣть понятіе
о маленькихъ тавернахъ Латинскаго квартала, а ты ки-
нулся на пьянство.

Николай Ивановичъ сдѣлалъ жалобное лицо и
пробормоталъ, снова разводя руками:

— Бѣсь попуталь, Глаша! Прости меня, Христа
ради, Глаша! Никогда этого не случится.

— Нѣтъ, этого я тебѣ никогда не прощу! — сдѣ-
лала жестъ рукой Глафира Семеновна.—Я тебѣ отплачу
тѣмъ-же, тою-же монетой.

— То-есть, какъ это? — испуганно спросилъ Ни-
колай Ивановичъ.

— Ты кутиль, и я буду кутить. Тоже найду ка-
кого-нибудь кавалера. Ты Бланшъ отыскалъ, а я Аль-
фонса отыщу.

— Не говори вздору, Глаша, не говори... — по-
грозилъ женѣ пальцемъ Николай Ивановичъ.

— Говори сейчась, гдѣ ты шлялся до шести часовъ утра?

— Не помню, рѣшительно не помню. Былъ въ томъ кабакѣ, а потомъ куда-тоѣздили всей компанией на гулянье, кудаѣздили—не помню.

— Ну, ладно. Это была первая и послѣдняя твоя гулянка въ Парижѣ. Собирайся. Сегодня вечеромъ мы уѣзжаемъ изъ Парижа.

— Но, Глаша, какъ-же это такъ... А канатное отдѣленіе на выставкѣ? Я еще канатнаго отдѣленія не видаль по своей спеціальности. Не видали мы и картинъ...

— Знать ничего не хочу. Вонъ изъ Парижа. Есть ли у тебя еще чѣмъ разсчитаться въ гостиницѣ и заплатить за дорогу?

— Это-то есть. Но позволь. Какъ-же уѣзжать сегодня, ежели я еще денегъ не получилъ?

— Съ кого? Какихъ денегъ?

— Да, съ земляка, съ которымъ мы познакомились въ театрѣ Эдемъ. Я забылъ тебѣ сказать, что онъ занялъ у меня триста французскихъ четвертаковъ на одинъ день, обѣщался вчера ихъ принести—и вотъ...

Николай Ивановичъ выговорилъ это, понизивъ голосъ, но Глафира Семеновна воскликнула:

— Вотъ дуракъ-то! Видали вы дурака-то! Даешь первому встрѣчному по триста франковъ! Ну, оттого-то онъ къ намъ вчера и не явился, не явился и сегодня, что онъ за дуракъ.

— Нельзя-же было, Глаша, не дать. Цѣлый день провели душа въ душу.

— Все равно,ѣдемъ сегодня. Что съ воза упало, то пропало.

— Но платья и вещи твои, заказанныя въ Луврскомъ магазинѣ?

— Вотъ они,—указала Глафира Семеновна на карточки. — Пока ты спалъ, я съѣздила за ними въ магазинъ и привезла. Собирайтесьѣхать. Да заплатите коридорнымъ, которые вась сегодня утромъ втаскивали подъ руки въ номеръ. А тому французу, который вась привезъ сюда въ каретѣ, я заплатила за карету и за

какую-то его шляпу, которую вы сорвали у него съ головы и бросили въ Сену.

Николай Ивановичъ вздохнулъ.

— Вотъ такъ фунтъ! Да неужели я былъ такъ пьянъ?

— Слова „мама“ не выговаривалъ. Потомъ вы внизу у насъ въ гостиницѣ какое-то зеркало бутылкой разбили, такъ и за него надо заплатить.

— Господи Боже мой! — ужаснулся Николай Ивановичъ, покрутилъ головой и съ жадностью началъ пить холодную воду, наливъ ее въ стаканъ изъ графина.

LXVII.

Расписанный на длинномъ листѣ, съ мельчайшими подробностями—счетъ былъ громадный.

— Боже! Сколько наворотили! За что это? Вѣдь мы только спали и почти ничего не ъли въ гостиницѣ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ.

Онъ взялъ счетъ, повертѣлъ его въ рукахъ, посмотрѣлъ на строчки и сказалъ:

— Не про насъ писано. Прочти-ка ты, Глаша, — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Взяла въ руки счетъ и Глафира Семеновна, принялась разматривать и проговорила:

— Удивительно, какими каракулями пишутъ.

— А это, я думаю, нарочно, чтобы не все расчухали, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ. — Можешь, однако, понять-то хоть что-нибудь?

— Да вотъ шамбръ... Это за комнату. Тутъ по двѣнадцати франковъ.

— Ну да, да... Такъ мы и сторговались.

— Постой... Мы сторговались по двѣнадцати франковъ за комнату съ двумя кроватями, а тутъ за вторую кровать отдельно по франку въ день поставили. Кажется, за кровать. Да, да, это кровать.

— Да какъ-же они смѣютъ, подлецы! Ахъ, жалко, что я не умѣю ругаться по-французски.

— Постой, постой... Тутъ два раза свѣчи. Бужи

де сервизъ и просто бужи. За первое два франка, за второе пять. Мы и сожгли-то всего двѣ свѣчи.

— Ловко! — прищелкнулъ языкомъ Николай Ивановичъ.

— Даже марки, за почтовыя марки къ письмамъ и то по пятидесяти сантимовъ за штуку, — продолжала Глафира Семеновна. — Вѣдь это по полуфранку, вѣдь это больше, чѣмъ вдвое. Потомъ опять: сервизъ, сервизъ, и все по два франка. Это ужъ за прислугу, что ли? Должно быть, что за прислугу.

— Это за нашего коридорнаго дурака-то въ бумажномъ колпакѣ, что ли?

— Да должно быть, что за него. Батюшки! За спички... Де залюметъ... За спички также отдѣльно поставлено.

— За бумажный колпакъ на головѣ коридорнаго отдѣльно не поставлено-ли? — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ, не поставлено.

— А за войлочные туфли на ногахъ?

— Нѣгъ, нѣтъ. Но зато поставлено два франка за что то такое, чего ужъ я совсѣмъ понять не могу. Должно быть, это не за то-ли, что тебя вчера вели подъ руки по лѣстницѣ, — сказала Глафира Семеновна.

Николай Ивановичъ смущился...

— Ну, ну, довольно... — махнулъ онъ рукой. — Поязвила — и будетъ.

— Ага! Не любишь! За разбитое-то зеркало все-таки пятьдесятъ франковъ долженъ заплатить. Вотъ оно... поставлено.

Николай Ивановичъ вздохнулъ, умолкъ и полѣзъ за запасными деньгами, которыя хранились въ запертомъ саквояжѣ. Глафира Семеновна смотрѣла на него и говорила:

— Еще счастливъ твой Богъ, что при тебѣ вчера всѣхъ твоихъ денегъ не было, а то бы твои добрые пріятели и пріятельницы и отъ всѣхъ твоихъ денегъ оставили бы у тебя въ кошелькѣ только два золотыхъ. Ахъ, ты, рохля пьяная!

— Ну, что, Глаша, не поминай.

Часа черезъ два супруги, одѣтые по дорожному, выходили изъ номера, чтобы садиться въ экипажъ иѣхать на желѣзную дорогу. Прислуга гостиницы вытаскивала ихъ подушки, саквояжи и чемоданы. Въ коридорѣ и по лѣстницѣ стояла также разная мужская и женская прислуга, которую супруги раньше во все время своего пребыванія въ гостиницѣ даже и не видали. Эта прислуга напоминала имъ о себѣ, кланяясь, и держала наготовѣ руки, чтобы получить на чай.

LXVIII.

Среди подушекъ и саквояжей супруги єхали по улицѣ Лрафаѣтъ въ закрытомъ экипажѣ, направляясь къ вокзалу Ліонской желѣзной дороги, и смотрѣли въ окна экипажа на уличное движеніе, прощаясь съ Парижемъ. Глафира Семеновна прощалась даже вслухъ.

— Прощай, Парижъ, прощай, — говорила она. — Очень можетъ быть ужъ никогда больше не увидимся. Много было мнѣ здѣсь непріятностей, но во всякомъ случаѣ ты въ тысячу разъ лучше Берлина!

— Но какія-же, душечка, особенные непріятности? Эти непріятности можно всѣ съ хлѣбомъ єсть, — попробовалъ разразить Николай Ивановичъ.

— Молчите. Эти непріятности были всѣ че-резъ васъ.

— Ну, довольно, довольно... Что тутъ!.. Вѣдь ужъ все кончено, єдемъ домой.

На вокзалъ Ліонской желѣзной дороги супруги пріѣхали безъ приключений.

Въ вагонъ ихъ впустили безпрепятственно. Только кондукторъ, покосившись на громадныя подушки, улыбнулся и спросилъ Николая Ивановича:

— Vous êtes les russes, monsieur? N'est ce pas?

— Вуй, вуй, ле рюссъ, — отвѣчала Глафира Семеновна за мужа.

— Oh, je vois dѣj , madame, — продолжалъ улыбаться кондукторъ, указывая на подушки, потребовалъ билеты, тщательно осмотрѣль ихъ и прибавилъ по-

французски: — Вы ъдете прямо въ Женеву, а потому не совсѣтую ъхать въ этомъ вагонѣ. Въ Дижонѣ изъ этого вагона придется пересаживаться въ другой вагонъ. Пойдемте, я вамъ укажу вагонъ, изъ которого не надо будетъ пересаживаться.

Онъ поманилъ ихъ пальцемъ, взялъ ихъ саквояжи и подушки и помогъ имъ вынести все это изъ вагона и перевелъ въ другой вагонъ, пояснивъ еще разъ:

— Voila à présent c'est tout droit peur Genève.

— Вотъ это по нашему, вотъ это на нашъ русскій кондукторскій манеръ, — заговорилъ Николай Ивановичъ и, поблагодаривъ кондуктора, сунулъ ему въ руку франкъ.

— Merci, monsieur, — кивнулъ кондукторъ и одобрительно сказалъ: — Oh, je connais les russes et leurs habitudes!

Поѣздъ простоялъ четверть часа и, наконецъ, послѣ трехъ звонковъ тронулся.

LXIX.

Женева, куда прїѣхали супруги, осенью бываетъ пуста, путешественники въ нее вовсе не заглядываютъ, проживающіе въ ней богатые иностранцы перебираются на берега Средиземнаго моря. Такъ было и въ данное время. Улицы были безлюдны, рестораны, кофейни и лавки безъ покупателей. Хозяева стояли на порогахъ, отъ ничего дѣлать покуривали и позѣывали. Гуляю-щихъ совсѣмъ было не видно. Кое-гдѣ виднѣлись прохожіе, но они спѣшили дѣловой походкой. Первое время супруги даже не видѣли и экипажей на улицѣ, не видать было и ломовыхъ извозчиковъ. Все это несказанно поразило супруговъ послѣ парижскаго многолюдія и выставочной и бульварной толкотни.

— Что-же это такое? Женева-ли ужъ это! — воскликнула Глафира Семеновна, озираясь по сторонамъ. — Такъ расхваливали Женеву, говорили, что такой знаменитый городъ, а вѣдь все пусто. А ужъ въ

книжкахъ-то про Женеву, сколько писано! Николай Иванычъ, Женева-ли это?

— Женева, Женева... Самъ я читалъ на вывѣскѣ на станціи.

— Удивительно! Гдѣ-же Монбланъ-то этотъ самый? Я Монблана не вижу.

— Да вонъ горы... — указалъ Николай Ивановичъ. Они подходили къ мосту.

— Монбланъ, по описанію, долженъ быть бѣлый, снѣговой, покрытый льдомъ, а я тутъ рѣшительно ничего не вижу. Самая обыкновенная гора, а сверху тучи, — продолжала Глафира Семеновна.

— Да вѣдь день пасмурный. Монбланъ, надо полагать, тамъ вонъ, за тучами.

— Нѣть, это не Женева, рѣшительно не Женева. Въ книжкахъ я читала, что видъ на горы долженъ быть необыкновенный, но никакого вида не вижу. Самыя обыкновенные горы.

— Ну, никакого, такъ никакого. Тѣмъ лучше: не нравится тебѣ, такъ скорѣе изъ Женевы уѣдемъ, — сердито отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

Подойдя къ мосту и взглянувъ съ набережной на воду озера, Глафира Семеновна воскликнула:

— Синяя вода! Нѣть, это Женева, Женева! По синей водѣ узнала. Эту синюю воду страсть сколько описывали. Дѣйствительно, замѣчательная вода: синяя, а какъ прозрачна! Смотри, Николай Иванычъ, вѣдь здѣсь ужъ какъ глубоко, а дно видно. Вонъ разбитая тарелка на днѣ лежитъ.

— А чортъ съ ней!

Николай Ивановичъ зѣвнулъ и отвернулся.

— Но вода, вода — прелестъ что такое! — восхищалась Глафира Семеновна. — Отчего это, Николай Иванычъ, здѣшняя вода такая синяя? Неужели оть природы?

— Фабрики гдѣ-нибудь нѣть-ли поблизости, гдѣ кубомъ и синькой матеріи красятъ, а потомъ синюю краску въ воду спускаютъ.

— Да полно, что ты! Неужели-же столько воды можно въ синюю краску выкрасить! Вѣдь тутъ цѣлое

озеро — возразила Глафира Семеновна. — Смотри, смотри: вонъ пароходъ бѣжитъ, вонъ двѣ лодочки подъ парусами бѣгутъ.

Николай Ивановичъ опять зѣвнуль.

Супруги перешли мостъ и очутились на большой улицѣ, сплошь переполненной богатыми магазинами съ зеркальными стеклами. На окнахъ — выставки со всякой модной и галантейной дрянью. Глаза у Глафиры Семеновны такъ и разбѣгались. Она останавливалась у каждого окна и восклицала: „Ахъ, какая прелестъ! Ахъ, какой восторгъ! Да тутъ есть вещи лучше, чѣмъ въ Парижѣ!“ Николай Иванычъ, какъ хочешь, а ты за твою парижскую провинность долженъ мнѣ разрѣшить купить разныхъ мелочей на подарки хоть франковъ на сто, — сказала она.

— Опять за провинность! Да что ты, матушка! Вѣдь этому конца не будетъ.

Глафира Семеновна надулась.

— Мнѣ безъ подарковъ домой вернуться нельзя. И Глафира Семеновна слезливо заморгала глазами, наконецъ плюнула и побѣжала по тротуару. Николай Ивановичъ пустился за ней.

— Глаша! Куда ты? Не дури. Пожалуйста, не дури, — уговаривалъ онъ, стараясь съ ней поровняться и заглянуть ей въ лицо, но только что поровнялся съ ней, какъ она ударила его зонтикомъ по рукѣ.

Прохожіе останавливались и въ недоумѣніи смотрѣли на нихъ. Хозяева и приказчики магазиновъ, видя эту сцену сквозь зеркальныя стекла оконъ, также выбѣгали на улицу и долго глядѣли имъ вслѣдъ. Добѣжавъ до какого-то бульвара, Глафира Семеновна перестала рысить, сѣла на скамейку и, закрывшись платкомъ, заплакала.

— Извергъ, злодѣй! По Европѣ-то только ъздите, цивилизацію изъ себя разыгрываете, а сами хотите дикія азіатскія звѣрства надъ женой распространять, — говорила она.

Николай Ивановичъ подсѣлъ къ ней и сталъ извиняться.

Кончилось тѣмъ, что Глафира Семеновна кой-какъ

утѣшилась и перестала плакать. Николай Ивановичъ повелъ ее по магазинамъ, гдѣ она и накупила разной галантерейной дряни уже не на сто, а на двѣсти франковъ. Были куплены плетеные корзинки, бездѣлушкы изъ альпійскихъ горныхъ породъ, плато подъ лампы, какая-то ювелирная дрянь изъ раковинъ, булавки съ дешевенькими камнями, галстучки, рѣзные домики изъ дерева и т. п. Все это было отправлено домой.

Сдѣлавъ покупки, супруги отправились отыскивать ресторанъ, гдѣ-бы имъ поѣсть, а въ тотъ-же день въ пять часовъ они были уже на станціи желѣзной дороги и сидѣли въ поѣздѣ, взявъ билеты прямого сообщенія до границы.

Пассажировъ, выѣхавшихъ изъ Женевы, было немного, да и тѣ размѣстились, главнымъ образомъ, въ вагонахъ третьяго класса, второй же классъ почти совсѣмъ пустовалъ, такъ что супруги ѿхали одни въ купѣ.

Швейцарскія желѣзныя дороги изобилуютъ станціями. Поѣздъ бѣжалъ съ необыкновенной быстротой, но то и дѣло, почти каждыя десять минутъ останавливался на какой-нибудь станціи на одну минуту, быстро выпускалъ и забиралъ пассажировъ и снова мчался. Второй классъ такъ и не наполнялся пассажирами—всѣ ограничивались третьимъ классомъ, и супруги сидѣли въ купѣ второго класса попрежнему одни. Николай Ивановичъ спалъ крѣпкимъ сномъ и раскатисто хранилъ. Глафири Семеновнѣ не спалось. На каждой станціи она отворяла окно и наблюдала выходящую изъ поѣзда и входящую публику, продавцовъ и продавщицъ, снующихъ по платформѣ и предлагающихъ публикѣ

чию въ стаканахъ, сандвичи, груши, яблоки, виноградъ, юкетики цвѣтовъ, плетеные корзиночки, мелкія стеклянныя издѣлія, фотографіи швейцарскихъ видовъ, конфекты, печенье и т. п. Сначала продавцы и снующая публика говорили только по французски, потомъ къ французскому языку стала примѣшиваться нѣмецкій языкъ и, наконецъ, вдругъ французскій языкъ исчезъ совершенно и воцарился одинъ нѣмешкій. Началась нѣмецкая Швейцарія. Глафира Семеновна, замѣтивъ

измѣненіе языка при покупкѣ съѣстныхъ предметовъ, начала будить мужа.

— Можешь ты думать, опять Нѣметчина нача-
лась, — говорила она, расталкивая его. — Повсюду
нѣмецкій языкъ и самыя серьезныя рожи. Пока быль
французскій языкъ, рожи были веселыя, а какъ заго-
ворили по-нѣмецки—все нахмурилось.

Николай Ивановичъ что-то промычалъ и сталъ
протирать заспанные глаза.

— Боюсь, какъ бы намъ опять не перепутаться и
не попасть туда, куда не слѣдуетъ. Нѣмецкая земля
намъ несчастлива, — продолжала Глафира Семеновна. —
Ты ужъ не спи. Надо опять поспрашивать, туда-ли
мы ъдемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Какой тутъ сонъ! Довольно. Я
хочу, — отвѣчалъ Николай Ивановичъ.

— Щды здѣсь много. На каждой станціи можешь
наѣсться и напиться, не выходя изъ вагона. Къ окнамъ
и пиво, и бутерброды подносятъ. А вотъ поспрашивать
то надо, туда-ли мы ъдемъ.

— Да мы куда собственно ъдемъ-то теперь? Прямо
въ Россію или...

— Нѣтъ, нѣтъ, надо остановиться въ Вѣнѣ. День
проживемъ въ Вѣнѣ. Но вотъ вопросъ—въ Вѣну-ли
мы ъдемъ? Можетъ быть, давно уже нужно было пере-
сѣсть въ другой вагонъ, а мы сплоховали. Въ Нѣмет-
чинѣ вѣдь все съ пересадкой...

— Непремѣнно нужно спросить кондуктора.

На слѣдующей же станціи Глафира Семеновна,
высунувшись изъ окна, кричала проходившему мимо
вагона кондуктору:

— Херь кондукторъ! Коммензи бите! Вѣнъ...
Во Вѣнъ?

— Но слова „Вѣнъ“ онъ не понималъ и отвѣтъ
никакого не далъ. Наконецъ, кельнеръ, разносившій
мимо вагоновъ пиво на подносѣ и у котораго Николай
Ивановичъ выпилъ два стакана, сжалился, надѣ супру-
гами и спросилъ по-нѣмецки:

— Wie heiss die Station?

— Вѣнъ... Штадтъ Вѣнъ... — повторила Гла-

фира Семеновна и показала книжку, а въ ней билеть на которомъ было написано: „Wien“.

— Wien, — прочиталь кельнеръ, улыбаясь, и прибавиль по-нѣмецки: — это далеко... это Австрія, а вы въ Швейцаріи.

— Винъ... Винъ... — подхватила Глафира Семеновна. — Винъ по-нѣмецки Вѣна-то называется, а не Вѣнъ... — пояснила она мужу. А я то Вѣнъ! Онъ говоритъ, что Винъ еще далеко. Ну, а сидимъ то мы въ томъ вагонѣ, въ которомъ слѣдуетъ? Вагонъ исть Винъ? — допытывалась она у кельнера.

Тотъ началъ говорить что-то по-нѣмецки, но паровозъ свистнуль, и поѣздъ помчался.

LXX

Давка и толкотня царствовали на вокзалѣ, когда супруги пріѣхали въ Вѣну. Изъ оконъ вагона виднѣлась толпящаяся на платформѣ публика, и дивное дѣло, большинство ея было жиды: жиды длиннополые и жиды короткополые, жиды въ цилиндрахъ и шляпахъ котелками и жиды въ картузахъ, жиды съ сильными признаками пейсовъ и жиды съ слабыми признаками пейсовъ. Даже добрая половина нарядныхъ женщинъ отличалась семитическими горбатыми носами и крупными сочными губами. Поѣздъ еще не остановился, и медленно катясь, шелъ мимо платформы, а ужъ въ купѣ второго класса появился тоненький юркій еврейчикъ въ шляпѣ котелкомъ, съ тощей, щипаной бородкой клиномъ, въ красномъ галстухѣ, въ кольцахъ съ цвѣтными камушками на грязныхъ рукахъ, расшаркивался передъ супругами, кланялся и соваль въ ихъ руки адресъ гостиницы, приговаривая по-нѣмецки:

— Готель первого ранга... Въ лучшей части города. Цѣны дешевыя... Завтраки, обѣды и ужины по умѣреннымъ цѣнамъ... Съ извозчикомъ можете не торговаться... Багажъ со станціи получимъ въ двѣ минуты.

Говорилъ онъ безъ умолку, вертѣлся и то и дѣло приподнималъ шляпу.

— Глаша! Что онъ бормочеть? — спросилъ жену Николай Ивановичъ.

— Да кто-жъ его разберетъ,—отвѣчала та. — Ка-жется, гостиницу предлагаетъ.

Еврейчикъ, заслыша русскую рѣчъ и видя, что его не понимаютъ, заговорилъ на ломаномъ французскомъ языке.

— Прочти хоть, что на карточкѣ-то стоитъ, мо-жеть бытъ, адресъ и понадобится, — продолжалъ Николай Ивановичъ, принимая отъ еврея карточку и пе-редавая ее женѣ.

— Ну, его... Не желаю я съ жидами возиться.

Еврейчикъ, видя, что и французская его рѣчъ остается безъ отвѣта, заговорилъ по-польски.

— Да мы русскіе, русскіе — отвѣчала, наконецъ, Глафира Семеновна, улыбаясь.—Руссенъ виръ и ничего намъ не надо.

— Ach hochachtungswolle, Madame! — вздохнуль еврейчикъ. — Какъ жалко, что я не говорю по-русски! Я говорю по-нѣмецки, по-французски, по-польски, по-венгерски, по-чешски, по-хорватски, по-сербски, но-ру-сскаго языка я, къ несчастію, не знаю. Доставьте случай усугубить вамъ гостиницей, и я представлю вамъ по-ляка, говорящаго по-русски—бормоталь онъ по-нѣмецки.

Поѣздъ остановился, появился носильщикъ въ сѣрой курткѣ, которому супруги поручили свои по-душки и саквояжи, и съ нимъ вмѣстѣ вышли изъ вагона, но еврейчикъ не отставалъ. Онъ уже прыгалъ около носильщика и бормоталъ что-то ему.

— Экипажъ прикажете?—спросилъ супруговъ но-сильщикъ.

— Я, я, экипажъ,—отвѣчала Глафира Семеновна.—Виръ инъ готель.

У подъѣзда вокзала носильщикъ поманилъ извоз-чика. Еврейчикъ продолжалъ тереться и около извоз-чика, даже подсаживалъ супруговъ въ экипажъ.

— Да не надо намъ, ничего не надо,—отпихнуль его Николай Ивановичъ.

— Въ какую же гостиницу мы ѿдемъ?—спросилъ онъ жену.

— Да въ какую извозчикъ привезетъ. Вѣдь намъ все равно. Только-бы не въ жидовскую.

Сначала тѣхали по плохо освѣщенныи улицамъ но, наконецъ, въѣхали въ улицы, залитыя газомъ. Извозчикъ сдѣлалъ нѣсколько поворотовъ и остановился передъ подъѣздомъ гостиницы, освѣщенной двумя электрическими фонарями. Изъ подъѣзда выскочили швейцарь въ шапкѣ съ позументомъ, мальчишка въ красной кѣпи и сърой курткѣ и принялись высаживать супруговъ изъ экипажа.

— Циммеръ... Циммеръ фюръ цвей... Съ цвей кровати, — сказалъ Николай Ивановичъ...

— Прошу панъ. Дрей гульденъ,—отвѣчалъ швейцарь.

Николай Ивановичъ полѣзъ въ карманъ и хотѣлъ разсчитаться съ извозчикомъ, но передъ нимъ, какъ изъ земли, выросъ тотъ самый еврейчикъ, который къ нимъ приставалъ въ вагонѣ и на станціи, и съ учтивымъ поклономъ отстранилъ его руку.

— Ist nicht nöthig zu zahlen... Ist schon bezahlt... Nach her werden Sie zahlen. Il ne faut pas payer... C'est payé dejà—затрещалъ онъ.

— Ужъ сюда поспѣлъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ при видѣ еврейчика.—Вамъ чего? — крикнулъ онъ на него—Глаша! Чего онъ хочетъ?

— Говорить, что не надо платить извозчику.

— Да причемъ-же тутъ еврюга-то этотъ? Ежели этотъ еврюга здѣшній, то я не желаю останавливаться въ жидовской гостиницѣ,—сказалъ онъ женѣ.

— Да ужъ иди, иди въ подъѣздѣ-то. Гдѣ-же теперь другую гостиницу искать.

— Опуталь-таки еврюга, опуталь! Привезъ куда хотѣлъ, — хлопнуль себя по бедрамъ Николай Ивановичъ и вошелъ въ подъѣздѣ.

Гостиница была роскошная, съ великолѣпной лѣстницей. Супруговъ встрѣтилъ на лѣстницѣ цѣлый сонмъ прислуги: тутъ были и кельнеры во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, и горничныя дѣвушки въ форменныхъ коричневыхъ платьяхъ, бѣлыхъ чепцахъ и передникахъ, мальчики въ сѣрыхъ курткахъ съ зеленою оторочкой.

Все это кланялось и повело супруговъ въ коридоръ показывать комнаты. Супруги выбрали большую комнату въ четыре гульдена и остались въ ней. Двѣ горничныя бросились снимать съ Глафиры Семеновны ватерпруфъ, два кельнера стаскивали съ Николая Ивановича пальто. Третій кельнеръ стоялъ въ почтительной позѣ и ждалъ приказаний.

— Я думаю, Глаша, прежде всего чайку и закусить,—началь Николай Ивановичъ, обращаясь къ женѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, хотѣлъ отдать приказъ кельнеру, но тотъ уже, почтительно поклонившись, пятался къ двери и бормоталъ.

— Ich verstehe, mein Herr... Gleich werden Sie kriegen...

— Понимаютъ по-русски-то, но только не говорятъ, — замѣтила Глафира Семеновна, когда кельнеръ исчезъ за дверью.

LXXI.

Такъ какъ супруги положили остаться въ Вѣнѣ всего одни сутки, то, умывшись, напившись чаю и закусивъ, они тотчасъ-же отправились осматривать городъ. На этотъ разъ они уже были осторожны, и дабы не разыскивать свою гостиницу на обратномъ пути, какъ они разыскивали въ Парижѣ, запаслись адресомъ гостиницы у швейцара. Когда они брали карточку и адресъ у швейцара, вдругъ передъ ними завертѣлся знакомый уже имъ тоненькой еврейчикъ. Снимая шляпу и раскланиваясь, онъ спрашивалъ, не нуженъ-ли супругамъ экипажъ. Дабы супруги могли его понять, онъ одну и ту же фразу произносилъ по-французски, по-немецки и по-польски.

— Вотъ навязывается-то—сказала Глафира Семеновна. — Не надо. Ничего не надо! Нихтсъ... Геензи прочь. Мы идемъ гулять, шпациренъ...

И супруги отправились пѣшкомъ. Вскорѣ они вышли на большую улицу, блестательно освѣщенную газомъ. Направо и налево сплошь были магазины съ великолѣпными выставками товаровъ и съ обозначе-

ніемъ цѣнъ. Такого сильнаго движенія въ экипажахъ, какъ въ Парижѣ и Берлинѣ, на улицѣ не было, но зато на тротуарахъ была толпа отъ пѣшеходовъ, и эта толпа изобиловала евреями всѣхъ мастей и степеней полировки. Прежде всего, что поразило супруговъ, это масса накрашенныхъ женщинъ извѣстнаго сорта, пестро расфранченныхъ, въ высокихъ шляпахъ съ широкими полями, ухарски надѣтыхъ на бокъ и непремѣнно съ громаднымъ бѣлымъ страусовымъ перомъ, развѣвающимся на этихъ шляпкахъ. Женщины дымили папиросками и бросали вызывающіе взглѣды на мужчинъ.

— Въ Парижѣ и Берлинѣ такихъ бабыхъ стадъ на улицахъ вѣдь мы не видѣли,—замѣтилъ женѣ Николай Ивановичъ.—Это ужасъ сколько ихъ! И всѣ съ бѣлыми перьями. Форма здѣсь такая, что-ли?

Они проходили мимо колоссальнаго потемнѣвшаго храма и остановились взглянуть на барельефы, еврейчикъ подскочилъ къ нимъ и произнесъ, указывая на храмъ:

— Die berѣhmte Stephanskirche.

Глафира Семеновна улыбнулась на еврейчика и перевела мужу.

— Церковь св. Стефана, онъ говоритъ.

Далѣе Глафира Семеновна стала останавливаться около оконъ магазиновъ. Въ окнахъ было свѣтло, такъ что больно было смотрѣть, до мельчайшихъ деталей виднѣлась вся внутренность магазиновъ и въ нихъ опять таки носатые и губастые евреи, хоть и одѣтые по послѣдней модѣ.

— Приказчики-то также все изъ іерусалимскихъ. Какъ-же намъ сказано, что Вѣна—славянскій городъ. Вотъ тебѣ и славянскій! — замѣтила сна мужу.

Жиденъкій еврейчикъ не отставалъ отъ супруговъ и при каждой ихъ остановкѣ около оконъ магазиновъ вертѣлся тутъ-же.

— Вотъ надоѣлъ-то! Брысь, окаянный! — крикнулъ на него Николай Ивановичъ и даже махнулъ зонтикомъ.

Еврейчикъ мгновенно приподнялъ шляпу и отскочилъ, но когда супруги оглянулись, онъ шелъ сзади.

На другой день поутру, когда супруги пили кофе и чай, хотя и безъ самовара, но съ достаточнымъ количествомъ запасного кипятку въ мельхиоровыхъ кувшинахъ съ крышками, въ комнату ихъ постучался еврейчикъ. Онъ вошелъ, раскланялся и заговорилъ понѣмецки:

— Не будетъ-ли какихъ порученій отъ господина и мадамъ? Театральные билеты, модные товары, сигары, вино...

И тутъ онъ мгновенно выташилъ изъ кармана афиши, адреса магазиновъ и ловко разложилъ все это передъ супругами на столъ, продолжая бормотать и мѣшаніемъ нѣмецкую рѣчь съ французскою и польскою.

— Ничего, братъ, не надо, ничего... Все кончено... — замахалъ руками Николай Ивановичъ. — Сегодня ѿдемъ въ Петербургъ. Подай счетъ, и чтобы съ тобой больше не знаться.

— Ну партонъ суаръ а Петербургъ... — перевела еврейчику Глафира Семеновна.

Еврейчикъ даже выпучилъ глаза.

— Какъ сегодня? Въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, и вы не хотите остаться даже на три дня! — воскликнулъ онъ. — Да вы, мадамъ, дѣлаете себѣ убытокъ. Вы можете купить здѣсь много, очень много хорошихъ товаровъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Я-бы могъ рекомендовать вамъ такое венгерское вино, за которое вамъ нужно заплатить въ Россіи втрое дороже. Да вотъ не угодно-ли попробовать, всего два гульдена за бутылку.

— Ничего мнѣ не надо. Баста. Абендъ фаренъ, — отрѣзалъ Николай Ивановичъ.

Попробовать венгерского вина еврейчикъ его все-таки упросилъ. Николай Ивановичъ попробовалъ и сказалъ:

— Вино, дѣйствительно, превосходное. Дома можно кого-нибудь попотчевать. Развѣ пару бутылокъ? — спросилъ онъ жену, и когда та не возразила кивнулъ еврейчику: — Ну, гутъ, цвей бутель.

За виномъ началось предложеніе сигаръ. Еврейчикъ подалъ сигару, просилъ его попробовать и до

тѣхъ поръ не отсталъ, пока Николай Ивановичъ не заказалъ ему сотню. Послѣ сигаръ еврейчикъ выташилъ изъ кармана образцы мебельныхъ матерій.

— Довольно, довольно. Маршъ! — раздраженно крикнулъ Николай Ивановичъ и указаль на дверь.

Еврейчикъ мгновенно скрылся.

— Ну, славянскій городъ Вѣна, нечего сказать. Обуяли жиды! — сказалъ послѣ его ухода Николай Ивановичъ.

Вошелъ кельнеръ убирать посуду и спросилъ у супруговъ паспортъ.

— Какой тутъ къ черту паспортъ, ежели мы сегодня ъдемъ! — сказалъ Николай Ивановичъ. — Счетъ намъ подавай, рехнунгъ. Сегодня фаренъ въ Петербургъ.

Кельнеръ все-таки стоялъ на своемъ и требовалъ паспортъ хоть на пять минутъ.

— Да дай ему паспортъ-то... Только на пять минутъ просить. Должно быть, ужъ надо. Вѣрно здѣсь такие порядки.

Николай Ивановичъ далъ и сказалъ женѣ:

— Замѣть, какая странность: поять и кормяль здѣсь сытно, основательно, на русскій манеръ, и на русскій манеръ паспортъ требуютъ. Нигдѣ вѣдь отъ насъ заграницей паспорта не требовали, кромѣ Вѣны.

Поѣздъ до границы, оказалось, идетъ не вечеромъ, а въ три часа дня. Объ этомъ сообщилъ кельнеръ, принесшій счетъ и возвратившій супругамъ паспортъ, — и супруги тотчасъ же стали собираться на желѣзную дорогу. Еврейчикъ терся тутъ-же, помогаль увязывать вещи и, наконецъ, предъявилъ свой счетъ за проѣздъ въ экипажахъ, за театральные билеты, за купленныя у него сигары и вино. Послѣ подведенной суммы стояла строчка „Commission“ и около нея помѣщался вмѣсто цифры большой вопросительный знакъ (?). Онъ указаль на этотъ вопросительный знакъ и сказалъ по-нѣмецки:

— Что милостивый государь и милостивая государыня (gnädiger Herr und gnädige Frau) дадутъ, тѣмъ я и буду доволенъ. Надѣюсь, что они не обидятъ бѣднаго комиссіонера.

Фраза эта была повторена имъ и на ломаномъ французскомъ языкѣ. Глафира Семеновна перевела все это мужу по-русски.

Еврейчикъ низко кланялся и помогалъ Николаю Ивановичу надѣвать пальто. Николай Ивановичъ за комиссию далъ ему два гульдена. Еврейчикъ ниже поклонился, поѣхалъ провожать супруговъ на вокзалъ желѣзной дороги, усадилъ ихъ въ вагонъ, сунулъ имъ при прощаньи нѣсколько адресовъ гостиницъ и своихъ комиссіонерскихъ карточекъ, прося рекомендовать Ѳду-щимъ въ Вѣну русскимъ, и низко раскланявшись, вышелъ изъ вагона.

Черезъ минуту поѣздъ тронулся.

LXXII.

По дорогѣ отъ Вѣны до русской границы съ супругами ничего замѣчательного не произошло.

Ночь была проведена супругами спокойно въ вагонѣ; спали они довольно хорошо, и утромъ, проснувшись на зарѣ, къ великой своей радости узнали, что до русской границы осталось Ѳзды съ небольшимъ часъ. Утро было пасмурное, октябрьское, холодное, непріглядное, навѣвающее при обыкновенныхъ условіяхъ хандру, но лица супруговъ все-таки сіяли отъ удовольствія. Они радовались, что подѣѣзжали къ русской границѣ. Николай Ивановичъ, выпивъ натощакъ, вмѣсто утренняго чаю, кружку пива, даже напѣвалъ себѣ подъ носъ:

„Конченъ, конченъ дальній путь,
Вижу край родимый“.

— Ты рада, Глаша, что скоро мы будемъ въ русской землѣ?—спросилъ онъ жену.

— Очень рада. То-есть, вѣришь, такъ рада, что и сказать трудно,—отвѣчала та, улыбаясь. — Ужасно на-доѣло. Всѣ эти заграничные порядки совсѣмъ мнѣ не понутру.

— Да, да... Какъ только пріѣдемъ на русскую

границу, сейчасъ на станціи выпью б-б-большую рюмку простой русской водки... — протянулъ Николай Ивановичъ.

— Ну, вотъ... У тебя только и на умѣ, что водка.

— Душенька, да вѣдь вспомни, сколько времени я съ ней не видался-то! Только въ Женевѣ и удалось пользоваться одинъ разъ, но за то, вспомни, сколько содрали-то за нее!

Но вотъ поѣздъ сталъ убавлять ходъ. Бѣхали совсѣмъ тихо между цѣлыми рядами вагоновъ, стоявшихъ на запасныхъ путяхъ. Бродили рабочіе по запаснымъ путямъ. Не взирая на дождь, Николай Ивановичъ отворилъ окно и, высунувшись изъ него, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ по направленію къ русской границѣ. Вдругъ какой-то рабочій громко выругался по-русски, упомянувъ крѣпкое слово. Николай Ивановичъ вздрогнулъ.

— Глаша! Русскіе ужъ! Русскіе мужики! По русски ругаются! — воскликнулъ онъ и торжественно прибавилъ:— Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Еще минута. Послышался скрипъ и стукъ тормазовъ, и поѣздъ остановился.

— Пріѣхали на русскую границу? Ну, слава Богу! — произнесла Глафира Семеновна и перекрестилась.

Перекрестился широкимъ крестомъ и Николай Ивановичъ.

Русскій говоръ уже слышался въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Виднѣлись два столба: одинъ съ австрійскимъ гербомъ, другой — съ русскимъ. Вбѣжалъ въ вагонъ носильщикъ и забралъ вещи супруговъ. Супруги вышли изъ вагона и пошли по платформѣ. Вотъ и станціонное зало. У дверей стоялъ бравый русскій жандармъ и отбиралъ паспорты.

— Русскій человѣкъ! Настоящій русскій! Голубчикъ! — воскликнулъ Николай Ивановичъ и отъ полноты чувствъ обнялъ жандарма.

КОНЕЦЪ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 2 JUIN 1977
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 6040

